

М. Г. РОЖНОВСКАЯ

ОЧЕРКИ
ПО СИНТАКСИСУ
БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

4/8
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

М. Г. РОЖНОВСКАЯ

.....

ОЧЕРКИ
ПО СИНТАКСИСУ
БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ПРЕДИКАТИВНЫМ
ОПРЕДЕЛЕНИЕМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

4
P-63

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

73636

Монография по синтаксису болгарского языка выполнена на богатом языковом материале. В ней освещаются грамматическое и актуальное членение предложения, синтаксическое и смысловое согласование, роль лексики в синтаксисе. Большое место уделено функции артикля в структуре предложения.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
С. Б. БЕРНШТЕЙН

P 70104—379
042(02)—79 540—79

© Издательство «Наука», 1979 г.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ДВА ОСНОВНЫХ ТИПА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современные лингвистические школы исходят при описании синтаксиса языка из понимания предложения как независимой языковой формы, не включенной посредством грамматической конструкции в более широкую языковую форму. В предложении, соответственно грамматическим законам языка, соединяются в завершенное единство посредством ряда конструкций различные классы слов. При всем многообразии конкретных видов предложения они выявляют весьма ограниченное число основных типов структуры, которые имеют возможность дальнейших частных модификаций.

Ядро предложения в болгарском языке образует либо конструкция NV, либо конструкция NVⁿ/A. В первом случае это предложения с так называемым глагольным сказуемым, во втором — предложения с так называемым именным сказуемым традиционной грамматики.

В лингвистической литературе стало обычным рассматривать принципиальные вопросы структуры простого предложения на основе анализа предложений первого типа. Предложения с так называемым именным сказуемым при подобном подходе представляются как некий вариант предложений с глагольным сказуемым. Вместе с тем второй основной тип предложений является самостоятельным образованием, имеющим и в области формы и в области грамматического значения свои специфические черты, которые не могут быть раскрыты исходя из грамматических данных первого типа предложений. Не случайно именовое сказуемое и близкие синтаксические явления стали предметом капитального труда такого видного языковеда, как А. А. Потебня¹.

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1—2 (Введение. Составные члены предложения и их замены). Харьков, 1888.

Даже самая приблизительная оценка употребительности первого и второго типа предложений показывает, что это две равно функционирующие формы простого предложения. Раскрыть закономерности второго основного типа значит описать значительную часть синтаксиса простого предложения.

КОНСТРУКЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВА СТРУКТУРЫ ТРЕХЧЛЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Ядро предложений второго основного типа представляет собой конструкцию предикативного определения.

Предикативное определение есть составной элемент особой трехчленной конструкции, двумя исходными элементами которой являются существительное-подлежащее и глагол-сказуемое. Этот элемент выражается существительным или прилагательным, согласуемым с первым существительным конструкции. Таким образом, конструкцию предикативного определения образуют существительное-подлежащее, глагол-сказуемое и присоединяемое к этим двум элементам существительное или прилагательное-предикативное определение.

Синтаксическая позиция предикативного определения допускает функционирование двух классов слов — класса существительных и класса прилагательных. В языке наблюдаются параллельные конструкции с одним и тем же глаголом, но с разными классами слов в позиции предикативного определения: ср. «— Мъжът ѝ беше стар *ергенин*» (Карасл.) и «Сърдити бяха и двамата» (Йовк.); «Смачканият пехотинец съвсем не му се виждаше опасен *конкурент*» (Веж.) и «И в неговите очи кучето му се виждаше *страшно*» (Йовк.); «Добре, но новият кмет излезе *въздържател*» (Е. П.) и «И баща ѝ излезе *прав*» (Карасл.); «...ще остане ли Васил и занапред *управител* на чифлика» (Йовк.) и «Поручик Манев... остана *доволен* от прегледа» (Веж.); «Качамакът стана *богатско ядене*» (Л. Стоян.) и «По-нататъшното напредване бе станало *невъзможно и безсмислено*» (Веж.).

Равенство этих двух классов слов в позиции предикативного определения наглядно проявляется при субституции, которая допускает подстановку на место существительного не только других существительных, но и прилагательных, а также подстановку на место прилага-

тельного не только других прилагательных, но и существительных, например:

— Мъжът ѝ беше стар ергенин

опасен конкурент
управител на чифлика
въздържател
сърдит
страшен
доволен от прегледа
и т. д.

И баща ѝ излезе прав

сърдит
страшен
доволен от прегледа
въздържател
управител на чифлика
и т. д.

Особенно показательны в этом отношении случаи, когда в конструкции предикативного определения при одном глаголе выступают как однородные члены и существительное и прилагательное: Това момиче беше *дъщеря* на железничар и също *изключено* от гимназията (Дим.); Кръстевица беше *страхлива* и *сметкаджийка*, тя дори щеше да му се скара (Карасл.); ...тоя човек е или безсъвестен *тип* или просто *некадърен* за офицер (Веж.); Той беше ниско дребно *човече*, *късав* (Йовк.); Той беше *човек* на четирийсет и девет години и два месеца..., *смирен*, *целомъдрен*, *женен* и *гайтанджия* (Ваз.).

Вместе с тем, хотя существительное и прилагательное выступают на равных правах в конструкции предикативного определения, с функционированием каждого из этих классов в данной конструкции связаны свои специфические грамматические проблемы.

СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В ИХ ОСВЕЩЕНИИ

Отдельные элементы конструкции предикативного определения — существительное-подлежащее, глагол-сказуемое и само предикативное определение — уже получали различные дефиниции и характеристики в грамматиче-

ской литературе. Подведем итог тому, что было сделано в этой области.

Специальных углубленных исследований перечисленных синтаксических элементов в болгарской литературе нет. В грамматиках представлены различные общераспространенные точки зрения с некоторой модификацией их применительно к болгарскому языку.

1. П. Ст. Калканджиев понимает предложение как «слово или согласованный ряд слов, которые выражают мысль посредством глагола — выраженного или подразумеваемого»². По поводу подлежащего и сказуемого и их роли в предложении он пишет: «Глагол со всеми своими определенными формами является сказуемым в предложении, а его грамматическое лицо, из которого исходит или к которому направлено глагольное содержание, есть подлежащее», при этом «глагольное лицо раскрывается в окончании глагольной формы»³. Параллельно дается еще и следующая дефиниция: «Имя или местоимение, которое непосредственно поясняет сказуемое лицо, называется подлежащим словом». Это имя существительное или местоимение «непосредственно прибавляется и согласуется по лицу и числу» со сказуемым лицом и ставится в именительном падеже, либо в звательном. Грамматист специально поясняет отношение между подлежащим и подлежащим словом: «В практической грамматике не делается разницы между подлежащим (сказуемым лицом, которое проявляет или испытывает то, что выражено в содержании глагола) и подлежащим словом (именем или другим словом, которое точно определяет сказуемое лицо)»⁴. По его мнению, следует рассматривать «подлежащее слово как определение подлежащего (глагольного лица)»⁵.

А. Теодоров-Балан в «Новой болгарской грамматике» считает предложением «сообщение, высказанное словами», понимая под «сообщением» совершаемое в нашем сознании сочетание представлений⁶.

² Калканджиев П. Ст. Българска граматика. Второ доп. изд. Пловдив — София, 1938, с. 320.

³ Там же, с. 325.

⁴ Там же, с. 328.

⁵ Там же, с. 420.

⁶ Теодоров-Балан А. Нова българска граматика. София, 1940, с. 380.

Исходя из этого он дает следующую дефиницию грамматической формы предложения и ее главных членов: «Предложение распознается по роли слов, которыми мы выражаем в речи сочетания представлений; эта роль выражается в значении слов и связи между ними. Предложение передает предикативно сочетание двух основных представлений; вокруг них могут группироваться и другие представления, но они только поясняют основные»⁷.

То, что подлежащее и сказуемое являются для автора указанной грамматики прежде всего категориями психологического процесса, особенно наглядно проявляется в дефиниции простого предложения: «Обыкновенно понимается под термином простое предложение то предложение, которое состоит из специальных слов только для подлежащего и сказуемого, одиночно стоящих, без пояснений при них... Такое построение простого предложения принимается за образец, за «норму» предложения вообще»⁸.

«Подлежащее и сказуемое выражаются обыкновенно в речи своими особыми словами; подлежащее выражается как правило именем, а сказуемое — глаголом... Обычно подлежащее есть содержание, а сказуемое — объем; представление, заключающееся в подлежащем, может вместиться в представление, заключающееся в сказуемом, или охарактеризоваться им»⁹.

Автор указывает далее: «Имя, выступающее как подлежащее, ставит представление о сущности в пространство, а глагол, выступающий как сказуемое, своим представлением о признаке действия ограничивает эту сущность во времени; он определяет у нее тот или другой признак в этом времени, а она стоит относительно него в именительном отношении»¹⁰; «подлежащее и сказуемое связываются в предложении, согласуясь между собой по роду, лицу и числу»¹¹.

В работе Л. Андрейчина «Основы болгарской грамматики» предложение характеризуется как «сочетание слов, которое выражает известную мысль... Предложение пред-

⁷ Теодоров-Балан А. Указ. соч., с. 381.

⁸ Там же, с. 388—389.

⁹ Там же, с. 393.

¹⁰ Там же, с. 393—394.

¹¹ Там же, с. 395.

ставляет собой нераздельное единство содержания и формы. По отношению к содержанию основным признаком предложения является сказуемость или предикация, или, другими словами — его способность выражать мысль или суждение. Предложение является в своей основе сообщением или выражением акта мышления, связывающего два представления — предмета (субъекта, сущности) и некоей его особенности или проявления¹². С точки зрения формы основным признаком предложения считается наличие элемента, являющегося «грамматическим носителем или выразителем сказуемости». Таким элементом служит глагол. Другой формальной особенностью предложения признается «взаимное приспособление его составных частей по форме, в соответствии с их служебной ролью»¹³.

Главными членами предложения с точки зрения его строя автор данной грамматики считает те, которые «связываются между собой сказуемой связью» — подлежащее и сказуемое¹⁴.

В основной дефиниции подлежащего им указывается, что оно «обозначает предмет, о котором сообщается что-либо в предложении»¹⁵. Считая односторонней дефиницию, согласно которой «подлежащее означает лицо, которое совершает действие», ввиду того, что она относится только к случаям, когда в предложении имеется глагол действительного залога, автор делает дополнение к ней: «При глаголах страдательного залога подлежащее означает не предмет, который совершает действие, а предмет, на который действие идет «извне»... В этом случае следует различать грамматическое подлежащее от логического, так как здесь они не совпадают»¹⁶. Наряду с этим он отмечает, что подлежащее обыкновенно выражается именем существительным или местоимением, замещающим существительное. Оно стоит всегда в именительном падеже¹⁷.

Дефиниция сказуемого формулируется следующим образом: «Сказуемое означает то, что сообщается о подле-

¹² Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1944, с. 421.

¹³ Там же, с. 422.

¹⁴ Там же, с. 426.

¹⁵ Там же, с. 428.

¹⁶ Там же, с. 428, 429.

¹⁷ См.: Там же.

жащем, т. е. какое-то его проявление или особенность»¹⁸. Основной чертой сказуемого считается его предикативность. Отмечается, что обычно сказуемым служит глагол как часть речи, которая выражает предикативность грамматическим путем¹⁹.

Подчеркивая, что подлежащее, наряду со сказуемым, является главным членом предложения, автор указывает, что согласование между этими членами идет в зависимости от подлежащего: «Сказуемое согласуется с подлежащим по лицу и числу, а когда возможно (при сложных глагольных формах) — и по роду»²⁰.

К. Попов в своем труде «Синтаксис современного болгарского языка» опирается на анализ основных существующих теорий предложения и стремится учесть при этом новейшие тенденции в этой области. Он строит свою дефиницию предложения на основе учета трех видов признаков — грамматического, смыслового (логического), интонационного — и коммуникативной роли языка: «Предложение есть основная, грамматически оформленная единица связанной речи, которая отличается смысловым и интонационным единством»²¹.

Болгарский синтаксист не отказывается от логико-смысловых представлений о предложении, но стремится осмыслить его как структурную единицу. Эта тенденция проявляется в тех дефинициях, которые даются главным членам предложения и конкретно в дефиниции подлежащего. Так, в работе указывается: «Подлежащее есть главная часть, основной структурный элемент каждого двусоставного предложения, предмет мысли»²². Выражая предметное понятие, подлежащее предикативно определяется сказуемым, которое раскрывает тот или другой признак его предметности и служит его детерминантом. Подлежащее и сказуемое есть соотносительные понятия, т. е. подлежащее предполагает и требует сказуемого, а сказуемое предполагает и требует подлежащего. В соответствии с этими представлениями принимается следующая дефиниция: «Главная, синтаксически независимая

¹⁸ Андрейчин Л. Указ. соч., с. 431.

¹⁹ См.: Там же, с. 432.

²⁰ Там же, с. 437; см. также с. 431.

²¹ Попов К. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962, с. 19.

²² Там же, с. 101.

часть предложения, которая выражает предметное понятие и определяется предикативно сказуемым, называется подлежащим»²³. Параллельная дефиниция дается и сказуемому: «Главная, синтаксически зависимая часть предложения, посредством которой раскрывается признак, действие или состояние предмета, обозначаемого подлежащим, называется сказуемым»²⁴.

Определяя главные члены предложения, автор пишет: «В хорошо расчлененном предложении подлежащее и сказуемое синтаксически оформляются как главные члены, которые образуют скелет предложения, сохраняют между собой действительную синтаксическую связь и занимают определенные им порядком слов места»²⁵. «Синтаксическая связь между сказуемым и подлежащим выражается формами согласования. Сказуемое согласуется с подлежащим по лицу, числу, иногда и по роду»²⁶.

Следует отметить, что, делая шаг в сторону новых направлений в языкознании, синтаксист ограничивает этот шаг традиционно-логическим истолкованием явлений синтаксиса, в частности взаимосвязи двух главных членов предложения. Это наглядно проявляется в следующем высказывании: «Они (подлежащее и сказуемое.— *М. Р.*) образуют основное словосочетание в предложении, в котором сказуемое находится в зависимом положении от подлежащего. Эта зависимость сказуемого обуславливается природой главных членов. Подлежащее означает предмет, который мыслится всегда как носитель качества или как производитель действия, которые выражены в предложении сказуемым. Нет признака, который не принадлежал бы предмету, так же как нет предиката, который не принадлежал бы субъекту. Поэтому подлежащее есть всегда главная, грамматически независимая часть предложения, а сказуемое есть главная, но грамматически и логически зависимая часть, которая раскрывает действие или состояние подлежащего, его признак»²⁷.

Показательно также высказывание, сделанное в связи с рассмотрением категории сказуемого: «Сказуемое есть

---

²³ Попов К. Указ. соч., с. 101.

²⁴ Там же, с. 112.

²⁵ Там же, с. 102.

²⁶ Там же, с. 134.

²⁷ Там же, с. 102.

вторая главная часть двусоставного предложения, которая находится в предикативном отношении с подлежащим. Оно есть детерминант подлежащего. Подлежащее и сказуемое занимают господствующее положение в предложении, потому что они являются носителями и выразителями основных понятий высказывания. Они взаимосвязаны, конкретизируются и делаются ясными в составе предложения. Взятые по отдельности, они не дают завершеного высказывания, завершённой мысли; взятые вне предложения, они не определяют место субъекта и предиката в реальной действительности. Сказуемое, пока оно не связано с подлежащим, чтобы его уточнить и определить, представляет собой лексический показатель отвлеченного понятия. Следовательно, в системе предложения, согласно с действующими нормами сознания, конкретизируется подлежащее в своем бытии, и точно так же конкретизируются действие и состояние подлежащего через сказуемое»²⁸.

Как показывает этот беглый обзор, болгарская лингвистическая литература в истолковании подлежащего и сказуемого придерживается, в основном, значенческих категорий. Так, при определении подлежащего указывается, что оно представляет собой «грамматическое лицо, из которого исходит или к которому направлено глагольное содержание», «обозначает предмет, о котором сообщается что-либо в предложении», «предмет мысли», «предмет, который мыслится всегда как носитель качества или как производитель действия».

Интерпретация подлежащего и сказуемого с точки зрения значения неоднократно подвергалась критике, особенно со стороны представителей структуральной лингвистики. Так, указывалось, что значение «производитель действия», выдвигаемое в качестве наиболее характерной черты подлежащего, может передаваться не только подлежащим, но и другими грамматическими конструкциями, и что само подлежащее имеет не одно, а несколько значений.

Ввиду того что в болгарской литературе подлежащее и сказуемое определяются на основе критериев, лежащих вне грамматических закономерностей, мы не можем ориентироваться на них в своем исследовании. В рамках

---

²⁸ Попов К. Указ. соч., с. 111—112.

принятой нами концепции подлежащее и сказуемое есть прежде всего синтаксические функции. В соответствии с этим подлежащее дефинируется как слово класса существительных (или его субституционный заместитель), грамматически связанное со словом класса глаголов для формирования основной конструкции предложения, а сказуемое — как слово класса глаголов, грамматически связанное со словом класса существительных для формирования основной конструкции предложения.

2. Как в славянском языкознании, где разработка вопроса о предикативном определении берет свое начало от упоминавшегося исследования А. А. Потемни, так и в работах структурального направления современного языкознания формальные показатели предикативного определения обыкновенно дефинируются по контрасту с простым определением и приложением. Такими показателями считаются порядок слов и интонация. Грамматическое значение этого синтаксического элемента определяется как «признак, возникающий вместе с действием или посредством его», как «характеристика опознавания» и др. Тем не менее при конкретном исследовании значительное место уделяется не только такой относительной характеристике предикативного определения, но и выявлению его собственных, «абсолютных» черт — его синтаксической связи с существительным-подлежащим и глаголом-сказуемым.

Обе указанные тенденции в подходе к предикативному определению представлены и в болгарской лингвистической литературе.

П. Ст. Калканджиев в своей грамматике пишет: «Сказуемое определение и приложение есть разновидности согласованного определения»²⁹. Поэтому вычленение предикативного определения строится у него на выявлении признаков, отличающих эту грамматическую категорию от простого определения и приложения: «Если мы поясним имена *Златев* и *Рада* именами существительными *учител* и *госпожица*, мы ограничиваем их значение, обозначая ими вещи строго определенные и для всех одни и те же: *учител Златев* есть только один среди всех известных *Златевых*, и *Рада госпожица* не есть каждая *Рада*. Значит, имена *учител* и *госпожица* служат для того, чтобы о п р е-

²⁹ Калканджиев П. Ст. Указ. соч., с. 427.

делить имена *Златев* и *Рада* и, как все определения, согласованы с ними по падежу, числу и роду. В таком случае, назвав имена *Златев* и *Рада*, мы уже мыслим в них и определения, которые их отличают.

Но эти определения мы можем отнести к именам *Златев* и *Рада* и посредством глагола, например: *Златев е учител* и *Рада е госпожица*, или — *Златев стана учител*, *Рада остана госпожица*, *Златев бил назначен учител* и др. Во всех этих возможных предложениях имена *учител* и *госпожица* не перестают быть определениями имен *Златев* и *Рада*, потому что они мыслятся в их содержании и сохраняют свой падеж, число и род, однако одновременно они приобретают новую роль — становятся необходимым пояснением глаголов, с которыми они употреблены, потому что без них глаголы *е*, *стана*, *остана*, *бил назначен* не могут дать определенного и завершенного по мысли, полно и точно выраженного предложения»³⁰.

В соответствии с этими представлениями предикативное определение дефинируется следующим образом: «Согласованное с подлежащим словом пояснение сказуемого называется сказуемое определение»³¹... Сказуемое определение является в предложении вторым именительным падежом»³².

Автор обращает внимание на двойную синтаксическую связь предикативного определения в предложении, на то, что имена, выступающие в этой роли, «являются, во-первых, именительными пояснениями сказуемых, содержание которых они завершают, и, кроме того, они есть и согласованные с подлежащими словами определения»³³.

Связь предикативного определения со сказуемым подобна, по его мнению, связи со сказуемым дополнений и обстоятельств: все указанные второстепенные члены предложения — предикативное определение, дополнения,

³⁰ *Калканджиев П. Ст. Указ. соч.*, с. 339—340.

³¹ Ср. и другую дефиницию: «Иногда и само глагольное содержание, ввиду своей общности и отвлеченности, нуждается в пояснении, которое бы его ограничило, связав его с известным понятием, чтобы мысль была более определенной: *Аз съм учител; Излязох победител; Легна болел* и др. Эти пояснения согласуются с подлежащим словом по меньшей мере по падежу и называются сказуемые определения» (*Калканджиев П. Ст. Указ. соч.*, с. 321).

³² Там же, с. 340.

³³ Там же.

обстоятельства — представляют собой «непосредственные пояснения сказуемого содержания»³⁴. Он высказывается против трактовки предикативного определения как части самого сказуемого: «Сказуемое определение нельзя считать частью так называемого составного сказуемого, так же, как нельзя описательную глагольную форму, которая действительно дает составное сказуемое, рассматривать как сочетание определенного глагола и сказуемого имени — причастия; в подобных случаях причастие есть составная часть глагольной формы, ее сущность, корень, а не добавление или какое-либо другое пояснение»³⁵.

Рассматривая предикативное определение как одну из разновидностей определения подлежащего, грамматист не дает детальной характеристики синтаксических связей предикативного определения с подлежащим и останавливается только на вопросе о согласовании: «Сказуемое имя согласуется с подлежащим словом следующим образом: а) если оно является именем существительным или местоимением — по падежу, случайно — по роду и числу; б) если оно является именем прилагательным или числительным, или же причастием — по роду, числу и падежу»³⁶.

В противоположность П. Ст. Калканджиеву, уже в самой дефиниции подчеркивающему двойную связь предикативного определения (с подлежащим и со сказуемым), А. Теодоров-Балан подходит к этому синтаксическому элементу прежде всего как к составной части сложного сказуемого. В своей «Новой болгарской грамматике» он пишет: «Глагол *съм* для образования сказуемого (в терминологии автора «прирок». — М. Р.) чаще всего сочетается с другими словами, не переставая от этого быть главной частью сказуемого; он сочетается с именами, наречиями и предложными оборотами, с предметными «да-изречениями». Так образуется расширенное, сложное сказуемое; а слова, сочетающиеся для его образования с основным глаголом, называются «прирочници» (лат. *praedicativa*). Сказуемое остается сложным и при нескольких связанных сочинительной связью предикативах. *Ние сме роднина. Бог е дух: той е*

³⁴ См.: Калканджиев П. Ст. Укаа. соч., с. 321—322, 339.

³⁵ Там же, с. 341.

³⁶ Там же, с. 342.

без начало и без край. Това е истина. А тия са светии, божи угодници; те са заслужили и са заселени в небесата; всякой от тях е молеци за нас. Добре са те там. Да върваш е да се спасиш; важното е да си мъдър, да разбираш»³⁷. Связь предикативного определения с подлежащим предстает при этом подходе как один из моментов общей связи сказуемого и подлежащего: «Сказуемым в предложении служат обыкновенно глаголы; служат и имена, связанные с глаголом, с которым вместе приписывают подлежащему признак»³⁸. Приведенная мысль определяет и трактовку вопроса о том, какую характеристику несет предикатив и как она осуществляется: «через них (глаголы.— М. Р.) предикатив дополняет тот признак, который глаголы дают подлежащему в смысле действительном или страдательном»³⁹.

Считая предикативное определение составной частью сказуемого, ученый соответственно этой точке зрения обращает главное внимание на раскрытие связи этого синтаксического элемента с глаголом. Существо этой связи состоит, по его мнению, в том, что «предикатив делает значение сказуемого съм определенным, ограниченным»⁴⁰. Таким же цельным грамматическим единством, сохраняющим те же отношения составных частей, считается и сочетание предикативного определения с другими глаголами: «Подобно съм и другие глаголы, в значении бытия, состояния, положения и т. п., сочетаются с предикативами, образуя сложные сказуемые. Это глаголы непереходные и возвратные, как, например: бивам, ставам = стаям, остаям; мога; виждам се; казвам се; правя се, чиня се и т. п.»⁴¹.

Ученый замечает, что «предикативы в староболгарском языке находятся как в именительном, так и в творительном отношении к подлежащему: ледъ бысть = стана, диал. се стори; ст. болг. сътвори са вода топла; не нарицайте са наставници; мили са дѣете богу. Тоуромъ бистъ волъ = бик стана волът; ть прѣтвори себе моуриномъ = той се престоори арапин. В значении этих синтаксически связанных элементов, особен-

³⁷ Теодоров-Балан А. Указ. соч., с. 403—404.

³⁸ Там же, с. 32.

³⁹ Там же, с. 405.

⁴⁰ Там же, с. 404.

⁴¹ Там же, с. 404—405.

но творительного, часто улавливается обстоятельство образа действия. Так предикативы, будучи по служебной роли, с одной стороны, подобны определениям и приложениям, уравниваются, с другой стороны, с обстоятельствами»⁴². Однако он не останавливает свое внимание на этой проблеме. Таким образом, предикативные определения по своим грамматическим свойствам продолжают представляться прежде всего как часть самого сказуемого.

Показательным для понимания взгляда на характер связи предикативного определения с глаголом является высказывание, касающееся причастия в глагольных формах: «Причастие в составных формах действительного или страдательного спряжения основного глагола имеет значение предикатива в сложном сказуемом: *той бе подочул и разбрал нещо; разорени бяха от завистници; четата ще бъде пръсната*»⁴³. Если проанализировать это высказывание, то можно видеть, что в нем проводится приравнивание роли предикативного определения к той роли, какую играет причастие спрягаемого глагола в сложных глагольных формах.

О том, что именно такого взгляда придерживается А. Т.-Балан, и о том, насколько важным является этот взгляд в развиваемой им концепции сложного сказуемого, свидетельствует его более поздняя работа «Состояние болгарской грамматики», где он снова и более подробно рассматривает эту проблему: «Предикатив при глаголе *съм* близок по значению с причастием, которое участвует в составных формах действительного и страдательного спряжения основного глагола; сравним, например, сочетания *аз съм играл* и *аз съм играч* с точки зрения признака или качества производителя действия *аз* (подлежащее); или посмотрим на сочетание *крушата е обрана* с морфологической точки зрения (= имя существ. + наст. вр. изъявит. накл. страдательного спряжения глагола *обера* — *обран съм*) и с синтаксической точки зрения (= подлежащее + сказуемая группа, состоящая из глагола и предикатива). В предложении *четата ще бъде пръсната* сложное сказуемое является не чем иным, как составной

⁴² Теодоров-Балан А. Указ. соч., с. 405. Более подробно по данному вопросу А. Теодоров-Балан высказывается в другой работе, о чем будет сказано далее.

⁴³ Там же, с. 405—406.

формой простого будущего времени изъявительного наклонения страдательного спряжения глагола *прѣсна*. Между составными формами глагола в прошедшем совершенном времени изъявительного наклонения и сложным сказуемым из основного глагола *съм* + имя существует подобие еще и в о п у щ е н и и связок *е, са* в 3 лице ед. и мн. числа: в предложении *господ е рекъл* словосочетание сложного сказуемого *е рекъл* равно 3 лицу ед. числа прошедшего совершенного времени изъявительного наклонения глагола *река*; а оно может появиться в речи в обоих случаях (в этих двух значениях, синтаксическом и морфологическом) без связки *е*: *господ рекъл*. В этом сочетании, как предложении, представлен в виде слова *рекъл* только предикатив, без основного глагола *е*; все же в нем служба сказуемого осуществляется особым словом, и это предложение по своему строю не является усеченным, не имеющим сказуемого»⁴⁴.

Выдвигая в работе «Новая болгарская грамматика» в центр внимания связь предикативного определения с глаголом-сказуемым, А. Т.-Балан при рассмотрении связи этого синтаксического элемента с существительным-подлежащим ограничивается принципиальным, но коротким замечанием: «Предикатив-имя стоит в именительном отношении к подлежащему; в значении существительного он подобен приложению и согласуется с подлежащим только по числу, а в значении прилагательного он подобен определению и согласуется с подлежащим по роду и числу. *Иран е царство; иранците са шитски мохамедани. Какви са турците? Кой сте вие? Ние сме дружина; деветима сме, и сме сдружени отдавна, и сме верни на дружбата си.* Предикатив „да-изречение“ имеет для подлежащего значение обстоятельственного определения»⁴⁵.

В работе «Состояние болгарской грамматики» связи предикативного определения с подлежащим уделено больше места. Это объясняется не изменением основной концепции ученого, а стремлением более детально раскрыть некоторые стороны предикативного определения ввиду наметившихся расхождений среди болгаристов. Он подчеркивает связь с подлежащим, выступая против понима-

⁴⁴ Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика. София, 1947, с. 204.

⁴⁵ Теодоров-Балан А. Нова българска граматика, с. 404.

ния предикативного определения как пояснения сказуемого, подобного дополнению и обстоятельству. Отвергая даже сами термины «сказуемое определение», «сказуемое имя», он аргументирует свою точку зрения следующим образом: «Если вообще предикатив поясняет какой-то член предложения, то это подлежащее, выраженное особым словом или понимаемое из глагола-сказуемого, а не „сказуемое“ или „сказуемое содержание“... Пояснения в синтаксисе грамматически есть расширения выражения, а логически есть ограничения значения имен или глаголов; и пояснение глагола ограничивает или определяет по значению не производителя действия глагола, а само действие, „сказуемое содержание“. Может ли тогда слово, например, *облечен* в предложении *аз съм облечен* быть, согласно здравому смыслу, пояснением глагола *съм*, быть „сказуемым определением“, „сказуемым именем“? Пояснение глагола-сказуемого называется у Калканджиева и у Младенова „дополнение“, или „обстоятельственное слово“, или „приглагольное пояснение“. Можно ли обозначить каким-нибудь из этих терминов служебную роль слова *гол* в предложении *не съм гол*? Если это слово, как и слово *облечен* в предыдущем примере, находится в каком-то отношении к глаголу *съм*, то оно состоит единственно в том, что *гол* и вышеприведенное *облечен* ограничивают значение подлежащего *аз* не прямо, а через глагол *съм*, который является сказуемым; именно потому они и являются предикативами, что расширяют выражение сказуемого, ограничивая, определяя через него значение подлежащего»⁴⁶.

Как показывает приведенный отрывок, ученый, исключая предикативное определение из ряда таких пояснений сказуемого, как дополнение и обстоятельство, все же не считает его пояснением подлежащего. Свои возражения он направляет не против признания связи предикативного определения с глаголом-сказуемым, а против истолкования характера этой связи. Для него предикативное определение является частью самого сказуемого, т. е. объединяется с глаголом в единую синтаксическую единицу, в противоположность дополнению и обстоятельству, которые не образуют с глаголом такого единства⁴⁷.

⁴⁶ Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика, с. 204—205.

⁴⁷ Надо отметить также, что А. Теодоров-Балан в последнем выводе о том, что предикативы «расширяют выражение сказуе-

Следует оговорить, что у А. Т.-Балана имеются высказывания, которые в известной мере идут в разрез с концепцией единого сложного сказуемого и обращают внимание на самостоятельную синтаксическую роль предикативного определения и ее особый характер. Мы уже указывали на наблюдения такого рода в его грамматике. В обзоре состояния болгарской грамматики снова проводится параллель между предикативным определением и другими связанными с подлежащим и сказуемым синтаксическими элементами, причем подобные высказывания носят здесь более категоричный характер: «Предикативы, будучи по служебной роли, с одной стороны, подобны приложениям и определениям, уравниваются, с другой стороны, с обстоятельствами, все же определительными; поэтому при анализе предложения слово в служебной роли предикатива определяется одинаково с приложением, определением или обстоятельством»⁴⁸. Далее автор прямо указывает, что он «при толковании служебной роли слов обыкновенно сливает предикатив с приложением, определением или обстоятельством»⁴⁹.

Связь предикативного определения с подлежащим сама по себе мало привлекала внимание А. Т.-Балана. Уделив ей в обзоре состояния болгарской грамматики довольно много места, он еще более ясно обнаружил эту свою позицию. Как видно из приводившегося выше отрывка, он считает, что грамматически предикативное определение является расширением сказуемого. С подлежащим оно оказывается связанным только по значению. Формально-грамматическая связь предикативного определения с подлежащим здесь не учитывается.

Показательно, что ученый выступает против термина «второй именной», подчеркивающего формально-грамматическую соотнесенность предикативного определения и подлежащего: «Несообразность обозначения предикатива термином „второй именной“ состоит в том, что обозначается не служебная роль, а форма слова в та-

---

мого, ограничивая, определяя через него значение подлежащего», вступает в некоторое противоречие со своим другим высказыванием — «предикатив делает значение сказуемого глагола съм определенным, ограниченным» (*Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика*, с. 203. См. также с. 15 настоящей работы).

⁴⁸ *Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика*, с. 203.

⁴⁹ Там же, с. 204.

кой служебной роли. Термин „второй именительный“ предполагает существование и „первого именительного“. Таким Калканджиев и Младенов считают (даже если не говорят этого) подлежащее, которое, будучи выражено именем, всегда стоит в форме именительного отношения. Однако при разборе усеченного предложения без выраженного словом подлежащего, такого, как приведенное выше *не съм гол*, обозначение служебной роли слова *гол* термином «второй именительный» само по себе удивляет ввиду отсутствия «первого именительного»⁵⁰.

Оставляя в стороне возражения ученого, которые касаются принципов выбора терминологии и не затрагивают существа рассматриваемого грамматического явления, следует обратить внимание на заключительную часть приведенного высказывания. Если следовать логике ее формулировок, то оказывается, что для появления в предложении предикативного определения достаточно одного глагола-сказуемого и нет необходимости в подлежащем. А. Т.-Балан не делает прямо такого вывода, тем не менее ход его рассуждений показывает, что формально-грамматическая связь предикативного определения с подлежащим оказывается вне пределов его концепции.

В труде Л. Андрейчина «Основы болгарской грамматики» находит продолжение разработка концепции единого составного сказуемого. Вместе с тем, в отличие от А. Т.-Балана, считающего глагол главной частью такого сказуемого, автор подчеркивает связочный характер глагола *съм* и отмечает важность его именной части: «Обыкновенно вспомогательный глагол *съм* служит только для выражения предикативной связи между другими словами в предложении, а то, что сообщается о подлежащем в таком случае, выражается именем существительным или прилагательным (или причастием), например: *Тук се слуша мойта воля, аз съм капитан.— Аз съм български войвода, момци ми са тез* (Ив. Вазов).— *Разградените стари гробища пред черквата са пълни с жени...*— *Под сълупения сайвант на черквата са наредени учениците* (Ел. Пелин).— *Шейната беше готова... Аго беше доволен* (Й. Йовков).— *Аз съм Х. У.*

⁵⁰ Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика, с. 205.

Такое имя существительное или прилагательное (или причастие) называется сказуемое определение. Вместе со вспомогательным глаголом *съм* оно образует составное сказуемое»⁵¹.

Л. Андрейчин, в отличие от А. Т.-Балана, отделяет сочетания предикативного определения с глаголом *съм* и глаголами, не употребляющимися в том же значении самостоятельно, т. е. без предикативного определения, от сочетаний предикативного определения с глаголами, которые употребляются без изменения своего лексического значения и самостоятельно. Первые рассматриваются им как составное сказуемое; вторые, по его мнению, не образуют составного сказуемого⁵².

Предикативное определение получает у него характеристику не только как один из элементов составного сказуемого, но и как самостоятельная категория со своими синтаксическими связями, как часть системы предикативных определений, включающей в себя «второй именительный» и «второй винительный». Благодаря этому больше акцентируется связь предикативного определения с подлежащим: «Сказуемое определение относится через сказуемое к подлежащему (*Петър е ученик. Петър е малък. Петър се събуди радостен*). В таком случае мы имеем именительное сказуемое определение (в классической грамматике так называемый „второй именительный падеж“), потому что оно согласуется по падежу с подлежащим („первый именительный падеж“)⁵³. Автор специально подчеркивает, что между предикативным определением, выраженным именем существительным, и подлежащим имеется только согласование по падежу: «Когда сказуемое определение есть имя существительное, оно не согласуется по роду и числу с подлежащим (соответственно с дополнением), например: *Конят (м. р.) е животно (ср. р.) — Орелът (м. р.) е птица (ж. р.) — Българите (мн. ч.) са корав народ (ед. ч.) — Берковица (ж. р.) е малък град (м. р.) — Търново (ср. р.) е стара столица (ж. р.) — Асен и Петър избрали Търново за столица*.

Сказуемое определение согласуется с подлежащим или дополнением по падежу, т. е. оно стоит в именительном или

⁵¹ Андрейчин Л. Указ. соч., с. 432—433.

⁵² См.: Там же, с. 433—434.

⁵³ Там же, с. 434.

внимательном падеже в зависимости от того, относится ли оно к подлежащему или к дополнению»⁵⁴.

Согласование предикативного определения с подлежащим представляется как один из моментов согласования с подлежащим всего составного сказуемого. Согласование составного сказуемого рассматривается как согласование отдельных его частей, каждая из которых имеет свои нормы. Поэтому, охарактеризовав нормы согласования предикативного определения, автор отдельно формулирует нормы согласования глагола: «Сам вспомогательный глагол, при котором имеется сказуемое определение, согласуется на общем основании с подлежащим по числу, лицу и роду, например: *А л п и т е с а най-високата планина в Европа. — Нашето минало е било предмет на изследване от много чужди учени. — Целта на тоя поход била да се достигне Цариград* (однако в предложении *Целта на тоя поход бил Цариград* подлежащим является *Цариград*, а сказуемым определением — *целта*, и поэтому глагол согласуется по роду с *Цариград*)»⁵⁵.

Традиционный вопрос о соотношении предикативного определения с простым определением также отражен в грамматике Л. Андрейчина, хотя и не выдвигается на первый план как одна из основных проблем. Этот вопрос затрагивается лишь попутно в связи с характеристикой простого определения, которая содержит следующее замечание: «Следует проводить различие между обыкновенным определением, которое связывается атрибутивно с существительным, и сказуемым определением, которое связывается атрибутивно с существительным через сказуемое, т. е. предикативным путем, ср., например, *весел човек и човекът е весел; заспал човек и намериша човека заспал*»⁵⁶.

«Синтаксис» К. Попова, построенный в значительной мере как университетский курс, вобрал в себя различные тенденции в анализе предикативного определения, которые наметились в болгарском языкознании до него. Здесь привлекаются также наблюдения над этой синтаксической категорией, сделанные при исследовании других языков. Однако при всей перекличке с высказываниями других учёных в этой книге ясно видна собственная концепция автора.

⁵⁴ Андрейчин Л. Указ. соч., с. 438.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 458.

К. Попов относит предикативное определение (как и приложение) к общей категории определения: «Сказуемое определение и приложение есть разновидности определения»⁵⁷. Он не дает дефинитивной характеристики этой синтаксической категории, а вводит ее описательно, характеризуя составное именное сказуемое: «Составное именное сказуемое образуется из глагола и имени. Глагол обыкновенно имеет ослабленное лексическое значение или является относительно абстрактным. Он раскрывает грамматические признаки сказуемого — время, число, лицо, а имя означает признак, который приписывается подлежащему. Абстрактность глаголов своеобразна и присуща им в различной степени, поэтому не все абстрактные глаголы могут синтаксически соединяться с именем и образовывать составное именное сказуемое. Самым абстрактным является глагол *съм* и его синонимы *бъда* и *бивам*. Этот глагол означает бытие, существование и будучи связан предикативно с именем, раскрывает бытие некоторого признака, подлежащего признака... Вспомогательный глагол *съм* выполняет службу предикативной связки, которая связывает подлежащее с предикативным именем, называемым в нашей грамматической литературе сказуемое определение (нем. Prädicativum)»⁵⁸.

Таким образом, предикативное определение предстает в концепции болгарского синтаксиста как лексический наполнитель составного именного сказуемого. Носителем грамматических показателей этого сказуемого признается глагол. В подобных взглядах фактически кроется мнение, что в составном сказуемом грамматически связан с подлежащим один глагол, а предикативное определение связано с подлежащим лишь по смыслу. Грамматическую связь с подлежащим предикативное определение имеет только как составная часть сказуемого. Свои взгляды синтаксист обосновывает следующим образом: «Глагол *съм* в болгарском языке сохранил свое значение бытия и поэтому не опускается, как, например, в русском языке. Но все же он очень формален и не может считаться ядром сказуемого, как это полагают приверженцы формально-грамматической теории. Он есть, следовательно,

⁵⁷ Попов К. Указ. соч., с. 96.

⁵⁸ Там же, с. 123.

связка, копула, грамматический показатель, а сказуемое имя есть семантическое ядро сказуемого. Оно означает признак подлежащего, который становится актуальным во времени через глагол *съм*»⁵⁹.

Выступая против формально-грамматической теории, исследователь болгарского синтаксиса становится на путь логико-смыслового истолкования составных частей именного сказуемого. Этот путь соответствует его общему пониманию категории сказуемого, которое, как уже говорилось, скорее можно назвать логико-смысловым, чем грамматическим.

Следствием логико-смыслового подхода является и проводимая синтаксистом классификация сочетаний предикативного определения с глаголом. Все сочетания такого рода делятся им на две группы. Одну группу составляют сочетания, образующие составное именное сказуемое, другую группу — сочетания, не образующие такого сказуемого. Мысль о том, что предикативное определение может образовывать с глаголом единое составное сказуемое и может не входить в сказуемое, высказывалась и до К. Попова. Однако резкое различие в трактовке синтаксической роли предикативного определения в одних и в других сочетаниях и даваемое этому теоретическое обоснование отличают позицию этого ученого от позиции других болгаристов в данном вопросе.

Способность образовывать составное именное сказуемое К. Попов связывает с ослабленностью лексического значения у глаголов, с их относительной абстрактностью. Отнеся к составному именному сказуемому сочетания с глаголом *съм* (*бъда, бивам*), он включает в эту группу и образования с такими глаголами, как *броя се, виждам се, викам се* и т. п., и дает следующее пояснение: «Эти глаголы не потеряли своего лексического значения, а только ослабили его. Некоторые из них стали употребляться метафорически, приобрели полуотвлеченный характер. Они одни, однако, не могут раскрыть признак подлежащего, они в лексическом отношении неполноценны, поэтому связываются с именем и вместе с ним образуют составное сказуемое с доминирующей именной частью»⁶⁰.

Сочетаниям с глаголами, лексическое значение которых ослаблено, исследователь противопоставляет сочета-

⁵⁹ Попов К. Указ. соч., с. 123.

⁶⁰ Там же, с. 124.

ния с глаголами «полнозначными и полноценными в лексическом отношении», которые, по его мнению, могут поясняться сказуемым определением, но не образуют с ним составного именного сказуемого. Свою точку зрения он обосновывает следующим образом: «Эти глаголы сохраняют свой основной смысл и могут употребляться без сказуемого определения. Сказуемое определение при них не является составной частью сказуемого, а есть второстепенный член предложения из группы сказуемого»⁶¹.

Единое синтаксическое явление оказывается, таким образом, рассеченным на две части, у которых усматриваются совершенно разные грамматические и смысловые связи в предложении. Следуя своим общим принципам, исследователь в первую очередь стремится установить смысловые соотношения синтаксических единиц. При этом оказывается, что в одном случае предикативное определение связано по смыслу с подлежащим, дает характеристику подлежащего, а в другом случае связано по смыслу со сказуемым, поясняет глагол. Если в первом случае предикативное определение считается грамматически соотнесенным с подлежащим как часть составного сказуемого, то во втором случае оно признается грамматически связанным со сказуемым, рассматривается как второстепенный член из группы сказуемого.

Свою трактовку предикативного определения как второстепенного члена из группы сказуемого К. Попов смягчает замечанием о его двойной соотнесенности. Он пишет, что предикативное определение «входит в расширенный состав сказуемого и отличается двойной синтаксической зависимостью или соотнесенностью с подлежащим или дополнением и со сказуемым. Сказуемое определение означает признак, соотнесенный с подлежащим или дополнением, который становится актуальным в момент действия, выраженного через сказуемое»⁶².

Однако само это представление о двойной связи предикативного определения, как об этом можно судить даже по приведенной цитате, довольно расплывчато. Автор «Синтаксиса» говорит не о реально прослеживаемых грамматических связях в синтаксических построениях с предикативным определением, а о смысловых от-

⁶¹ Попов К. Указ. соч., с. 125.

⁶² Там же.

ношениях между предикативным определением и подлежащим и сказуемым. Особенно ярко это проявляется в разделе «Грамматические и семантические особенности сказуемого определения», где на первый план вынесены значенческие характеристики: «Сказуемое определение означает постоянный или временный признак, который становится актуальным в момент, когда осуществляется глагольное действие»⁶³.

Обращает на себя внимание факт, что в этой дефиниции идет речь о признаке вообще, без указания на то, к чему относится этот признак. Она отличается от предыдущей дефиниции тем, что в ней отсутствует слово «подлежащее». Нам кажется это не случайным, потому что к этому вела вся эволюция трактовки связей предикативного определения как второстепенного члена предложения. Если в общем вводном разделе о членах предложения автор говорит о синтаксической зависимости предикативного определения от сказуемого и подлежащего⁶⁴, то при конкретном рассмотрении данного синтаксического элемента эта мысль ослабляется. Предикативное определение рассматривается уже как входящее в расширенный состав сказуемого, и в соответствии с этим говорится уже не столько о синтаксической зависимости, сколько о соотнесенности по значению с подлежащим и сказуемым. Когда же ставится специально вопрос о грамматических и семантических особенностях предикативного определения, то указывается лишь само значение признака, присущее ему, без какой-либо соотнесенности.

Грамматический механизм, сигнализирующий функции и связи слов в предложении, интересует автора в последнюю очередь. Лишь в самом конце упомянутого раздела о грамматических и семантических особенностях предикативного определения сказано вскользь о согласовании: «Сказуемое определение согласуется с подлежащим или дополнением по роду и числу, если оно выражено прилагательным, причастием, или местоимением, например: *Гласът се разнесе нежен, мелодичен*,

⁶³ Попов К. Указ. соч., с. 129.

⁶⁴ К. Попов пишет: «Имеются второстепенные члены, которые отличаются двойной синтаксической зависимостью. Таким второстепенным членом является сказуемое определение, которое, с одной стороны, зависит от сказуемого, а с другой — от подлежащего или дополнения» (Там же, с. 98).

сърдечен (Ел. Пелин). Если оно выражено именем существительным, согласование не обязательно, например: *Розата е цвете. Слънчогледът е маслодайно растение*»⁶⁵.

В противоположность предшествующим грамматистам, К. Попов не упоминает здесь о согласовании предикативного определения по падежу. В этом проявляется принципиальная позиция ученого, считающего, что «в болгарской грамматике не говорится уже о падежных формах»⁶⁶. На этом основании им отвергаются термины «второй именительный» и «второй винительный» и вводятся вместо них термины «первое сказуемое определение» и «второе сказуемое определение»⁶⁷. Увлечшись отрицанием падежных форм в болгарском языке, исследователь в рассматриваемом вопросе, по существу, игнорирует грамматическую форму как таковую.

Вышедшая вслед за «Синтаксисом» работа К. Попова «О некоторых особенностях болгарского составного сказуемого в сопоставлении с русским» базируется на тех же основных теоретических установках, которые рассмотрены нами выше. Здесь получает более подробное обоснование взгляд на предикативное определение при полнозначных глаголах как на второстепенный член предложения из группы сказуемого. Свое логико-смысловое толкование связи синтаксических элементов автор подкрепляет ссылкой на взгляды Г. Пауля: «Когда определение стоит после полнозначного глагола, оно, как отмечает Г. Пауль, обладает большей самостоятельностью, слабее связано с подлежащим, чем со сказуемым, поэтому оно должно рассматриваться как отдельный член предложения, как определение сказуемого, как предикативное (сказуемое) определение, например: *Ег kam gesund. Той пристигна здрав. Он пришел здоровый. Я пришел усталый*. Предикативное определение свободнее связано с подлежащим ввиду того, что оно означает не постоянное и неотменное свойство подлежащего, а одно из его случайных и преходящих состояний. Такое разграничение проводится в синтаксисе славянских языков, кроме русского. Примеры: *Студената влага проникваше навсякъде и Стоян вървеше свит* (Ел. Пелин). *Стоичкови-*

⁶⁵ Попов К. Указ. соч., с. 129.

⁶⁶ Там же, с. 128.

⁶⁷ Там же, с. 127—128.

ца изскочи уплашена (Ел. Пелин). Селяните слушаха като заковани (Ж. Колев). Из примеров, в которых предикативное определение употребляется параллельно с обстоятельственными пояснениями, видно, что оно более тесно связано со сказуемым, выраженным полнозначным глаголом, чем с подлежащим, например: *Чучулиги падаха от небето мъртви, с изплезени езичета, с уста, пълни с алена кръв* (Ел. Пелин)»⁶⁸.

Отрывая предикативное определение от подлежащего, К. Попов выступает против А. М. Пешковского, развивавшего мысль о том, что по грамматическим признакам предикативное определение связано с подлежащим. Болгарский синтаксист пишет: «А. М. Пешковский считает, что предикативное определение целиком может относиться к подлежащему. Это понимание стало традицией в русской синтаксической литературе. Он указывает следующий пример: *В чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый* (А. С. Пушкин). *Богатырь лежит убитый = Убитый богатырь лежит*. Болгарский пример, однако, показывает, что такое тождество не всегда возможно: *Чучулиги падаха от небето мъртви*. Но: *Мъртви чучулиги падаха от небето*»⁶⁹.

К. Попов неправильно понял высказывания русского ученого, который вовсе не усматривает тождества между приведенными выражениями, а обращает внимание на наблюдающуюся здесь синтаксическую двусмысленность. Она порождается одинаковостью грамматической формы простого и предикативного определений, создающейся в результате того, что оба они являются прилагательными, выступают в полной форме и оба согласуются в падеже с подлежащим⁷⁰. По мнению А. М. Пешковского; прилагательное как простое и как предикативное определение имеет связь с подлежащим, хотя она и не является единственной связью прилагательного во втором случае: «В сочетании, например, *в чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый* (Пушк.) прилагательное *убитый* можно относить либо всецело к существительному *богатырь*, сознавая здесь только перестановку сочета-

⁶⁸ Попов К. За някои особености на българското съставно сказуемо, съпоставено с руското.— В кн.: Славянска филология, т. 3. София, 1963, с. 129.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, с. 228.

ния *убитый богатырь лежит*, что здесь, в стихах, особенно уместно (ср. *вот далмат пришел ко мне лукавый...—* из «Песен зап. славян»), либо и к глаголу *лежит*, понимая все сочетание как *богатырь лежит убитый*»⁷¹.

К. Попов не случайно проходит мимо грамматической связи согласования предикативного определения с подлежащим, акцентированной А. М. Пешковским. Как и в «Синтаксисе», эта проблема остается в работе «О некоторых особенностях болгарского составного сказуемого в сопоставлении с русским» вне поля зрения автора. Она не получила отражения и в специальной монографии «Синтаксическое согласование в болгарском языке», хотя мы находим здесь ряд интересных соображений о частном случае согласования глагола именного сказуемого в предложениях с подлежащим, выраженным местоимением *това*⁷².

Суммируя сделанное в этой области, надо прежде всего отметить, что в болгаристике выявлены и описаны элементарные грамматические черты рассматриваемой синтаксической категории. Необычность грамматических черт предикативного определения по сравнению с другими синтаксическими категориями привлекала внимание ученых и порождала обширные интерпретации. Она вызывала различные попытки теоретического осмысления наблюдаемых фактов: развивались концепция единого составного сказуемого, подход к предикативному определению как к второстепенному члену предложения из группы сказуемого, взгляд на предикативное определение как на подобие простого определения и приложения, а также различные комбинации этих основных идей. Выдвинутые теории во многом противоречат друг другу. Взаимная критика представителей этих теорий не привела к разрешению проблемы, и до сих пор в болгаристике по этому вопросу не сложилось устоявшихся взглядов.

⁷¹ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 251.

⁷² Попов К. Синтактичното съгласуване в български език. София, 1964, с. 78—80. Проблема согласования глагола в предложениях типа «Това са просветени работници» привлекает к себе внимание исследователей (и не только специалистов по болгарскому языку) в силу своеобразия наблюдаемой здесь картины. Грамматические черты местоимения *това* отодвигаются в подобных предложениях на второй план, уступая место смысловым требованиям, подобно тому, как это происходит, например, в русском предложении «Врач была молодая».

При всех своих расхождениях существующие теории сходны в двух отношениях. Во-первых, они исходят из аксиомы о двучленности построения основного синтаксического ядра предложения⁷³. Во-вторых, они в значительной степени гипотетичны, так как оперируют лишь находящимися на поверхности явления фактами, которых недостаточно для выводов.

Если подвести итог наблюдениям над конкретными грамматическими чертами предикативного определения, содержащимся в трудах болгарских лингвистов, и сравнить его с той общей дефиницией предикативного определения, которая была дана нами в начале настоящей работы, то вырисовывается следующая картина. Хотя в предшествующих исследованиях и не раскрыто существо трехчленного характера построений с предикативным определением, итогом этих исследований можно считать установление соотнесенности этого синтаксического элемента как с существительным-подлежащим, так и с глаголом-сказуемым. При трактовке этой соотнесенности на первый план выдвинут вопрос о грамматической связи предикативного определения с глаголом. Несмотря на расхождения в теоретических интерпретациях, все исследователи признают наличие такой связи. Приводимый ими фактический материал и повторяющиеся высказывания о том, что предикативные определения «относятся к именам посредством глагола», «не прямо, а через глагол *съм*», «через сказуемое», совпадают с заложенными в нашу дефиницию мыслями, что предикативное определение имеет связь с глаголом и что наличие глагола является условием включения предикативного определения в предложение.

Иное положение сложилось в понимании грамматической связи предикативного определения с подлежащим. Болгарские лингвисты в основном сходятся в том, что предикативное определение связано с подлежащим, но роль этой связи в построениях с предикативным определением оценивается ими по-разному и не всегда адекватно языковым закономерностям. В некоторых случаях она представляется совсем несущественной.

⁷³ Следует отметить попытку пересмотра этой устоявшейся традиции в работе: *Петков П.* Валентността на глагола-сказуемо и минималната структура на изречението.— *Български език*, 1974, № 3, с. 220—222.

Часть первая

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ- ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

СПЕЦИФИКА ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ДЕФИНИЦИЯ КОНСТРУКЦИИ

Исследование конструкции предикативного определения с именем существительным требует предварительного уточнения общей дефиниции конструкции предикативного определения применительно к данной разновидности ее.

Как можно видеть по проведенному выше обзору грамматик, вопросу о предикативном определении-существительном в болгарской лингвистической литературе уделено много внимания. Он не выделяется из общей проблемы предикативного определения и рассматривается вместе с вопросами функционирования в этой роли прилагательных, а также других категорий слов. Однако в рамках общей проблемы специфика построений с предикативным определением-существительным привлекла к себе внимание и заняла достаточно много места в описаниях.

В высказываниях грамматистов, касающихся основных черт конструкции предикативного определения с существительным, обращают на себя внимание различия в характеристике показателей синтаксической связи предикативного определения-существительного с подлежащим. Хотя все исследователи пишут, что предикативное определение-существительное согласуется с подлежащим, они расходятся в представлениях о том, как выглядит это согласование. П. Ст. Калканджиев отмечает, что если предикативное определение является именем существительным, оно «согласуется с подлежащим словом по падежу, случайно — по роду и числу»; А. Теодоров-Балан указывает, что «предикатив-имя стоит в именительном отношении к подлежа-

щему; в значении существительного он согласуется с подлежащим только по числу»; согласно точке зрения Л. Андрейчина, «когда сказуемое определение есть имя существительное, оно не согласуется по роду и числу с подлежащим. Сказуемое определение согласуется с подлежащим или дополнением по падежу»; К. Попов вообще снимает вопрос о согласовании по падежу и, отмечая согласование по роду и числу у предикативного определения, выраженного прилагательным, высказывает мнение, что «если оно выражено именем существительным, согласование не обязательно».

Такое различие во мнениях имеет объективные причины. Оно проистекает из сложности картины языковых закономерностей, имеющих в данной области синтаксиса.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Одним из важных факторов, определяющих разноречивость мнений грамматистов, является то, что категории рода, числа и падежа у существительного грамматически разнохарактерны и не равноценны в синтаксическом отношении. Этим категориям у имени существительного не свойственно единообразие, которое присуще роду и числу у имени прилагательного и которое заключается в том, что одно прилагательное имеет формы мужского (*голям*), женского (*голяма*), среднего (*голямо*) рода единственного числа и форму множественного числа (*големи*), и выбор формы числа и рода прилагательного в языке зависит от синтаксических условий — она соответствует числу и роду определяемого прилагательным существительного (*голям град, голяма къща, голямо нещастие, големи кучета*). В частности, в конструкции предикативного определения прилагательное дублирует в своей форме род и число существительного-подлежащего: *Дунавът беше тих и спокоен* (Влайк.); *Конкуренцията е голяма* (Е. П.); *Лицето му беше жълто* (Ваз.); *Гърмежите бяха редки* (Л. Стоян.).

Иная картина наблюдается у имени существительного. Проявление категории рода у имени существительного характеризуется тем, что в отличие от прилагательного существительное не изменяется по родам. Каждое существительное имеет только один фиксированный грамматический

род — либо мужской (*чоран*), либо женский (*къща*), либо средний (*село*).

В языке наблюдаются существительные одного корня, имеющие мужской и женский род: *шивач — шивачка, студент — студентка, певец — певица* и т. п. Однако эти параллельные существительные не являются двумя родовыми формами одного и того же слова. Это два существительных, каждое из которых имеет свой фиксированный род. Такие пары возникают в языке на основе закономерности суффиксального словообразования названий лиц женского пола от существительных, обозначающих лица мужского пола.

С точки зрения категории числа грамматическая характеристика имени существительного менее фиксирована. Большинство существительных имеет параллельные формы единственного и множественного числа (*чоран — чорани, къща — къщи, село — села*). Исключение составляют лишь *singularia tantum* и *pluralia tantum*, т. е. существительные, имеющие либо только форму единственного, либо только форму множественного числа. Таким образом, в выражении категории числа имя существительное не имеет особых отличий по сравнению с прилагательным.

Хотя между грамматическими возможностями категории рода и категории числа у имени существительного имеется указанное различие, обе эти категории в равной мере являются для имени существительного несинтаксическими. Это значит, что род и число существительного не зависят от других элементов синтаксической конструкции, в которую оно входит. Это можно видеть, например, в конструкции приложения: *Село Пет могилы; Над него сокол, юнашка птица...* (Бот.); *Но любовта, слънце* благодатно, не озари сърдцата ни жестоки (Ваз.); в конструкции так называемого предложного определения: *сянка на облак (на недоволство, на тъга, на хълмове)*; в конструкции с переходным глаголом: *виждам град (къща, море, покриви)*. Такое же положение можно наблюдать и в других конструкциях с именем существительным. Таким образом, с точки зрения категорий рода и числа существительное отличается от прилагательного, у которого обе эти категории являются синтаксическими.

В противоположность категориям рода и числа, категория падежа у имени существительного является синтак-

сической: падеж существительного зависит от других элементов конструкции, в которой оно участвует.

Известно, что по вопросу о существовании категории падежа в болгарском литературном языке имеются различные мнения, вызываемые прежде всего тем, что у болгарского существительного сохранилось ограниченное число падежных форм. Некоторые лингвисты считают, что в настоящее время вообще нельзя говорить о падежных формах в болгарском языке⁷⁴. Не углубляясь в этот вопрос, выходящий за рамки задач нашей работы, мы ограничимся лишь указанием на фактическую языковую картину в самом общем виде, на то, что исследователь болгарского языка сталкивается при изучении языкового материала с беспредложным и предложным употреблением существительных, а среди беспредложных существительных, по крайней мере у какой-то части слов, — с дифференциацией формы именительного и винительного падежа, а отчасти и дательного.

При построении синтаксической конструкции с существительным выбор беспредложного существительного или существительного с предлогом, выбор формы именительного или винительного падежа в первом случае и определенного предлога во втором случае происходят в зависимости от других слов. Так, в основной конструкции предложения только форма именительного падежа способна сочетаться с личной формой глагола: *Игнат помълча* (Велк.); ...наипосле *човек остава сам* (Йовк.). Ни другие беспредложные формы, ни существительное с предлогом не могут быть употреблены в основной конструкции предложения.

При переходных глаголах, т. е. в конструкции прямого дополнения, также наблюдается строгая избирательность формы существительного. В тех случаях, когда проводится дифференциация форм именительного и винительного падежа, употребляется винительный падеж: *Ганко срецна на прага бай Марка* (Ваз.); *Вярата крепи човека* (из грамматики). При отсутствии такой дифференциации в конструкции с переходным глаголом выступает основная форма существительного. Употребление существительного с предлогом при переходных глаголах исключено.

---

⁷⁴ См., например: *Попов К.* Съвременен български език. Синтаксис, с. 128.

В конструкции приложения форма существительного также строго определена — она может только повторять форму другого существительного этой конструкции: Недалеко стоеше *дякон Викентий* (Ваз.); ...някаи предлагаха *дякона Викентия* (Ваз.). Только дублирование является в принципе закономерностью и в том случае, когда приложением является существительное с предлогом: ...и тя се *за брат, за юнак* грижи (Бот.); *Под дърво ми, под орех* китат, две момченца приказки четат (Ваз.);— Бягала Стана с *Димоте, с делията* (из грамматик). У существительного-приложения может опускаться предлог, но употребление в приложении существительного с другим предлогом, чем предлог определяемого слова, исключено.

В конструкции предикативного определения действует та же закономерность строго избирательного употребления формы существительного. Как и в случае с приложением, предикативное определение может выступать только в форме, дублирующей форму существительного, от которого оно синтаксически зависит. Предикативное определение подлежащего имеет, как и само подлежащее, форму именительного падежа:— Ти си *Метекса, аз съм Синап* (Л. Стоян.). На месте формы именительного падежа невозможно употребить ни форму винительного падежа, ни существительное с предлогом. Предикативное определение прямого дополнения имеет, как и само дополнение, форму винительного падежа: ...ала да повниш *кого* зоват *Мехмед Синапа!* (Л. Стоян.). При отсутствии дифференциации у существительного форм именительного и винительного падежа в функции предикативного определения прямого дополнения употребляется общая форма существительного. Существительное с предлогом выступать в этой функции не может.

ДУБЛИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ-
ПРЕДИКАТИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ
ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО-ПОДЛЕЖАЩЕГО.
СМЫСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ

1. Мы охарактеризовали с синтаксической точки зрения категории рода, числа и падежа у имени существительного. Указанные особенности этих категорий определяют тот облик, который получает имя существительное в функции предикативного определения. Будучи зависимо от подле-

жащего (или прямого дополнения) по падежу, существительное-предикативное определение не зависит от него по роду и числу: Но *животът е борба* (Е. П.); ...*вълците са цяла глутница* (Йовк.) и т. п.

В свете всего сказанного становится очевидной условность применения по отношению к имени существительному термина «согласуемое», который принято употреблять в общей дефиниции предикативного определения. Употребление этого термина полностью правомерно по отношению к имени прилагательному, которое в функции предикативного определения получает форму рода и форму числа соответственно роду и числу существительного-подлежащего (или прямого дополнения), т. е. подчинено закономерности, именуемой в грамматической литературе согласованием. Существительное этой закономерности не подчинено.

Синтаксические связи существительного находят выражение только в падеже. Зависимость падежа существительного от других слов принято называть управлением. В функции предикативного определения существительное, как было указано, может иметь только форму, дублирующую форму существительного, от которого оно синтаксически зависит. Но сама форма определяемого существительного обусловлена закономерностью управления. Таким образом, существительное-предикативное определение, хотя и опосредствованно, во второй ступени, оказывается входящим в сферу управления.

Вместе с тем дублирование существительным-предикативным определением падежа определяемого существительного в известной мере перекликается с наблюдаемым у прилагательного в этой функции согласованием по роду и числу. Дублирование падежа существительным и согласование по роду и числу у прилагательного содержат в себе элемент повторяемости формы определяемого существительного. Тот и другой грамматический механизм используется в языке для выражения одной и той же синтаксической связи, хотя и у двух разных классов слов. В тех славянских языках, которые имеют падежные формы у имени прилагательного, эти два механизма смыкаются еще ближе.

2. В выводе о независимости рода и числа существительного-предикативного определения от рода и числа подлежащего отражен грамматический взгляд на закономер-

ности данной области синтаксиса. Вместе с тем при анализе языкового материала обращает на себя внимание факт, что весьма часто род и число существительного-предикативного определения одинаковы с родом и числом существительного-подлежащего: *Беят* беше *старец*, грохнал вече от дълго употребление на ракия и афион (Ваз.); *Леля Гена* беше много добра *работница* за всякаква работа (Влайк.); ...*внуците* на баба Тодора са *празосници* и *нехранимайковци* (Карасл.).

Этот параллелизм в роде и числе является, однако, с точки зрения законов синтаксической связи лишь простым совпадением.

То, что такой параллелизм в роде и числе наблюдается в языке часто, говорит о существовании здесь определенной закономерности. Однако это закономерность не синтаксическая, а смысловая. Она проистекает из того, что оба существительных конструкции предикативного определения называют разные стороны одного и того же предмета. Это значит, что существительное-предикативное определение не может содержать характеристики, не совместимые с вещественными свойствами данного предмета. В силу этого в конструкции предикативного определения наблюдается смысловое согласование существительных.

Закономерность смыслового согласования распространяется прежде всего на лексику: в качестве предикативного определения может выступать только круг слов, которые лексически совместимы с существительным-подлежащим. Так, можно сказать *Орелът е птица, хищник, добър летец*, но нельзя сказать «Орелът е растение, къща, море».

Эта закономерность затрагивает также и грамматические категории рода и числа существительного.

Категория рода попадает в эту сферу благодаря тому, что у целого ряда существительных, а именно у тех, которые обозначают лиц и некоторых животных, грамматический род соответствует их естественному полу. Так, мужской род имеют имена лиц и некоторых животных мужского пола: *мъж, брат, ученик, учител, баща, слуга, дядо, вълк, овен* и т. п.; женский род имеют имена лиц и некоторых животных женского пола: *жена, сестра, ученичка, учителка, майка, слугиня, баба, вълчица, овца* и т. п. Таким образом, в грамматическом роде подобных существительных выражается одновременно конкретное вещественное содержание. Поэтому, когда такое существительное выступает в функции предикативного определения, из этих двух

параллельных рядов выбирается на основе смысловой совместимости то слово, род которого соответствует вещественному значению подлежащего.

Когда выбор осуществляется из пары слов разного корня, достаточно ясно, что здесь происходит отбор лексики по смысловой совместимости: ср. «*Янчо* беше най-малкият син на Анка» (Даск.) и «Това *момиче* беше *дъщеря* на железничар» (Дим.); «...*момата*, която ти си избрал, ще бъде твоя *жена*, не моя» (Карасл.) и «*Въкрил* е умнен, кротък и добър *мъж*» (Карасл.).

Когда же в качестве параллельной пары выступают слова одного корня, при поверхностном взгляде создается впечатление, что в данном случае происходит грамматическое согласование по роду одного и того же существительного: «От година-две *Кольо* беше останал *вдовец* с много деца на главата си» (Йовк.) и «— Моят *дъщеря* да не е *вдовица*, та в къща да я венчавам!» (Карасл.); «*Годеникът* беше млад хубав *момък*, общар в града» (Карасл.) и «*Станка* беше работлива, умна и скромна *мома*» (Карасл.). Однако, хотя наличие в языке подобных параллельных пар связано с грамматическим процессом, сам этот процесс ведет к образованию самостоятельных лексических единиц. Каждое слово в такой паре является, как и в парах слов разного корня, совершенно самостоятельным. Поэтому и в данном случае мы имеем дело не с грамматическим согласованием по роду, а с выбором из двух слов того, которое удовлетворяет требованию лексической совместимости.

Если совпадение грамматического рода двух существительных конструкции предикативного определения, являющееся с точки зрения синтаксиса случайным, еще имеет в вышеприведенных примерах смысловое обоснование, то совершенно случайно это совпадение тогда, когда грамматический род существительного не связан с его вещественным содержанием. Такое положение наблюдается, например, в предложениях:— А *духът* е военен *факт* от първостепенно значение (Веж.); Но не само *пружината* беше *причина* за объркването на стария адвокат при първата среща (Карасл.); ...това *разрешение* беше истинско *спасение* за него (Карасл.).

Категория числа имени существительного, как уже было отмечено, также вовлечена в сферу смыслового согласования. Существительное не только называет предмет, но и систематически дает посредством категории числа

его количественную характеристику. Таким образом, категория числа существительного связана с его вещественным содержанием. А так как существительное-предикативное определение может содержать лишь характеристики, совместимые с вещественными свойствами предмета, обозначаемого подлежащим, происходит выбор формы числа этого существительного в соответствии с формой числа существительного-подлежащего: ср. «Тончо е добро момче» (Карасл.) и «...работниците са добри момчета» (Веж.); «Но Иванчо Йотата... е страшен привърженик на i-то (йотата)» (Ваз.) и «...тия българи станали фанатически привърженици на исляма» (Ваз.).

Благодаря наличию у большинства существительных форм единственного и множественного числа, категория числа играет в смысловом согласовании большую роль, чем категория рода.

* * *

Суммируя сказанное, можно следующим образом уточнить характеристику конструкции предикативного определения с именем существительным: этот тип конструкции предикативного определения образуют существительное в именительном падеже, глагол, связанный с ним согласованием по лицу, числу и, при возможности, по роду, и присоединяемое к этим двум элементам существительное, стоящее, как и первое существительное, в именительном падеже, но по роду и числу с ним не согласуемое.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФУНКЦИЙ ДВУХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

КРИТЕРИЙ УСТАНОВЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Конструкция предикативного определения подлежащего с именем существительным характеризуется тем, что в ней выступают одновременно два существительных в основной форме (именительном падеже). Поэтому при изучении та-

кой конструкции встает прежде всего вопрос, не возникающий при изучении конструкции предикативного определения с прилагательным — вопрос о том, какое из двух существительных конструкции является первым номинативом (подлежащим) и какое — вторым номинативом (предикативным определением).

Для ответа на этот вопрос необходимо найти грамматические показатели, указывающие на синтаксическую функцию каждого из существительных.

Проблема разграничения предикативного определения и подлежащего, являющаяся принципиально важной в тех случаях, когда оба этих синтаксических элемента выражены именем существительным, уже привлекала внимание болгарских лингвистов. К ней вплотную подошел К. Попов в своем «Синтаксисе». Правда, эта проблема прямо не формулируется и не рассматривается в названной работе, но в связи с вопросом членования предикативного определения затрагивается один из аспектов ее, а именно разграничение подлежащего и предикативного определения, выраженных членованными существительными. Синтаксист пишет: «Когда подлежащее и сказуемое определение членованы, их трудно разграничивать, если не учитывать обычного порядка слов и их логического содержания»⁷⁵.

Вопрос разграничения функций двух существительных в построениях с предикативным определением впервые ставится как специальная синтаксическая проблема в работе К. Попова «О некоторых особенностях болгарского составного сказуемого в сопоставлении с русским». Автор ее следует за А. М. Пешковским, хотя и изменяет акценты в оценке и использовании применяемых этим ученым методов анализа. К. Попов и здесь выдвигает на первое место логико-смысловое определение роли слов в предложении: «Когда два существительных, связанных глаголом *съм* (быть), означают один и тот же предмет, тогда трудно разграничивать подлежащее от сказуемого или от сказуемого (предикативного) определения, потому что при создающемся логическом тождестве не всегда грамматические средства могут выявить, что является реальным, конкретным предметом и что означает квалификацию этого предмета, например: *Народът е творецът на историята. Тво-*

---

⁷⁵ Попов К, Съвременен български език. Синтаксис, с. 131.

рецът на историята е народът. Народ — творец истории. Творец истории — народ»⁷⁶.

Судя по ходу рассуждений К. Попова, под логическим тождеством он понимает отсутствие отношения вид — род между существительными. Когда отношение вид — род налицо, исходя из него и определяются функции слов: «Если подлежащее означает видовое, а сказуемое — родовое (более общее) понятие и, следовательно, замена между ними невозможна, родовое понятие совпадает со сказуемым, например: *Все хирурги лекари*; невозможно: *Все лекари хирурги*. — *Всички хирурзи са лекари*; невозможно: *Всички лекари са хирурзи*»⁷⁷.

В качестве второго, на этот раз грамматического, показателя синтаксической роли существительных в предложении называется их членование: «Разграничение между подлежащим и сказуемым в болгарском языке осуществляется более легко, если подлежащее членовано, например: *Душата ми е стон*. *Душата ми е зов* (П. К. Яворов). *Волята му бе закон за всички* (Й. Йовков)»⁷⁸. Однако этот показатель, по мнению автора, является действенным лишь в ограниченных пределах: «Если подлежащее и сказуемое имя не членованы или членованы, их разграничение встречает затруднения, например: *Всяка шега е наполовин истина* (Посл.). *Наполовин истина е всяка шега*. *Сирене гозба ли е, магаре стока ли е, върба дърво ли е, овчар либе ли е, калугер човек ли е?* (Посл.). *Думите ми са парадокс, действителността са думите ми* (Ал. Балабанов). *Моята стража е моят позор, / моята казън са дните предишни* (Д. Дебелянов). *Железните пътища са главните артерии на страната* (Из печати)»⁷⁹.

В тех случаях, когда подлежащее и предикативное определение не могут быть опознаны по членованию, К. Попов для разграничения синтаксической роли существительных рекомендует «опираться на те логические и грамматические признаки, которые указывает и А. М. Пешковский — на лексическое значение, на логическое ударение, на контекст и порядок слов, на аналогичные словосочетания, при

⁷⁶ Попов К. За някои особености на българското съставно сказуемо..., с. 127.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

которых согласование копулы (связки) является определенным и несомненным»⁸⁰.

Обращение болгарского синтаксиста при анализе предикативного определения к книге А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» представляется вполне закономерным, потому что в ней дается не только глубокий и систематический анализ этого синтаксического явления, но и принципиально оцениваются сложившиеся в науке традиции в подходе к этой проблеме. Автор книги теоретически обосновывает свой подход к данной области синтаксиса. Эти теоретические обоснования сохраняют свое значение для изучения предикативного определения не только в русском, но и в других славянских языках.

Вместе с тем К. Попов, хотя и указывает на необходимость использования положений А. М. Пешковского, развивает мысли, существенно отличающиеся от точки зрения этого ученого. Выдвижение логических критериев на первый план противоречит в своей основе позиции А. М. Пешковского, который строил свой анализ на выявлении строго грамматических показателей функции слов. Таким показателем в синтаксических построениях с предикативным определением он считал единственно согласование глагола. Возражая против отыскивания подлежащего и предикативного определения на основе установления психологического подлежащего и сказуемого (т. е. установления слова, обозначающего психологически главное представление) или логического подлежащего и сказуемого (видового понятия и родового понятия), он писал: «Мы не пойдем в этой книге ни по тому, ни по другому пути. Для нас сказуемое... будет всегда либо глагол, либо сочетание глагольной связки с предикативным членом, либо определенные бесформенные слова, а подлежащим тот именительный падеж, к которому относится сказуемое. При простом сказуемом это будет именительный падеж, с которым согласуется глагол, при составном — тот, с которым согласуется связка...»⁸¹.

Отсылая к А. М. Пешковскому и рекомендуя опираться при разграничении синтаксической роли существительных на указанные им «логические и грамматические признаки», К. Попов проходит мимо того, что этот ученый настоятель-

⁸⁰ Попов К. За пнякои особености на българското съставно сказуемо..., с. 127.

⁸¹ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 238.

но выступает против смешения логического и грамматического анализа, против подмены одного другим: «Даже если бы грамматическое подлежащее и предикативный член всегда и везде абсолютно совпадали с логическим подлежащим и сказуемым (чего на самом деле нет), и тогда мы должны были бы открывать их независимо друг от друга: первые на основании грамматических признаков, а вторые на основании логических»⁸².

А. М. Пешковский не предлагает использовать в качестве критериев интонацию, фразное ударение, порядок слов, а отрицает возможность распознавания подлежащего и предикативного определения на этой основе⁸³. Говоря о задаче и путях синтаксического анализа построений с предикативным определением, он делает вывод, что в данном случае «дело, очевидно, сведется к тому, с каким именительным согласована связка»⁸⁴.

Акцентируя внимание на механизме согласования, А. М. Пешковский указывает единственно правильный грамматический путь решения проблемы разграничения предикативного определения и подлежащего. Именно согласование является областью наиболее яркого проявления синтаксических связей в конструкции предикативного определения и, что самое важное, оно является единственным принципиальным показателем синтаксических функций каждого из двух существительных этой конструкции.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА, ОТРАЖАЮЩИЕ СОГЛАСОВАНИЕ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

Как уже отмечалось, в болгарском предложении глагол-сказуемое согласуется с существительным-подлежащим по лицу, числу, а в сложных глагольных формах также и по роду. Эта общая норма языка действует и в конструкции предикативного определения.

Картина согласования по лицу в тех случаях, когда в качестве первого номинатива выступает имя существительное, унифицирована, поскольку при существительном глагол всегда стоит в форме третьего лица: — ...тая война не е за нашите уста лъжица (Веж.).

Проследить противопоставление первого номинатива и второго номинатива на основе согласования глагола по

⁸² Пешковский А. М. Указ. соч., с. 240.

⁸³ См.: Там же, с. 237—239.

⁸⁴ Там же, с. 238.

лицу невозможно, так как независимо от того, какое из двух существительных является первым номинативом и какое — вторым номинативом, форма лица глагола остается неизменной.

Возможность употребления, помимо формы третьего лица, также и форм первого и второго лица имеется только тогда, когда в функции первого номинатива выступает личное местоимение. Однако эта черта местоимений и целый ряд других особенностей функционирования их в конструкции предикативного определения образуют самостоятельный комплекс проблем, который должен быть рассмотрен особо.

В противоположность согласованию по лицу, согласование глагола по числу четко противопоставляет функции двух существительных, входящих в конструкцию предикативного определения, например: — *Катюшите* за нас, Степан Никитич, *са* важен психологически факт (Веж.); — *Тъкмо чеизите* сега *са* мъжка работа! — рече тя (Карасл.); То понякога и *момичетата* не *са* стока, но за своите деца Кръстевица отговаряше (Карасл.); ...можеше да се помисли, че *вълците са* цяла глутница (Йовк.); ...след това сметна, че *сънищата са* празна работа и няма защо да се занимава с тях (Карасл.); — А все пак *войните*, които прекарахме, *са* играчка пред войната, която сега се е разгоряла (Карасл.); — Нашите *войни бяха* играчка до тая, дете са я запалили сега (Карасл.); — И останалите му *братя* не *са* цвете за мирисане (Дим.); ...виждаме, че и *предипните работи* не *са* били случайност (Веж.).

В приведенных предложениях согласование глагола наглядно показывает, что стоящие во множественном числе существительные *катюшите*, *чеизите*, *момичетата*, *вълците*, *сънищата*, *войните* и т. д. являются первыми номинативами, а существительные *факт*, *работа*, *стока*, *глутница*, *работа*, *играчка* и т. д., стоящие в единственном числе, — предикативными определениями.

Противопоставление первого номинатива и второго номинатива в конструкции предикативного определения выражается и тогда, когда один из них представлен рядом однородных членов: — *Науката и мъдростта са* дело на миналото (Е. П.); Искам да кажа, че не само *мизерията и невежеството са* причина на туберкулозата (Е. П.).

Функции двух существительных четко выражаются и согласованием глагола по роду: Но ето, че *животът бил*

друга лаборатория, нечиста, неприветлива, неуредена (Е. П.); *Вълка бил куче, а?* (Йовк.); — *Русия* никога не е била наш враг, няма и да бъде! (Карасл.); *Трудът* [...] *щял да бъде* истинско удоволствие (Карасл.).

В приведенных предложениях, как показывает согласование, первыми номинативами являются существительные *животът, вълка, Русия, трудът*. Существительные *лаборатория, куче, враг, удоволствие* участвуют в конструкции предикативного определения как вторые номинативы.

ЗАТЕМНЕНИЕ СОГЛАСОВАНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО РАСКРЫТИЯ

1. На конкретных примерах мы проследили механизм согласования глагола в конструкции предикативного определения, который отражает функции двух существительных, участвующих в этой конструкции. Однако в языковой практике весьма часты случаи, когда в силу побочных причин этот механизм оказывается затемненным.

Естественно, что согласование глагола ярко обнаруживает функции двух существительных, участвующих в конструкции предикативного определения, тогда, когда эти существительные противостоят друг другу по числу или роду, т. е. если одно из них стоит в единственном числе, а другое — во множественном, либо если у этих двух существительных разный грамматический род. Однако в языке не менее естественными являются случаи, когда число или род у двух существительных конструкции предикативного определения совпадают. Такое совпадение и дает затемненные случаи согласования глагола.

Важно отметить, что не каждое совпадение числа у двух существительных затемняет согласование и не каждое несовпадение рода выявляет его. Это зависит от комбинации показателей согласования по числу и по роду. Категория рода выражается в формах глагола в единственном числе и не выражается во множественном числе.носителем категории рода у глагола является причастие сложных глагольных форм, которое в соответствии с общей для категории причастий нормой имеет три формы единственного числа — мужского рода, женского рода, среднего рода и одну форму множественного числа. Таким образом, глагол в единственном числе имеет и показатель числа и показатель рода, а во множественном — только показатель числа. В результате оказывается, что если оба существи-

тельных стоят в единственном числе, но имеют разный грамматический род, согласование выражается ясно. Если оба существительных стоят в единственном числе и имеют одинаковый грамматический род, согласование затемнено. Если оба существительных стоят во множественном числе, то независимо от совпадения или расхождения грамматического рода существительных согласование всегда затемнено.

Эта картина выраженного и затемненного согласования глагола осложняется тем, что категория рода имеется только у сложных глагольных форм и отсутствует у простых форм. Вследствие этого в значительном количестве случаев форма глагола, несмотря на родовое противопоставление существительных единственного числа, не отражает различие функций этих существительных: Флиртът на Зара щеше да бъде просто эксцентрично и невинно хрумване да се разсее един уморен човек (Дим.); Червеното знаме на неговата мелница беше за него черен креп (Даск.); Складът беше обикновена стая със заковани прозорци (Веж.); — Нашият празник, тъй да се каже, е рожба на работническата класа в борбата ѝ срещу капиталистическото господство (Карасл.); — Вълка, момче, е лоша гад: едно ще изяде, сто ще удуши (Йовк.); Кръчмата беше дълго, хладно помещение с остъргани дървени миндери край стените (Карасл.); Тя знаеше, че намирането на булчинско було в тези тежки времена не е работа на Въкрила (Карасл.); Войната — знаеше той — е сериозно дело (Веж.); И последното ми откритие все пак надали е много сериозна причина да се спира колата (Веж.); Затворът не е малка школа! (Веж.); Стоманеният гигант, застанал неподвижно като мишена, беше отлична цел (Веж.); Но животът е борба (Е. П.); ...живеснето му в Молдавия беше велика дата за него (Ваз.); — ...човекът е съчетание от грешки (Е. П.); Но тревогата изведнъж спира: голямата птица, която лети над чифлика, не е орел, а щъркел (Йовк.); «Умре ли си човек, другото е празна работа», мислеше си той (Карасл.).

Однако эти случаи невыявленности согласования можно назвать скрытым согласованием, так как при временных парадигматических изменениях глагола оно ярко проявляется. В таких случаях достаточно заменить простые формы глагола на сложные, в том числе и на формы пересказывательного наклонения, и родовое согласование гла-

гола становится явным, обнаруживая синтаксическую функцию каждого из двух существительных: «Червеното знаме на неговата мелница е било за него черен креп» и т. д.

Иная ситуация возникает в тех случаях, когда оба существительных стоят в единственном числе и имеют одинаковый грамматический род или когда оба существительных стоят во множественном числе. При таких условиях парадигматические изменения глагольной формы не приводят к раскрытию согласования. В каждом из этих случаев затемнения согласования, в зависимости от того, какими причинами они вызваны, требуются свои приемы выявления грамматических связей.

2. В работе А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» при исследовании подобных случаев затемнения согласования выдвигается в качестве важнейшего вспомогательного средства «ассоциация с теми смежными словосочетаниями, где это согласование внешне определимо». Правомерность такого приема обосновывается следующим образом: «Подобно тому как управление одним существительным другого, когда они оба стоят в одинаковых падежах (*я был у учительницы сестры*), распознается при помощи смежных форм словосочетаний (*я пришел к учительнице сестры*), подобно тому как различие между именительным и винительным падежами (*платье задело весло*) распознается при помощи той же формы словосочетания, но с другим словарным составом (*юбка задела весло* и *юбку задело весло*), причем все эти смежные словосочетания предполагаются, конечно, наличными фактами живой речи, сопутствующими данному словосочетанию в ассоциативном порядке, а не изыскиваются искусственно, — подобно этому мы вправе будем и здесь к рассматриваемым словосочетаниям подбирать аналогичные, с целью определить, с каким именительным согласовалась бы связка при более благоприятных морфологических условиях»⁸⁵.

Свой метод ученый демонстрирует на примере анализа предложения... *где пасмурный Бешту, пустынный величавый... / Был новый для меня Парнас* (Пушк.). «Мы произведем, — пишет он, — словарный эксперимент: вместо *пасмурный Бешту* скажем, положим, *розовая Юнгфрау*.

⁸⁵ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 238.

Словосочетание примет тогда вид *где розовая Юнгфрау... была новый для меня Парнас*, и этим вопрос о подлежащем легко разрешается»⁸⁶.

В проводимом анализе по существу используется метод, получивший широкое распространение в современном языкознании как метод субституции. Пользуясь предложенным А. М. Пешковским методом, мы можем раскрыть случаи затемнения согласования тогда, когда оба существительных стоят в единственном числе и имеют один и тот же грамматический род. Например, в предложении «Настоящето е винаги било море от чувства...» (Е. П.) оба существительных имеют средний род, и поэтому по форме глагола невозможно определить, с каким из них этот глагол согласован. Однако проведение пробы замен первого и второго существительного сразу же выявляет согласование в предложении и тем самым синтаксические функции обоих существительных.

Замещение первого существительного существительным мужского или женского рода влечет за собой изменение формы глагола:

А. Настоящето е винаги било море от чувства...

Животът	]	е	бил
Театърът			
Споменът			
Срещата	]	е	била
Музиката			
Поезията			

Подстановки на месте второго существительного не вызывают никаких изменений в форме глагола:

Б. Настоящето е винаги било море от чувства...

е	било	[	океан
			поток
			порой
е	било	[	смес
			река
			лавина

Проба замен показывает, таким образом, что в рассматриваемом предложении глагол согласуется с существи-

⁸⁶ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 240.

тельным *настоящего*, а существительное *море* стоит вне связи согласования, т. е. что первое существительное является подлежащим, а второе — предикативным определением.

Исходя из основной идеи А. М. Пешковского, можно найти и другие грамматические аналогии, с помощью которых выявляется согласование в иных случаях его затемнения. Так, согласование, прикрытое множественным числом обоих существительных, раскрывается путем аналогии с единственным числом, которое более благоприятно с точки зрения выражения согласования. Наиболее органичной формой проведения аналогии является грамматическая трансформация предложения в единственное число. Например, в предложении «В ония годипи...фелдшерите са били видни личности» (Карасл.) существительные в конструкции предикативного определения имеют разный род, вследствие чего форма глагола должна сигнализировать согласование, однако эта возможность не реализуется ввиду того, что существительные стоят во множественном числе. Проведя трансформацию множественного числа в единственное, мы получаем предложение с четко выявленной структурой:

Фелдшерите са били видни личности

Фелдшерът е бил видна личност

Таким образом, трансформация показывает, что согласование глагола идет с существительным *фелдшерите*, а существительное *личности* является предикативным определением.

Как мы уже указывали, синтаксические функции существительных в конструкции предикативного определения ярко обнаруживаются не только тогда, когда эти существительные противопоставлены друг другу по роду, но и тогда, когда они противопоставлены по числу. Поэтому подстановки могут проводиться не только с целью приведения существительных к противопоставленности по роду, но и с целью приведения к противопоставленности по числу. Выбрав такой путь, мы при анализе приведенного предложения вместо трансформации можем использовать подстановку на место одного из существительных, стоящих во множественном числе, существительного в единственном

числе:

Фелдшерите са били видни личности
  са били истинска гордост
Фелдшерът е бил

Этот прием оказывается особенно необходимым тогда, когда в конструкции имеется существительное *pluralia tantum* либо когда образование множественного числа существительного производится супплетивной основой, т. е. когда какие-либо языковые закономерности создают помеху для трансформации всей конструкции предикативного определения из множественного числа в единственное: Писателите са много особени хора (Е. П.).

Как и при пробе замен, ведущей к противопоставленности существительных по роду, суть проводимой процедуры состоит в выяснении того, какая замена вызывает изменение глагола предложения и какая нет. Однако несмотря на то, что используется одна и та же процедура, подстановка существительного в единственном числе на место существительного во множественном числе не столь свободна, как подстановка существительного одного рода на место существительного другого рода.

Это объясняется тем, что существительное-первый номинатив и существительное-второй номинатив не имеют ограничений, связанных с категорией рода: в конструкции предикативного определения наблюдаются самые различные комбинации существительных по роду. В этих конструкциях существительное-первый номинатив может быть мужского рода, а существительное-второй номинатив — женского или среднего; существительное-первый номинатив может быть женского рода, а стоящее при нем существительное-второй номинатив — мужского или среднего; при существительном-первом номинативе среднего рода может стоять существительное-второй номинатив мужского или женского рода (см. примеры на с. 46).

В противоположность этому, возможности употребления форм единственного и множественного числа у существительного-первого номинатива и у существительного-второго номинатива не равны, хотя и существительное-первый номинатив и существительное-второй номинатив сами по себе могут выступать и в форме единственного числа и в форме множественного числа.

Показателен в этом отношении материал, приводившийся на стр. 44, который представляет собой случаи, когда два существительных конструкции предикативного определения имеют разное число. В этом материале представлены только формы множественного числа глагола и существительные-первые номинативы как существительные, с которыми согласуется глагол, имеют форму множественного числа. Среди этого материала нет ни одного предложения, в котором бы во множественном числе стояло существительное-второй номинатив (соответственно существительное-первый номинатив и согласуемый с ним глагол стояли бы в единственном числе). Иными словами, нет ни одного случая, где имелось бы положение: первый номинатив есть существительное в единственном числе, а второй номинатив — существительное во множественном числе; все предложения, имеющие существительные в разном числе, построены по такой схеме: первый номинатив — существительное во множественном числе, второй номинатив — существительное в единственном числе.

Что лежит в основе указанного неравенства возможностей употребления формы единственного числа у первого и у второго номинативов, будет выяснено в ходе дальнейшего исследования. Здесь для нас важен сам факт этого неравенства, которое определяет возможность подстановки на место первого и на место второго номинативов, имеющих форму множественного числа, существительного единственного числа.

При подстановке в предложение с двумя существительными единственного числа, имеющими одинаковый грамматический род, и одна и другая позиция допускает включение существительного любого грамматического рода независимо друг от друга. Изменение структуры, наблюдаемое при этом, состоит только в изменении родовой формы глагола в зависимости от рода первого номинатива.

При подстановке существительного единственного числа на место существительного множественного числа позиции первого и второго номинативов не равны. При подстановке существительного единственного числа на место второго номинатива в остальной структуре не наблюдается никаких изменений:

Фелдшерите са били	видни личности
Фелдшерите са били	[истинска гордост голяма помощ културна сила

Подстановка же существительного единственного числа на место первого номинатива вызывает изменение не только в форме глагола (в зависимости от числа первого номинатива), но и затрагивает второй номинатив. Этот второй номинатив не может сохранить свою форму множественного числа и по необходимости должен также быть заменен существительным единственного числа

Фелдшерите са били видни личности

Фелдшерът	] е бил видна личност
Докторът	
Кметът	

Таким образом, если приведение к родовому противопоставлению показывает, какая подстановка вызывает изменение формы глагола, то приведение к противопоставлению по числу показывает, какая подстановка вызывает изменение формы глагола и формы числа другого существительного, т. е. вызывает деформацию всей конструкции.

В языке часто встречаются и более сложные случаи затемнения согласования, когда оно скрыто наслоениями нескольких грамматических закономерностей. Раскрытие согласования сводится к последовательному снятию затемняющих слоев. Так, в случаях, когда существительные, выступающие в конструкции предикативного определения, имеют одинаковый род и стоят во множественном числе, затемнение согласования может быть раскрыто путем последовательного применения указанных приемов анализа. Например, сначала форма множественного числа трансформируется в форму единственного числа, а после этого в трансформе проводится субституционный анализ. Продемонстрируем это на анализе предложения «Тия мънички птиченца едно време са били деца като тебе» (Е. П.), в котором наблюдается именно такой случай затемнения:

- I. Тия мънички птиченца едно време са били деца
Това мъничко птиченце едно време е било дете

II. А. Това мъничко птиченце едно време е било дете

Тая	птица	]	е била
Тая	крава		
Тая	мечка		
Тоя	щъркел	]	е бил
Тоя	кон		
Тоя	вълк		

Б. Това мъничко птиченце едно време е било дете

е било	[	песнопойка
		немирница
		мома
е било	[	песнопоец
		палавник
		веселяк

В результате анализа мы видим, что согласование глагола идет с первым существительным, т. е. что это существительное является подлежащим в предложении, а существительное *дете* — предикативным определением.

Как мы уже указывали, очень часто конструкции предикативного определения содержат глагольные формы с невыявленным согласованием (так мы называли простые глагольные формы единственного числа, ввиду того, что они не имеют, в противоположность сложным глагольным формам единственного числа, категории рода). Эта языковая особенность, естественно, касается и предложений с разными случаями затемнения согласования. Вследствие этого оказывается, что часто предложения с затемненным согласованием осложнены невыявленностью согласования у глагольной формы. В таких случаях ни парадигматические изменения глагольной формы, ни предложенные выше процедуры анализа случаев затемненного согласования не дают в отдельности ответа на вопрос о согласовании. Только одновременное использование этих приемов проясняет картину. Это можно продемонстрировать на примере анализа следующих предложений: ...това разрешение беше истинско спасение за него (Карасл.); Нашите обеди бяха самостойни, чудесни съчинения на самота отца Сисоя (Е. П.);— Тия агарянци са големи скотове (Ваз.).

Переведя простую глагольную форму в сложную, которая имеет показатель согласования по роду, и применив после этого метод замен, мы обнаруживаем структуру первого предложения:

- I. Това разрешение беше истинско спасение за него
е било
- II. А. Това разрешение е било истинско спасение за него
Тази заповед е била
- Б. Това разрешение е било истинско спасение за него
истинска радост

Следовательно, подлежащим данного предложения является существительное *разрешение*, а предикативным определением — существительное *спасение*.

Согласование во втором предложении раскрывается с помощью парадигматического изменения формы глагола и последующей трансформации предложения в единственное число:

- I. Нашите обеда бяха самостояни, чудесни съчинения...
са били
- II. Нашите обеда са били самостояни, чудесни съчинения...
Нашият обед е бил самостояно, чудесно съчинение...

Подлежащим, таким образом, является существительное *обеда*, предикативным определением — существительное *съчинения*.

Третий пример является еще более сложным случаем и требует последовательного применения парадигматического изменения глагола, трансформации множественного числа в единственное и пробы замен:

- I. Тия агарянци са големи скотове
са били
- II. Тия агарянци са били големи скотове
Тоя агарянец е бил голям скот
- III. А. Тоя агарянец е бил голям скот
Това момче е било
- Б. Тоя агарянец е бил голям скот
голямо куче

Значит, подлежащие здесь — *агарянци*; предикативное определение — *скотове*.

Использование приема приведения существительных конструкции предикативного определения к противопоставленности по числу представляет собой более короткий путь раскрытия согласования в конструкции и тем самым функции каждого из существительных. При использовании этого приема сокращается количество процедур анализа. Этот прием не требует ступени парадигматического изменения глагола для выяснения его родового согласования, которое скрыто в значительном большинстве случаев, а также не нуждается в трансформации всей конструкции из множественного числа в единственное.

При этих преимуществах указанный прием приведения существительных к противопоставленности по числу имеет ряд объективных ограничений его использования. Практически он более применим к конструкциям, имеющим оба существительных во множественном числе, чем к конструкциям, имеющим существительные в единственном числе.

В значительной части предложений с двумя существительными в единственном числе изменение единственного числа первого номинатива на множественное ведет за собой аналогичное изменение формы второго номинатива. С таким положением мы встречаемся при анализе, например, предложения «Годеникът беше млад хубав момък, обущар в града» (Карасл.). Лишь иногда может быть положение, при котором в роли второго номинатива выступает существительное, допускающее изменение числа первого номинатива без изменения числа второго номинатива, например: «Но не само пружината беше причина за объркването на стария адвокат при първата среща» (Карасл.). Подстановка же существительного множественного числа на место второго номинатива практически невозможна в силу особенностей этой позиции, о которых уже говорилось.

Указанный прием более эффективен при анализе конструкций с множественным числом у двух существительных, хотя и здесь круг слов, форма единственного числа которых может быть подставлена на место множественного числа второго номинатива, не вызывая при этом необходимости изменения первого номинатива, весьма ограничен.

Причины наблюдаемых явлений станут более ясными после рассмотрения вопроса о соотношении объемов поня-

тий двух существительных конструкции предикативного определения, а также вопроса о детерминации в этой конструкции. В целом проба на деформацию по сравнению с многоступенчатыми процедурами в меньшей степени учитывает смысловые моменты, связанные с характером лексики.

Мы указали лишь основные возможности каждого из способов раскрытия согласования. Выбор процедуры анализа определяется конкретными исходными данными анализируемого предложения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как показывает анализ, проведенный в предыдущем разделе, вопрос о функциях двух существительных в конструкции предикативного определения может быть полностью решен сугубо грамматическим путем на основе выявления механизма согласования.

Вместе с тем в синтаксической литературе, как можно было видеть, для решения этого вопроса предлагается использовать логические отношения двух существительных, входящих в эту конструкцию, т. е. соотношение выражаемых ими понятий, а также психологические мотивировки. Предлагается использовать и такие грамматические показатели, как членование, интонация, порядок слов. Это делает необходимым выяснить, чем вызываются такие тенденции, в какой мере логический и психологический аспекты высказывания имеют отношение к грамматической стороне конструкции предикативного определения и какую роль играют здесь членование, порядок слов, интонация.

В самом общем виде можно сказать, что такие тенденции вызываются в первую очередь широкой распространенностью логических и психологических концепций синтаксиса. Играет свою роль и то, что механизм согласования в конструкции предикативного определения с двумя существительными во многих случаях затемнен, а чисто

эмпирические наблюдения показывают, что в языке имеются, помимо согласования, другие грамматические данные, которые позволяют различать первый и второй номинативы.

Вопрос о том, имеют ли членование, порядок слов, интонация отношение к рассмотренной проблеме разграничения первого и второго номинативов, как и более общий вопрос о роли этих грамматических средств в конструкции предикативного определения, получит освещение по ходу дальнейшего исследования. Здесь же мы предварительно укажем, что из перечисленных грамматических средств только членование связано с разграничением функций двух существительных конструкции предикативного определения. Однако членование лишь опосредствованно способно быть показателем синтаксических функций двух существительных и поэтому как грамматический критерий не может быть сравнимо с согласованием в конструкции предикативного определения, которое является прямым отражением основных свойств участвующих в этой конструкции синтаксических элементов.

О неприемлемости психологического и логического анализа для разграничения функций двух существительных конструкции предикативного определения уже говорилось выше. Однако отвергая такие приемы в грамматическом анализе, мы вовсе не утверждаем, что психологический и логический аспекты не имеют отношения к грамматической форме конструкции предикативного определения.

Предложение представляет собой зафиксированную форму мысли и как таковое имеет отношение к логике. Это значит, что в построенном по грамматическим правилам предложении содержится информация о логической стороне мысли. В форме предложения фиксируются и ситуационные условия высказывания этой мысли, т. е. психологический аспект его. Соответственно каждое конкретное предложение с конструкцией предикативного определения несет в своей форме и информацию о логике мысли и информацию о психологическом аспекте высказывания. Однако определять по логической и психологической стороне, какое из двух существительных конструкции предикативного определения является подлежащим и какое — предикативным определением, значит пытаться угадать, как строил данное предложение говоривший, а не анализировать конкретную форму этого предложения.

Как критерии грамматического анализа логика и психология не представляют интереса для синтаксиста. Но вопрос о том, как грамматика отражает логику мысли и психологические условия высказывания, т. е. установление логико-смысловой информации, передаваемой грамматическим механизмом, несомненно, относится к задачам синтаксического исследования.

Остановимся несколько подробнее на соотношении грамматического механизма конструкции предикативного определения с психологическим аспектом высказывания.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Психологическое членение предложения давно привлекает внимание лингвистов⁸⁷. При таком подходе в предложении выделяется часть, несущая нечто данное, то, что уже известно по контексту или ситуационным условиям высказывания, и часть, в которой заключено нечто новое, открываемое и сообщаемое в высказывании. Первая из указанных частей есть психологическое подлежащее, вторая — психологическое сказуемое. Психологическое членение представляет самостоятельный аспект предложения по отношению к его основной грамматической структуре, т. е. к членению на грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое. Психологическое членение раскрывается в таких грамматических средствах, как фразное ударение и интонация, порядок слов, артикль.

В болгаристике исследованию этой области языка были посвящены лишь отдельные работы, хотя в последнее время интерес болгаристов к этой проблеме вырос⁸⁸. Сре-

⁸⁷ При рассмотрении данной области языка в современном языкознании наблюдается терминологическое разнообразие, связанное в ряде случаев с различным подходом к решению проблемы: «актуальное», «смысловое», «контекстуальное», «коммуникативное членение». Мы используем идущий из более ранних работ термин «психологическое» (членение, подлежащее, сказуемое), который представляется более удобным для материала и целей нашего исследования.

⁸⁸ См.: *Шобер Ст.* Един основен принцип на нареждане на думите в българското изречение.— В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933; *Иванчев Св.* Наблюдения върху употребата на члена в български език (Във връзка с една непопулярна у нас синтактична теория).— Български език, 1957, № 6;

ди имеющихся исследований для нас важна в первую очередь работа Св. Иванчева «Наблюдения над употреблением члена в болгарском языке в связи с одной непопулярной у нас синтаксической теорией».

В этой работе исследователь применил теорию актуального членения предложения В. Матезиуса⁸⁹ к материалу болгарского языка. Принимая принципиальные положения чешского ученого, он предлагает свою терминологию: коммуникативное членение предложения, экспозиция (соответствует используемому в нашей работе термину «психологическое подлежащее»), кульминация (соответствует термину «психологическое сказуемое»).

Св. Иванчев начинает свое исследование с рассмотрения элементарного двучленного предложения. В таких двучленных построениях весьма наглядно прослеживается соотношение между грамматическим механизмом и психологическим членением предложения. Исследователь справедливо указывает, что «в предложении *Войниците дойдоха* экспозицией (т. е. психологическим подлежащим.— М. Р.) является подлежащее *войниците*, и это слово, как данное (независимо от того, контекстом или обстановкой), находится на первом месте и членовано, а сказуемое *дойдоха* занимает второе место»⁹⁰. Такой тип предложения, в котором грамматическое подлежащее и психологическое подлежащее совпадают, является наиболее распространенным.

Однако в соответствующем контексте возможно и иное соотношение грамматических элементов и психологического членения предложения, например: *Децата дълго време чакаха да се появи някой. Но ето, зададоха се камиони, след тях войници на коне, после се появиха каруци, след известно време войници в строен ред и накрая се точеха отделни пехотинци.*

Как видно из первого предложения, в котором зафиксированы условия контекста второго предложения приведенного отрывка, в этом втором сложносочиненном предложении психологическими подлежащими являются грамма-

---

Георгиева Е. Словоред на простото изречение в българския книжовен език. София, 1974; Она же. Първа българско-чешка лингвистична конференция.— Български език, 1977, № 3.

⁸⁹ См. соответствующие статьи в работе: *Mathesius V. Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947.

⁹⁰ *Иванчев Св.* Указ. соч., с. 503.

тические сказуемые — глаголы *зададох се, идеха, появиха се, точеха се*, называющие в различных вариантах действие появления, которое уже было введено в повествование ранее (*да се появи*). Грамматические подлежащие *камиони, войници (на коне), каруци, войници (в строен ред), (отделни) пехотинци* представляют собой психологические сказуемые, так как именно они несут новое в повествовании. Соответственно в рассмотренном предложении глаголы занимают первое место в порядке слов, а существительные стоят на втором месте и не членованы. Грамматическое подлежащее, являющееся психологическим сказуемым и стоящее на втором месте, может выступать и с членной формой, например: *Дойдоха войниците*. В данном случае существительное несет что-то новое только по отношению к непосредственному контексту, зафиксированному в предыдущем предложении, однако называемый этим существительным предмет предстает как известный и определенный либо благодаря более широкому контексту, либо по ситуационным условиям высказывания, что и выражается членованием существительного.

Рассмотренное соотношение грамматического облика предложения и его психологического членения относится к случаям обычного повествования. В эмоционально окрашенной речи в этом соотношении появляются свои особенности. Грамматическое подлежащее, являющееся одновременно и психологическим подлежащим, выступает с членной формой, но оказывается не на первом, а на втором месте в порядке слов: *Дойдоха войниците*. С другой стороны, грамматическое подлежащее, представляющее собой психологическое сказуемое, выступая без членной формы или же имея ее, занимает первое место в порядке слов: *Войници дойдоха — Войниците дойдоха*⁹¹.

Рассмотренные примеры показывают в основных чертах картину соотношения грамматического механизма и психологического членения предложения в болгарском языке. Они демонстрируют основные возможные случаи соотношения грамматического и психологического членения предложения. Эти примеры показывают также, что психологическое членение раскрывается в болгарском языке

---

⁹¹ См. подробнее: *Иванчев Св.* Указ. соч., с. 503—504.

ке такими общими для славянских языков грамматическими средствами, как фразное ударение, порядок слов и, кроме того, членованием.

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КОНСТРУКЦИЕЙ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В исследовании Св. Иванчева много внимания уделено и предложениям с конструкцией предикативного определения. Однако сама проблема психологического членения болгарского предложения со всем кругом связанных с ней вопросов (обусловленность этого членения языковым контекстом или ситуационными условиями высказывания, соотношение психологического членения с грамматическим, грамматические средства, раскрывающие психологическое членение предложения) рассматривается на материале двучленных предложений, т. е. предложений с так называемым глагольным сказуемым. Предложения с конструкцией предикативного определения представлены в исследовании как своего рода дополнительный языковой материал, поддерживающий выводы, к которым ведет изучение двучленных предложений. Автор не дает систематического анализа всех тех сторон трехчленных предложений, которые связаны с психологическим членением, а уделяет внимание в первую очередь вопросу о членовании, считая, что именно эти предложения подтверждают с наибольшей очевидностью закономерности членования, обнаруживаемые при анализе двучленных предложений.

В работе отмечается, что предложения, состоящие из существительного и глагола, для демонстрации картины членования в зависимости от психологического членения «имеют то неудобство, что в них нет двух имен, и, следовательно, нельзя видеть в одном и том же предложении, как имя в экспозиции членуется, а имя в кульминации не членуется. Однако если взять простое предложение со сказуемым определением, это станет очень ясно: *Кучето е артист. Кучето е бяло*»⁹². Оба этих случая считаются предложениями одного и того же типа. Разница между ними усматривается только в том, что в первом предложении предикативным определением является

⁹² Иванчев Св. Указ. соч., с. 505.

имя существительное, а во втором — прилагательное, однако специально оговаривается, что в обоих случаях это имена.

Нормы членования в связи с психологическим членением представляются в этих предложениях следующим образом: «Подлежащее *кучето* известно из обстановки (оно могло бы быть известно и из контекста) — поэтому оно представляет экспозицию предложения, находится в данном случае на первом месте и членовано. При субъективном порядке слов по отношению к членованию ничто бы не изменилось: *А р т и с т е кучето. Бяло е кучето*.

Глагол-связка здесь в сущности имеет только служебную функцию, но мы могли бы отнести его к кульминации, в одном случае к *артист*, в другом — к *бяло*. Оба имени как кульминация не членованы, а в зависимости от характера порядка слов стоят на втором, или на первом месте»⁹³.

Для исследователя предложения указанного типа важны тем, что в них «яснее всего видно соотношение между экспозицией и кульминацией предложения, в них наиболее ясно, какие места занимают эти две части предложения и как они членуются. Последнее в данном случае является самым важным: ясно видна тенденция членования экспозиции и нечленования кульминации. Эта тенденция в предложениях данного типа приближается как будто даже к абсолютному, безысключительному правилу. Безысключительность касается прежде всего подлежащего в этих предложениях. Независимо от того, на каком месте оно находится — в начале или в конце предложения, подлежащее в предложениях этого типа всегда членовано»⁹⁴.

В приведенной цитате обращает на себя внимание замена по ходу рассуждения термина «экспозиция» термином «подлежащее», т. е. термина, обозначающего категорию психологического членения, термином, обозначающим категорию грамматического членения предложения. Это не является случайностью. Автор и дальше продолжает употреблять термины «подлежащее» и «предикативное определение», подменяя рассмотрение категорий психологического членения рассмотрением категорий грамматического членения: «Что касается сказуемого определе-

⁹³ Иванчев Св. Указ. соч., с. 505—506.

⁹⁴ Там же, с. 506.

ния, то оно не членуется может быть в 95% случаев (эта цифра, разумеется, очень относительна). Таким образом, в нашем языке создается одна основная оппозиция, одно основное противопоставление по определенности. В предложениях этого типа членная форма как-будто приобретает морфологическо-синтаксическую функцию. Она превращается в показатель синтаксической службы слов в предложении. Это разграничение между подлежащим и сказуемым определением, впрочем, присуще не только болгарскому языку (где оно приобрело новый облик), оно представляет собой старое и общераспространенное явление в славянских языках, где в ряде случаев прилагательное в роли сказуемого определения употребляется в своей краткой, неопределенной форме»⁹⁵.

Смещение двух аспектов членения предложения наглядно видно и в такой дефиниции: «В кульминации этих предложений сообщается о каком-то качестве, о каком-то признаке известного подлежащего»⁹⁶.

Как показывают приведенные высказывания, посвященные в первую очередь характеристике членования, Св. Иванчев затрагивает, хотя и бегло, и такие вопросы общей проблемы психологического членения предложений с конструкцией предикативного определения, как вопрос о роли контекста, об объективном и субъективном порядке слов, т. е. порядке слов при обычном повествовании и в эмоционально окрашенной речи. Однако он не говорит, что психологическое членение может расходиться с грамматическим членением. Таким образом, в его исследовании отсутствует постановка вопроса о соотношении психологического и грамматического членения, который является особенно важным в области трехчленных предложений. Более того, в результате смешения двух аспектов членения предложения, создается впечатление, что в трехчленных предложениях психологическое подлежащее (экспозиция) всегда совпадает с грамматическим подлежащим, а психологическое сказуемое (кульминация) — с предикативным определением, в противоположность двучленным предложениям, в которых отмечались как случаи совпадения психологического подлежащего с грамматическим, так и случаи их расхождения.

⁹⁵ *Иванчев Св.* Указ. соч., с. 506.

⁹⁶ Там же, с. 507.

В ряде грамматических исследований идея о параллелизме между психологическим и грамматическим членением предложений с предикативным определением высказывается более прямо. При оценке противопоставления подлежащего и предикативного определения проводится мысль, что эти синтаксические элементы контрастируют с точки зрения категории «данное — новое». Так, в «Синтаксисе» К. Попова указывается, что подлежащее обозначает данное, а предикативное определение «раскрывает новый признак подлежащего, вносит нечто новое в предложение»⁹⁷. Такая же точка зрения представлена и в очерке болгарской грамматики советского болгариста Ю. С. Маслова, где пишется: «Существительное, выступающее в предикативной функции, соответствует здесь тому новому, что, собственно, и сообщается в данном высказывании. В противоположность этому подлежащее (и дополнение, с которым связано существительное, выступающее в предикативной функции) обычно соответствует здесь «исходному пункту» высказывания, т. е. чему-то, уже известному слушателю до данного высказывания»⁹⁸.

Проводимая в работах по синтаксису мысль о совпадении психологического подлежащего с грамматическим подлежащим, а психологического сказуемого — с предикативным определением, справедлива только для части предложений с конструкцией предикативного определения. Такой вариант комбинации двух членений предложения не является единственным, но он широко распространен.

Исследование языкового материала показывает, что во многих случаях конструкции предикативного определения грамматическое подлежащее действительно является одновременно и психологическим подлежащим:

— Малко ли ни бяха двете войни, дето ги изкарахме, та още... Що свят се затри, боже!

— *Нашите войни бяха играчка* до тая, дето са я запалили сега — рече замислен и съсредоточен Кръстю (Карасл.);

⁹⁷ Попов К. Съвременен български език. Синтаксис, с. 130. Ср. также следующую дефиницию: «Через него (предикативное определение.— М. Р.) выражается нечто новое, актуальное в предложении, в то время как через членованное подлежащее указывается данное, известное» (Попов К. За някои особености на българското съставно сказуемо..., с. 126).

⁹⁸ Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, с. 90.

Няколко дни Станка мисли за този сън. Какво означаваше той? По едно време реши да го разкаже на майка си, но след това сметна, че *сънищата са празна работа* и няма защо да се занимава с тях (Карасл.);

Но все пак на момичетата тя гледаше с по-друго око. Момчето остава при майка си и при баща си... А момичето отива на чужда къща, при чужди хора и все трябва да е на крак, и няма кой да го помилва. То понякога и *момичетата не са стока*, но за своите деца Кръстевица отговаряше (Карасл.).

Как свидетелствува контекст, в котором выступают интересующие нас предложения, порядок слов, членование, существительные (*нашите*) *войни*, *сънищата*, *момичетата* являются в приведенных примерах психологическими подлежащими. Согласование глагола говорит о том, что эти существительные являются грамматическими подлежащими. Таким образом, в указанных существительных совмещаются грамматическое и психологическое подлежащее.

Однако весьма часто встречаются предложения, в которых грамматическое членение расходится с психологическим, т. е. в которых обнаруживается несовпадение грамматического подлежащего и психологического. Это можно наблюдать на следующих примерах:

Синап му разправи съмненията си. Топал Салих вярваше повече в Синап отколкото във всички султани, взети заедно. Но Синап знаеше, че има нещо по-силно от него — това е коварството на властта и страхът на народа. А какво имаше той освен голи ръце? *Неговата сила бяха стръмните дефилета и високите скали* (Л. Стоян.).

В последнем предложении приведенного отрывка имеется конструкция предикативного определения. Из предшествующего этому предложению контекста видно, что существительное *сила*, имеющееся в этом предложении, представляет собой психологическое подлежащее. Это существительное несет нечто данное в высказывании, называет то, что получает какую-то характеристику. Указанное существительное обладает всеми грамматическими чертами, которые свойственны психологическому подлежащему: оно занимает первое место в порядке слов и выступает с членной формой (*неговата сила*). Именно существительное *сила*, а не существительные *дефилета* и *скали*, соответствует традиционной дефиниции грамматического подле-

жащего, гласящей, что оно «означает предмет, о котором сообщается что-то в предложении».

Вместе с тем, существительное *сила* оформлено в предложении как предикативное определение, а не как грамматическое подлежащее, о чем свидетельствует согласование глагола этого предложения по числу не с существительным *сила*, а с существительными *дефилета* и *скали*.

Рассказ Елина Пелина «Светите застъпници» начинается следующим образом:

Изворът на световните злини са страстите и влеченията на плътта, тленната плът, която погубва блаженството на безсмъртната душа. Докато Адам се разхождаше самичък из Едемския рай, светът беше съвършен, защото мислите на първия човек не търсеха друго освен бога, и душата му беше ведра като небето, към което се стремеше. И нему беше по-добре сам, безгрижен сред горите, езерата и зверовете (Е. П.).

Весь отрывок своим содержанием свидетельствует, что в первом предложении данное, исходный пункт высказывания представляется существительным *изворът*. Соответственно этому указанное существительное занимает первое место в порядке слов и имеет членную форму. Вместе с тем существительное *изворът* является не грамматическим подлежащим, а предикативным определением. Функцию грамматического подлежащего выполняют здесь существительные *страстите* и *влеченията*, о чем свидетельствует согласование глагола (он имеет форму множественного числа, а не единственного) именно с этими существительными, а не с существительным *изворът*.

Подобные примеры показывают, что закономерности соотношения грамматического и психологического подлежащего, обнаруживаемые в предложениях с двучленной ядерной конструкцией NV, т. е. в предложениях с так называемым глагольным сказуемым, проявляются и в изучаемых нами предложениях, содержащих трехчленную конструкцию предикативного определения N_1VN_2 . Однако при принципиальной идентичности соотношения грамматического и психологического членения в конструкциях NV и N_1VN_2 , конкретная картина совмещения этих двух членений в одном и другом случае оказывается не одинаково простой. Если в двучленных построениях NV при любом психологическом членении основная грамматическая структура прочитывается совершенно ясно благодаря

противопоставленности существительного и глагола как классов слов, то в трехчленных построениях N_1VN_2 грамматическая структура распознается не всегда столь легко.

Известно, что каждому классу слов в языке присущи определенные синтаксические функции. Поэтому тогда, когда элементы конструкции противопоставлены как слова разных классов, синтаксическая функция каждого из этих элементов достаточно очевидна. Так как функция подлежащего свойственна имени существительному, а не глаголу, в двучленных построениях NV существительное квалифицируется как грамматическое подлежащее в любом случае, т. е. независимо от совпадения или расхождения грамматического и психологического членения предложения. Если в двучленном предложении носителем «данного» (психологическим подлежащим) является глагол, а не существительное, то это не может вести к ошибочной грамматической интерпретации предложения, т. е. к квалификации глагола как грамматического подлежащего.

В трехчленных конструкциях N_1VN_2 одновременно два элемента принадлежат к тому классу слов, которому свойственна функция грамматического подлежащего. Оба эти элемента контрастируют с третьим — глаголом, но отсутствие контраста между ними создает почву для ошибок в понимании грамматического облика предложения. В тех случаях, когда психологическое подлежащее представлено в предложении одним существительным, а грамматическое — другим, возникает опасность восприятия существительного-психологического подлежащего как грамматического подлежащего этого предложения.

Существительное-психологическое подлежащее, в случае расхождения двух членений предложения, обладает рядом черт, характерных для существительного-грамматического подлежащего трехчленных предложений. Это можно видеть, если сравнить вышеприведенные предложения, в которых расходится психологическое и грамматическое членение, и предложения, в которых эти членения совпадают.

Остановимся на одной паре таких примеров:

«Но Синап знаеше, че има нещо по-силно от него — това е коварството на властта и страхът на народа. А какво имаше той освен голи ръце? *Неговата сила бяха стръмните дефилета и високите скали*» (Л. Стоянов);

« — Малко ли ни бяха двете войни, дете ги изкарахме...

— *Нашите войни бяха играчка до тая, дето са я запа-
лили сега*» (Карасл.).

Как было установлено в ходе предшествующего анали-
за, в первом примере существительное (*неговата*) *сила*
является предикативным определением и психологическим
подлежащим, а во втором примере существительное (*на-
шите*) *войни* является одновременно и грамматическим
и психологическим подлежащим.

Вместе с тем между этими существительными наблю-
дается большое сходство. Прежде всего, будучи оба психо-
логическими подлежащими, они одинаково включены в
контекст, одинаково являются носителями данного в вы-
сказывании. Другая общая черта этих существительных
состоит в том, что оба они занимают первое место в поряд-
ке слов. Третья общая черта заключается в том, что оба
существительных выступают с членной формой.

К этим чертам существительного (*неговата*) *сила*, об-
щим с чертами существительного (*нашите*) *войни*, доба-
вляется еще такой момент, как сила аналогии. Выше
указывалось, что в трехчленных предложениях в преобла-
дающем числе случаев наблюдается совпадение граммати-
ческого и психологического подлежащего. Такое же поло-
жение наблюдается и в двучленных предложениях. При
наличии у существительного (*неговата*) *сила* стольких об-
щих черт с существительным (*нашите*) *войни* и преобла-
дании в языке предложений, в которых грамматическое и
психологическое подлежащее совпадают, становится по-
нятным стремление к восприятию существительного (*не-
говата*) *сила*, являющегося только психологическим подле-
жащим, одновременно как грамматического подлежащего.

Предложения, подобные рассмотренным нами «Неговата
сила бяха стръмните дефилета и високите скали» и «Из-
ворът на световните злини са страстите и влеченията на
плътта...», уже обращали на себя внимание болгаристов,
хотя такие предложения и интересовали их в связи с дру-
гими проблемами. Так, в «Синтаксисе» К. Попова мы на-
ходим предложение «Свърталището на Косана бяха дълбо-
ките усои и високите поляни по билото на планината»
(Йовк.), приводимое автором как один из примеров, в ко-
торых трудно разграничивать подлежащее и предикатив-
ное определение⁹⁹.

⁹⁹ Попов К. Съвременен български език. Синтаксис, с. 131.

Указанный пример представляет собой случай расхождения грамматического и психологического членения предложения. Об этом свидетельствует, с одной стороны, согласование глагола с существительными (*дълбоките усои* и (*високите*) поляни, а, с другой — первое место в порядке слов у существительного *свърталището*, наличие членной формы у этого существительного и связь анализируемого предложения с контекстом: *Свърталището на Косана бяха дълбоките усои и високите поляни* по билото на планината, където всички овчари бяха негови верни побратими. Но понякога, дали защото му омръзваха планинските пушинаци, дали защото омразата му към хаджи Емин го влечеше към конаците му в Есерлий, той слизаше от планината и се появяваше из селата в полето (Йовк.).

К. Попов, рассматривающий данное предложение в связи с проблемой наличия членной формы и у подлежащего и у предикативного определения, отмечает возможность приравнивания *свърталището на Косан* к *свърталище на Косан* и делает на этом основании вывод, что это существительное является в предложении предикативным определением, а существительные (*дълбоките усои* и (*високите*) поляни — подлежащим. Вместе с тем для выяснения грамматического облика этого предложения нет необходимости в каких-либо дополнительных процедурах, так как согласование глагола здесь однозначно показывает синтаксические функции существительных. Таким образом, психологическое членение настолько довлеет, что даже этот совершенно ясный случай кажется нуждающимся в специальных приемах выявления грамматической структуры.

Воздействие психологического членения тем более возможно тогда, когда глагол не указывает столь четко на синтаксические функции существительных, т. е. в случае затемнения его согласования:

Двете моми влязоха в стаята на новия квартирант. Станка се огледа замаяна. *Първото нещо*, което се хвърли в очите ѝ, беше *широкото таблено легло* в срещния ъгъл. Шоколадената боя, блясъкът на лака, ярко-цветните изгледи на някакви високи къщи край езеро, зелените стръмни планини, жълтите ивици, меката цъстра копринена покривка и четвъртитият, тежък, майсторски изработен и умело нашарен ковчор на стената поразиха младото момиче (Карасл.).

В приведенном предложении глагол по своей форме одинаково может быть соотнесен как с (*широкого таблено*) *легло*, так и с (*първото*) *нещо*, ввиду отсутствия противопоставленности между этими элементами по числу и роду. В этих условиях следование психологическому членению могло бы повести к трактовке (*първото*) *нещо* как грамматического подлежащего данного предложения, в то время как грамматическим подлежащим здесь является (*широкого таблено*) *легло*. Ср. аналогичный пример с четко выраженным согласованием глагола: Когато останаха сами, Лихтенфелд направи последен опит за разбирателство с главния експерт на «Никотиана». Той улови Костов подръка и го поведе по аляята. *Най-ужасното нещо тук била скуката* и баронът решително искал да се отърве от нея. Лихтенфелд призна това чистосърдечно, като не пропусна да намекне, че добрият ход на приемането ще зависи до голяма степен от настроението му (Дим.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕ
И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕ
В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КОНСТРУКЦИЕЙ
ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Предложения, в которых грамматическое членение расходится с психологическим членением, представляют для синтаксиста особый интерес. В них грамматическое подлежащее и психологическое подлежащее выявляют свои неотъемлемые черты без взаимных наслоений, имеющих место в случае совпадения двух членений.

В ходе предшествующего анализа уже были указаны характерные черты существительного, являющегося одновременно психологическим и грамматическим подлежащим, и характерные черты существительного-психологического подлежащего, не являющегося грамматическим подлежащим. Было отмечено, что эти существительные обладают такими общими чертами, как непосредственное включение в контекст, первое место в порядке слов, членование, и различаются между собой тем, что первое из них имеет связь согласования с глаголом, а второе стоит вне такой связи.

Вернемся еще раз к приводившимся выше примерам предложений с расхождением грамматического и психологического членения: Неговата сила бяха стръмните де-

филета и високите скали (Л. Стоян.); Изворът на световните злини са страстите и влеченията на плътта (Е. П.); Свърталището на Косана бяха дълбоките усои и високите поляни по билото на планината (Йовк.); Най-ужасното нещо тук била скуката (Дим.). В этих предложениях существительные (*стръмните*) *дефилета* и (*високите*) *скали*, *страстите* и *влеченията* (*на плътта*), (*дълбоките*) *усои* и (*високите*) *поляни*, *скуката* не имеют на себе наслаения свойств психологического подлежащего и дают возможность видеть характерные черты собственно грамматического подлежащего.

Как показывает анализ, эти существительные не имеют непосредственной связи с контекстом. В порядке слов конструкции предикативного определения они занимают последнее место. Все эти существительные выступают с членной формой. Все они как грамматические подлежащие, естественно, находятся в связи согласования с глаголом.

Сравнение с этими чертами черт существительного, являющегося не только грамматическим, но одновременно и психологическим подлежащим (например, (*нашите*) *войни* в приводившемся выше предложении «Нашите войни бяха играчка до тая, дето са я запалили сега», Карасл.), дает основание для вывода, что связь с контекстом и первое место в порядке слов появляются у такого существительного как следствие наслаения черт психологического подлежащего. В то же время, членование является языковой чертой, присущей самому грамматическому подлежащему.

Вместе с тем у нас нет оснований считать, что членование существительного, являющегося одновременно и грамматическим и психологическим подлежащим, есть черта, привносимая грамматическим, а не психологическим подлежащим, так как в случае расхождения двух членений предложения собственно психологическое подлежащее также выступает с членной формой.

Мы должны принять, вероятно, точку зрения, что существительное, являющееся одновременно и грамматическим и психологическим подлежащим, имеет членную форму в силу действия как закона членования грамматического подлежащего, так и закона членования психологического подлежащего. Таким образом, в теоретических построениях членную форму существительного, являющегося одновременно и грамматическим и психологическим подлежащим, следует рассматривать как сдвоенную членную

форму, которая в случае расхождения грамматического и психологического членений предложения расщепляется на две самостоятельные членные формы.

Наличие членной формы у существительного-грамматического подлежащего, не являющегося психологическим подлежащим, находится в противоречии с закономерностью членования на основе психологического членения предложения, в соответствии с которой это существительное, несущее новое в высказывании, должно было бы выступать без членной формы.

Членование грамматического подлежащего, не являющегося психологическим подлежащим, наблюдается и в двучленных предложениях. Мы уже приводили касающееся таких предложений мнение Св. Иванчева, который считает, что членование подлежащего в этом случае объясняется дальней определенностью имени существительного, что такое существительное несет нечто новое только по отношению к непосредственному контексту, но называемый этим существительным предмет предстает как определенный благодаря более широкому контексту.

Членование грамматического подлежащего, не являющегося психологическим, в предложениях с трехчленной конструкцией предикативного определения не может быть, однако, объяснено дальней определенностью существительного. Языковой материал показывает, что здесь нет вариантов, которые позволяли бы говорить о наличии дальней определенности в одних случаях и отсутствии ее в других. Грамматическое подлежащее в предложениях с расхождением двух членений всегда имеет членную форму. Следовательно, наличие членной формы вызывается какой-то другой причиной, помимо дальней определенности. Предваряя рассмотрение этого вопроса, можно сказать, что по основным условиям построения конструкции предикативного определения в существительном-грамматическом подлежащем должна быть выражена сторона предметности. Эту функцию и выполняет членная форма.

Однако для нас в первую очередь важна не причина, а сам факт обязательного присутствия членной формы при существительном-грамматическом подлежащем. Этот факт свидетельствует, что составными элементами конструкции предикативного определения являются не просто существительное, глагол и еще одно существительное, а ч л е н о в а н н о е существительное, глагол и второе существи-

тельное. В соответствии с этим формула конструкции предикативного определения может быть представлена следующим образом: $S_1 - \text{член} - Г - S_2$.

СТРУКТУРА ЛОГИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ И СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Соотношение грамматической и логической стороны предложений с конструкцией предикативного определения, как это можно видеть уже по приводившимся выше высказываниям, привлекало к себе внимание синтаксистов. Сама эта проблема выходит за рамки сугубо грамматических вопросов конструкции предикативного определения, являющихся предметом настоящей работы. Однако она внесена грамматической традицией в круг проблем конструкции предикативного определения, с ней связывается решение ряда принципиальных вопросов конструкции. Поэтому необходимо подробнее остановиться на некоторых точках зрения, представленных в синтаксической литературе.

Существо соотношения грамматического и логического аспектов предложения в элементарном виде можно проследить на таком примере: «Науката не е шега работа» (Веж.). С точки зрения грамматики это — предложение, в котором существительное *науката* является грамматическим подлежащим, а существительное *шега работа* — предикативным определением. С точки зрения логики это — суждение, в котором «науката» является логическим подлежащим (субъектом), а «шега работа» — логическим сказуемым (предикатом). В таком суждении логическое подлежащее представляет собой понятие видовое, а логическое сказуемое — понятие родовое.

В славянском языкознании уже давно при рассмотрении конструкции предикативного определения с двумя существительными говорится об отношении род — вид в смысле соответствующих категорий логики. Так, А. М. Пешковский указывает, что «процесс мысли¹⁰⁰ можно рассматривать... с логической стороны, как процесс образования суждения. А в каждом суждении есть два

¹⁰⁰ В синтаксических единствах, согласно теоретическим взглядам А. М. Пешковского, слова «соединены одновременно и в речи и в мысли», это — «единство внешне-внутреннее». См.: Пешковский А. М. Указ. соч., с. 34.

понятия: то, о чем мыслят в данном случае (логическое подлежащее), и то, что мыслят (логическое сказуемое). Первое всегда есть видовое понятие или индивидуальное, а второе — родовое понятие»¹⁰¹. Подобная точка зрения присуща и многим болгарским работам. Можно указать, например, на «Синтаксис» К. Попова, в котором проводится мысль, что из двух существительных конструкций предикативного определения одно выражает единичное понятие, а другое — общее понятие¹⁰².

Вместе с тем некоторые исследователи наличие соотношения вид — род усматривают далеко не во всех случаях конструкции предикативного определения, а только тогда, когда в понятиях, выражаемых существительными, отражаются предметы, которые относятся как вид к роду в естественной классификации предметов. Подобное понимание этого вопроса обычно прямо не формулируется, но оно ясно прослеживается в проводимом исследователями анализе конструкций предикативного определения.

В болгаристике весьма ясно такая точка зрения выражена Ст. Стояновым в его монографии об определительном члене в болгарском языке. При рассмотрении предикативных определений при глаголе *съм* им выделяются такие типы: «а) Существительное-сказуемое определение означает родовое понятие по отношению к понятию, обозначаемому существительным-подлежащим, например: *Желязото е метал. Дървото е растение. Кучето е животно. Земята е планета. Прилепът е бозайник* и др. [...]; γ) Сказуемое определение и подлежащее не означают понятий, которые относятся как род к виду, например: *Детето е ученик. Младешът е студент. Иванов е директор. Иванов е директорът. Виножник е бащата. Виножникът е бащата*»¹⁰³. Таким образом, автор выделяет как отдельную группу случаи, когда в понятиях, выражаемых существительными, отражаются предметы, которые относятся как род и вид в естественной классификации, и только применительно к ним говорит о соотношении род — вид. Он прямо формулирует мысль об отсутствии такого соотношения в других случаях.

Между тем, выделяемые в особую группу конструкции предикативного определения с двумя существительными, выражающими понятия, в которых отражаются предметы с отношением род — вид в естественной классификации, являются лишь частными случаями, не отличающимися в своих основных закономерностях от остальных случаев конструкции предикативного определения. Здесь играет роль не соотношение род — вид естественной классификации, а соотношение род — вид как категорий логики. С точки зрения логики, два понятия всегда находятся в отношении рода и вида, когда все признаки первого понятия входят в содержание второго, но не все признаки второго понятия входят в состав первого, т. е. соотношение род — вид подразумевает соотношение объемов понятий.

¹⁰¹ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 237.

¹⁰² См.: Попов К. Съвременен български език. Синтаксис, с. 130.

¹⁰³ Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член в съвременния български книжовен език. 1 част. Съществителни имена. — Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, 1959, т. 53, 2, с. 72—73.

Вопрос о том, как соотносится структура предложения со структурой суждения, выражаемого этим предложением, имеется ли у грамматического подлежащего и предикативного определения параллелизм с логическим субъектом и предикатом, решался в синтаксических исследованиях по-разному.

Для исследований, в основе которых лежит логическая концепция синтаксиса, характерно смешение грамматического и логического аспекта предложений, содержащих конструкцию предикативного определения. Проблема соотношения этих двух аспектов при таком подходе, естественно, не возникает. Исследования, которые дифференцируют эти аспекты, в большинстве случаев отмечают совпадение грамматического подлежащего с логическим субъектом и предикативного определения с логическим предикатом. Подобного рода высказывания носят характер констатации факта. Специальная постановка проблемы соотношения грамматической и логической сторон предложения в них тоже, как правило, отсутствует.

ТЕОРИЯ РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И ЛОГИКОЙ

Идея о совпадении грамматического подлежащего и предикативного определения с логическим субъектом и предикатом служит отправной точкой наблюдаемого в синтаксических работах использования результатов логического анализа суждения, выражаемого предложением, для выяснения грамматической структуры этого предложения. Именно в связи с критикой использования критериев логики для разграничения синтаксических функций слов и была рассмотрена в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского проблема соотношения грамматической и логической стороны предложений с конструкцией предикативного определения (см. с. 42—43 настоящей работы).

Автор считает, что грамматическое подлежащее и предикативное определение не всегда и не везде абсолютно совпадают с логическим подлежащим и сказуемым. Он приводит ряд предложений русского языка, где, по его мнению, глагол «согласуется со словом, выражающим логическое сказуемое, а не логическое подлежащее»¹⁰⁴.

Подробно анализируются два случая. Один из них взят из Пушкина: «...три клада / В сей жизни были мне отра-

¹⁰⁴ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 241.

да./ И первый клад мой честь была, / Клад этот пытка отняла;/ Другой был клад невозвратимый / Честь дочери моей любимой...». В предложении *Другой был клад невозвратимый честь дочери моей любимой* автор усматривает пример согласования глагола со словом, выражающим логическое сказуемое, а не логическое подлежащее: «Логически... подлежащее — *честь*, так как она включается в более общее понятие *клада* (т. е. ценности вообще)»¹⁰⁵.

Вторым подробно разбираемым случаем является предложение *Его любимое занятие было игра в шахматы*: «Здесь тоже логическое подлежащее — *игра в шахматы* (более частное понятие), а логическое сказуемое — *любимое занятие* (более общее...)»¹⁰⁶.

Приводя эти предложения как пример расхождения грамматики и логики, автор в то же время указывает на возможность другого согласования глагола. Такой вариант первого из примеров представлен в самом приведенном отрывке из Пушкина: *И первый клад мой честь была*. Исследователь указывает, что здесь «грамматика следует за логикой (*честь была*)»¹⁰⁷. Касаясь второго примера, он пишет: «...с равным правом могло бы быть сказано *его любимое занятие была игра в шахматы*»¹⁰⁸.

Это добавление в значительной степени ослабляет тезис о возможности расхождения грамматики и логики. Оно показывает, что грамматическое оформление предложения в соответствии с требованием логики всегда допустимо, и, следовательно, принцип параллелизма между грамматикой и логикой весьма стабилен.

Мнение о расхождении грамматики с логикой возникает у А. М. Пешковского потому, что в своем рассмотрении соотношения частей предложения с частями суждения он оперирует, по существу, не синтаксическими единицами. Анализируя соотношение понятий, выражаемых двумя существительными конструкции предикативного определения, он обращает внимание только на лексическое значение самого существительного, произвольно отбрасывая присущие существительному грамматические элементы.

Мы уже цитировали его высказывание относительно предложения *Другой был клад невозвратимый честь доче-*

¹⁰⁵ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 241.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

ри моей любимой: «Логически... подлежащее — *честь*, так как она включается в более общее понятие *клада* (т. е. ценности вообще)». Как можно видеть, определяя соотношение понятий, выражаемых двумя существительными, исследователь берет эти существительные в их словарном виде, а не в том виде, как они представлены в анализируемом предложении. В этом предложении существительное *клад* имеет при себе определение — прилагательное *другой*. Предшествующий предложению контекст *И первый клад мой честь была, клад этот пытка отняла* показывает, что в анализируемом предложении *Другой* был *клад невозвратимый честь дочери моей любимой* речь идет не о «кладе вообще», а о «моем другом кладе» (ср. в контексте: *мой первый клад, этот клад*). Следовательно, при анализе этого предложения рассматриваться должно не понятие «клад», а понятие «мой другой клад». Понятие же «мой другой клад» не равно понятию «клад», объем понятия «мой другой клад» меньше объема понятия «клад».

Исследователь принимает во внимание только лексическое значение и у существительного *честь*. У этого существительного также имеется присущий ему грамматический элемент — определение, выраженное существительным в родительном падеже, *дочери моей любимой*. Таким образом, и в данном случае речь должна идти не о понятии «честь вообще», а о понятии «честь дочери моей любимой». Объем последнего понятия меньше понятия «честь вообще».

Аналогично обстоит дело и со вторым примером: *Его любимое занятие было игра в шахматы*. Из уже приводившегося высказывания «Здесь тоже логическое подлежащее — *игра в шахматы* (более частное понятие), а логическое сказуемое — *любимое занятие* (более общее)» можно видеть, что у существительного *занятие* отбрасывается одно из имеющихся при нем определений — притяжательное местоимение *его*. Вместе с тем понятие «его любимое занятие» не равно понятию «любимое занятие», объем его меньше объема этого последнего.

Благодаря тому, что А. М. Пешковский представляет процедуру своего анализа со всеми подробностями, хорошо видна допускаемая им в ходе исследования ошибка. Подобный неправомерный учет только лексического значения существительных наблюдается, хотя и не всегда

с такой очевидностью, во многих описаниях конструкции предикативного определения. Этот ошибочный подход встречается и в болгарской лингвистической литературе, например, в упоминавшейся работе К. Попова «О некоторых особенностях болгарского составного сказуемого...». Здесь обращает на себя внимание следующее высказывание: «Если подлежащее означает видовое, а сказуемое — родовое (более общее) понятие и, следовательно, замена между ними невозможна, родовое понятие совпадает со сказуемым, например: *Все хирурги лекари*. Невозможно: *Все лекари хирурги*. *Всички хирурзи са лекари*. Невозможно: *Всички лекари са хирурзи*»¹⁰⁹. Как можно видеть, при процедуре анализа проводится не замена одной синтаксической единицы другой, а лишь замена в группе подлежащего *всички хирурзи* существительного *хирурзи* как лексической единицы другим существительным.

Ошибочная трактовка понятия, выражаемого каждым из двух существительных предложения, естественно, ведет и к ошибочной трактовке соотношения понятий, т. е. к ошибочному истолкованию структуры суждения, выражаемого предложением. Соотношение грамматики с логикой соответственно также предстает в искаженном виде.

Вместе с тем, приводимый А. М. Пешковским материал свидетельствует, что в некоторых случаях возможен не только один вариант оформления предложения. Причина коренится, по-видимому, в том, что согласование глагола отражает реальный смысл, который вкладывается говорящим в употребляемые им слова, его понимание соотношения понятий, выражаемых этими словами. Индивидуальное восприятие слов может расходиться с наиболее распространенным восприятием этих слов, в результате чего создается возможность двойного оформления предложения. Сдвиг в согласовании может быть связан и с таким сугубо формально-языковым моментом, как порядок слов. Однако подобный сдвиг может появиться лишь при условии отсутствия резкой дифференциации объемов понятий, выражаемых двумя существительными конструкции предикативного определения¹¹⁰.

Два предложения из Пушкина, в одном из которых глагол

¹⁰⁹ Попов К. За някои особености на българското съставно сказуемо..., с. 127.

¹¹⁰ Возможность разной трактовки соотношения понятий, выражаемых двумя существительными конструкции предикативного определения, которая имеет место при отсутствии резкой дифференциации объемов понятий, выражаемых этими существительными, является еще одной причиной неприемлемости логических критериев для определения грамматической структуры предложения, т. е. для разграничения его подлежащего и предикативного определения. Трактовка соотношения понятий, выра-

согласуется с существительным *честь*, а в другом — с существительным *клад*, представляют собой именно случай, когда понятие, выражаемое одним существительным (*первый клад мой; другой клад*) и понятие, выражаемое другим существительным (*честь* — у Пушкина имеется в виду не «честь вообще», а «честь Кочубея»; *честь дочери моей любимой*) по своему объему не противостоят резко друг другу. Основания для такого заключения станут более ясными из дальнейшего рассмотрения вопроса о соотношении грамматики и логики. Пока можно отметить лишь следующее. В анализируемых предложениях существительные конструкции предикативного определения одинаково имеют грамматические элементы, позволяющие им быть оформленными как подлежащее. При таких условиях можно было бы ожидать, что разница в лексическом значении существительных опять будет решающим фактором, так как она не корректируется присущими существительным грамматическими элементами. Поэтому важно подчеркнуть, что существительное *честь* относится к абстрактной лексике, а принадлежность существительного к абстрактной или к конкретной лексике, как будет показано, является существенной стороной в вопросе оформления его как подлежащего или как предикативного определения. Правда, в данном предложении существительному *честь* противостоит существительное *клад*, которое также может быть отнесено к абстрактной лексике и которое, таким образом, не представляет ярко выраженного контраста в этом отношении существительному *честь*. Однако принадлежность существительного *честь* к абстрактной лексике создает большую возможность оформления его как предикативного определения, чем это имело бы место в случае его принадлежности к конкретной лексике.

Во втором примере в варианте *Его любимое занятие была игра в шахматы* согласование глагола с существительным *игра* (*в шахматы*), т. е. оформление этого существительного как подлежащего, обусловлено тем соотношением лексических значений двух существительных, на которое указывает А. М. Пешковский. Вместе с тем наличие притяжательного местоимения *его*, ограничивающего объем понятия, выражаемого существительным (*любимое*) *занятие*, создает возможность оформления этого существительного как подлежащего вопреки указанному соотношению лексических значений двух существительных предложения.

ТЕОРИЯ ПОЛНОЙ АНАЛОГИИ МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И ЛОГИКОЙ

Подмена понятия, выражаемого целой синтаксической единицей, понятием, выражаемым отдельным существи-

жаемых двумя существительными, даваемая анализирующим предложением, может расходиться с трактовкой, которая была дана строившим предложение и которая зафиксирована в грамматической структуре предложения. В результате данные логического анализа будут вести к ошибке в понимании грамматической структуры предложения, ибо они будут расходиться с показаниями, даваемыми в согласовании глагола.

тельным как словарной единицей, является лишь одной из тех ошибок в трактовке соотношения грамматики с логикой, которые бытуют в лингвистической литературе. Другой весьма распространенной ошибкой является стремление лингвистов, проводящих идею о совпадении структуры предложения со структурой суждения, подразделять предложения с конструкцией предикативного определения на отдельные типы в зависимости от того, имеется ли между понятиями, выражаемыми подлежащим и предикативным определением, отношение вид — род, отношение тождества и пр.

Такой подход можно видеть в названной статье К. Попова, в которой предложения типа *Всички хирурзи са лекари* противопоставляются предложениям типа *Народът е творецът на историята* на основе того, что в первом случае подлежащее означает видовое понятие, а предикативное определение — родовое, а во втором случае между подлежащим и предикативным определением создается логическое тождество, и возможна, по мнению автора, взаимная замена их функций (*Творецът на историята е народът*)¹¹¹. Аналогичная позиция наблюдается и в «Синтаксисе» К. Попова, в котором автор следует за положениями В. Г. Адмони, высказанными по поводу материала немецкого языка¹¹². Учитывая, что в работах болгарского синтаксиста смысл этих положений полностью не раскрыт, представляется необходимым обратиться непосредственно к работе В. Г. Адмони «Введение в синтаксис современного немецкого языка».

Здесь в главе «Логико-грамматические типы предложения с существительным в качестве именного члена сказуемого» выделяются прежде всего предложения, выражающие отношения отдельного и общего, и предложения, выражающие отношения тождества. Кроме того, делается попытка провести еще более детальную группировку внутри этих типов на основе более тонких различий анализируемых предложений: «Die Rose ist eine Blume — роза в своих конкретных свойствах не может полностью совпасть с общим понятием цветка. Но насколько значительнее неполнота вхождения отдельного в общее в предложении:

¹¹¹ См.: Попов К. За някои особености на българското съставно сказуемо..., с. 127.

¹¹² Попов К. Съвременен български език. Синтаксис, с. 131.

Ich bin Tareziereg. Здесь общее (Tareziereg) само по себе настолько конкретно, что оно покрывает лишь одну определенную сторону единичного понятия, выраженную в подлежащем. Подлежащее (Ich) — это в данном случае человек определенной профессии, определенного возраста, определенного характера и т. п. Между тем общее понятие, выраженное в сказуемом (Tareziereg), охватывает лишь одну, хотя и чрезвычайно важную сторону его существа — социально-производственную»¹¹³. Обобщая подобные наблюдения, автор делает вывод: «Существенное логическое различие, наблюдающееся между предложениями, в которых отдельное с большей полнотой входит в общее, как в свою постоянную родовую категорию, и которые носят подчеркнуто познавательный характер, и предложениями, в которых общее выражает лишь одно из качеств и притом переменных качеств отдельного и которые имеют в той или иной мере описательный характер, находит свое частичное формальное выявление в отсутствии артикля при предикативном существительном, выражающем занятие, профессию субъекта»¹¹⁴.

Второму из основных выделяемых типов дается такая характеристика: «К рассмотренному... типу предложений очень близки предложения, в которых также оформляется единство понятий, выраженных в подлежащем и предикативном существительном, но это — единство не отдельного и общего, а двух отдельных понятий, в том или ином отношении тождественных. Здесь выявляется одна из разновидностей многообразных связей отдельного «с другого рода отдельным» — связь, в данном случае приближающаяся к тождеству.

В предложении *Die grundlegende Voraussetzung für die Einführung der neuen Methode war die völlige Umgestaltung des Produktionsablaufes* предикативное существительное, выступающее с двумя определениями, не является более общим понятием, чем понятие, выраженное в подлежащем»¹¹⁵. Расхождения в грамматическом строении предложений, выражающих отношения отдельного и общего, и предложений, выражающих отношения тождества, усматриваются «преимущественно в области упот-

¹¹³ Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, с. 140.

¹¹⁴ Там же, с. 141.

¹¹⁵ Там же, с. 144—145.

ребления артикля —...определенный артикль характерен и для предикативного существительного в этих предложениях, что связано с его соответствующей семантикой»¹¹⁶.

Деление предложений в зависимости от отношений между понятиями, выражаемыми подлежащим и предикативным определением, с синтаксической точки зрения не имеет оснований. В языке не существует грамматических показателей, которыми бы систематически различались выделяемые В. Г. Адмони и К. Поповым типы предложений, в том числе нет таких показателей и в области артикля.

Мы приводили предложение, в котором К. Попов усматривает отношение тождества между понятиями, выражаемыми существительным-подлежащим и существительным-предикативным определением, и считает возможной взаимную замену функций двух существительных: *Народът е творецът на историята*. Однако анализ этого предложения показывает, что взаимную замену функций здесь осуществить нельзя, так как с точки зрения согласования глагола два существительных конструкции предикативного определения не равны по своим возможностям. Это обнаруживается при процедуре прояснения согласования глагола и пробе замен: *Народът бил творецът на историята*; *Народът бил силата на историята*. Но невозможно предложение «Народът била силата на историята». Таким образом, выявляется, что понятия, выражаемые двумя существительными конструкции предикативного определения, находятся в отношении, которое не допускает свободной замены синтаксических функций данных существительных, т. е. что между этими понятиями нет отношения тождества. В то же время оба рассматриваемых существительных одинаково имеют определенный артикль. В свете сказанного становится очевидным, что присутствие определенного артикля не только у существительного-подлежащего, но и у существительного-предикативного определения нельзя связывать с наличием отношения тождества между понятиями, выражаемыми этими существительными.

К аналогичному выводу ведет и материал так называемых предложений с отношением тождества, приводимый в книге В. Г. Адмони. Здесь нет необходимости

¹¹⁶ Адмони В. Г. Указ. соч., с. 145.

подробно разбирать его, тем более что исследователь допускает ошибку в определении синтаксической структуры предложений, из которых он исходит в своих построениях¹¹⁷. Что касается предложений, выражающих отношения отдельного и общего, то здесь он сам вынужден признать, что «оформление разных видов рассматриваемого типа предложений с помощью наличия или отсутствия артикля не является сколько-нибудь устойчивой закономерностью»¹¹⁸.

Говоря о попытках классификации предложений с конструкцией предикативного определения на основании отношений между понятиями, выражаемыми двумя существительными такой конструкции, уместно привести высказывание одного из известных синтаксистов Г. Глинца, хотя оно и сделано не в связи с изучением двух существительных конструкции предикативного определения, а при рассмотрении лексического состава глаголов, выступающих в этой конструкции: «...мы должны всегда помнить о том, что речь идет не о современной чистой логике с ее требованиями и возможностями, а о практической повседневной потребности и о логике времен давности в несколько тысячелетий, которые создали остов нашего языка. Более точные нюансы при приравнивании или же включении в ряд сами по себе абсолютно мыслимы и для каждой научной работы они обязательно необходимы. Здесь должно быть ясно отмечено, имеется ли налицо полное перекрытие, частичное включение в ряд, вхождение как часть в целое, включение только по отношению к определенным признакам, обратимое или необратимое включение в ряд и т. д.

Эти требования выполняются грамматической возмож-

¹¹⁷ Например, в предложении *Die grundlegende Voraussetzung für die Einführung der neuen Methode war die völlige Umgestaltung des Produktionsablaufes* подлежащим считается *die grundlegende Voraussetzung*, а предикативным определением — *die völlige Umgestaltung des Produktionsablaufes*. Это соответствует концепции В. Г. Адмони, согласно которой структура предложений подобного типа зависит от порядка слов: первое существительное является подлежащим, а второе — предикативным определением (см.: *Адмони В. Г. Указ. соч.*, с. 144—145). Однако проведение пробы замен показывает, что подлежащим в данном предложении является существительное, стоящее на втором месте в порядке слов: *Die grundlegende Voraussetzung... waren die neuen Prinzipien des Produktionsablaufes*.

¹¹⁸ *Адмони В. Г. Указ. соч.*, с. 142.

ностью „равная величина“ (=вторая постановка того же падежа) и различными сущностными ядрами и формами используемых при этом ведущих членов лишь очень грубо. То, что немецкий и вообще индогерманские языки (о других я не могу судить) применяют это приравнивание или включение в ряд только в таком общем виде, было одной из главных трудностей при построении логики, т. е. при выведении научного метода мышления, обладающего качеством математики, из более случайной, более нерегулярной и более несовершенной знаковой системы языка»¹¹⁹.

СВЯЗЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ С КАТЕГОРИЯМИ ЛОГИКИ

Указав на мнение о возможности расхождения структуры предложения со структурой выражаемого им суждения и на попытки провести полную аналогию между грамматикой и логикой как на крайние точки зрения в интерпретации соотношения грамматической и логической стороны предложений с конструкцией предикативного определения, мы считаем необходимым сформулировать свое понимание этого вопроса.

Параллелизм между грамматической и логической стороной в предложениях с конструкцией предикативного определения, несомненно, существует. Однако при рассмотрении этой проблемы важную роль играет установление того звена, в котором осуществляется реальная связь языкового механизма с логикой.

Как показывает проведенное нами исследование, материалы которого приводятся в следующей части настоящей работы, в рассматриваемых предложениях подлежащее и предикативное определение противопоставлены по грамматическим чертам и по характеру лексики. Существительному-подлежащему свойственно обязательное оформление артиклем или другими средствами грамматической детерминированности. Существительное-предикативное определение, напротив, по закону построения конструкции предикативного определения является недетер-

¹¹⁹ *Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. Bern, 1952, S. 168.*

Термином «равная величина» у Г. Глинца обозначается существительное-предикативное определение, а термином «ведущий член» — глагол-сказуемое.

минированным. Оно может иметь артикль или другие средства грамматической детерминированности в силу действия иных языковых закономерностей, помимо закона построения конструкции предикативного определения.

В области лексики противопоставленность рассматриваемых синтаксических элементов проявляется в том, что в случае принадлежности одного существительного к конкретной лексике, а другого — к абстрактной, в функции подлежащего выступает существительное с конкретным значением, а в функции предикативного определения — существительное с абстрактным значением.

Различие между существительным, детерминированным артиклем, и существительным без артикля, между существительным конкретного значения и существительным абстрактного значения связано с различием объемов выражаемых ими понятий. С другой стороны, объемы понятий, как уже говорилось, лежат в основе структуры логического суждения: субъект его представляет собой понятие меньшего объема, а предикат — понятие большего объема. Таким образом, указанный языковой механизм, ведущий к регулированию объемов понятий, является тем звеном, в котором осуществляется связь структуры предложения со структурой суждения.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-ПРЕДИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В разделе «Разграничение функций двух существительных конструкции предикативного определения» был поставлен вопрос о сугубо грамматических путях анализа предложений с конструкцией предикативного определения; было показано, как данные согласования глагола этой конструкции позволяют разграничивать в ней существительное-подлежащее и существительное-предикативное определение.

Разграничение подлежащего и предикативного определения на основе объективных грамматических показателей является лишь первым, в известной мере предвари-

тельным шагом в изучении конструкции предикативного определения с двумя существительными. Такое разграничение позволяет выявить действительную структуру анализируемых предложений и избежать часто наблюдающихся в грамматиках ошибок в квалификации функций каждого из двух существительных этой конструкции, которые ведут в свою очередь к ошибкам в описании грамматических черт, свойственных существительному-подлежащему и существительному-предикативному определению.

Сам факт, что каждое из двух существительных конструкции предикативного определения обладает своими специфическими чертами, обнаруживается при попытке поменять функции существительных, т. е. изменить согласование глагола. Такой эксперимент выявляет весьма строгую обязательность оформления одного из этих существительных как подлежащего, а другого — как предикативного определения. Изменить функции существительных, как правило, невозможно. Так, если в предложении «Навярно пак невидимите стъпки бяха причината на всичко това» (Ваз.) изменить форму глагола, согласовав его не с существительным (*невидимите*) *стъпки*, с которым он согласован в данном предложении, а с существительным *причината* (*на всичко това*), то это приведет к построению, невозможному для болгарского языка: «...невидимите стъпки беше причината на всичко това».

ДВЕ СФЕРЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Характеристика существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения в грамматической традиции

В болгарской лингвистической литературе из всех грамматических черт существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения наибольшее внимание уделяется характеру лексики этих существительных и их членованию. Это с достаточной очевидностью можно было наблюдать в тех высказываниях, которые приводились нами при постановке проблемы разграничения функций двух существительных конструкции предикативного определения и при рассмотрении соотно-

шения грамматической формы предложения с его психологическим членением и структурой выражаемого этим предложением логического суждения. Об этом же свидетельствуют и характеристики, даваемые при освещении непосредственно вопроса о грамматических чертах существительного-предикативного определения и существительного-подлежащего.

В «Новой болгарской грамматике» А. Теодорова-Балана говорится: «Подлежащее может быть неопределенным или определенным, т. е. членованным; сказуемое вида «глагол съм+имя» содержит обыкновенно имя неопределенное, без члена: *вълк* или: *вълкът е хищник*; *дявол* или: *дяволът е лукав*; *стар* или: *стариат е зъл*; *някой, някой си е грешен*; *сиромахът е загазил*. Обратное: *вълк е хищникът*; *дявол е лукавият*; *стар е злият*; *някой е грешният*; *сиромах е загазилият*. Здесь сказуемым является нечленованное имя. Однако ради особого смысла предложения может членоваться и сказуемое; в таком случае единственно порядок слов и интонация определяют, какое имя является подлежащим, какое — сказуемым, причем обычно первым ставится подлежащее, потом сказуемое: *вълкът е хищникът*, или: *хищникът е вълкът*; *дяволът е лукавият*, или: *лукавият е дяволът*; *стариат е злият*; *някой от нас е грешният*; *сиромахът е загазилият*. Предложение *Видул е наш съсед* может при одной интонации иметь подлежащим *Видул*, а при другой — *наш съсед*. При подобной синтаксической связи имена, выступающие как подлежащее и как сказуемое, различны по содержанию, но одинаковы по объему»¹²⁰. Последнее положение автор соотносит с приводившимся ранее высказыванием: «Обыкновенно подлежащее есть содержание, а сказуемое — объем; представление, заключающееся в подлежащем, может вестись в представление, заключающееся в сказуемом, или охарактеризоваться им»¹²¹.

В более ранней грамматике П. Ст. Калканджиева подлежащее относится к числу членуемых синтаксических категорий, а предикативное определение — к числу нечленуемых. Это общее правило сопровождается добавлением, что «возможно употребление и с членной формой

¹²⁰ Теодоров-Балан А. Нова българска граматика, с. 394—395.

¹²¹ Там же, с. 393.

предикативного определения, с целью привлечения к нему внимания: *Войводата* съм аз. — Ти си *началникът* тук. — Тя беше и си остана *едничката*, която не ни укори. — Вие сте *виновниците*. Разумеется, если и в этих случаях избежать членования, то выражение становится не только более кратким, но и более ясным»¹²².

В «Синтаксисе» К. Попова закономерности языка в интересующей нас области формулируются следующим образом: «Сказуемое определение обыкновенно не членуется... Если подлежащее выражает единичное понятие, сказуемое или сказуемое определение выражает чаще всего общее понятие, которое в этой своей функции не требует членованной словесной формы, например: *Душата ми е стон*. *Душата ми е зов* (П. К. Яворов). *Главата тегне изнурена* (П. К. Яворов). *Нашата победа ще бъде безкръвна* (Ел. Пелин). *Вие сте ми ръководител и образец* (Ив. Вазов)...»¹²³.

За этими основными положениями также следует оговорка, что предикативное определение может выступать и с членом: «Когда необходимо определить признак точнее и ярче, предикативное определение членуется, и точно так же может членоваться определение сказуемого определения, например: *Стефчов сега е най-умният, най-гордият, най-предният* (Ив. Вазов). *Това е най-голямото и най-красивото от войничките кучета*. *Едно наистина рядко и великолепно животно* (Й. Йовков). *Това е най-естественният живот, пълно и хармонично вживяване и единение с природата и със земята* (Й. Йовков). *Сънят ми е най-верният приятел* (А. Каралийчев). *Това е сивият, безлюдният, тихият град, чието литографно изображение от години виси на стената в стаята ми* (Ел. Пелин)...

¹²² Калканджиев П. Ст. Указ. соч., с. 418; см. также с. 343.

¹²³ Попов К. Съвременен български език. Синтаксис, с. 130. Говоря о закономерностях членования предикативного определения, К. Попов, как показывают приводимые им примеры, не делает различия между существительным и прилагательным в этой функции. Такой подход не правомерен, так как членная форма является грамматической категорией, связанной в принципе с существительным. Наличие членной формы у прилагательного в функции предикативного определения является результатом его субстантивации либо близкого к ней так называемого самостоятельного употребления прилагательных.

Сказуемое определение означает общее понятие. Иногда, однако, оно может означать и единичное понятие и членоваться, например: *Моят брат (п.) е директор (ск. о.) на това училище. Директорът (п.) на това училище е мой брат (ск. о.) Моят брат (п.) е директорът (ск. о.) на това училище*¹²⁴.

В работе «О некоторых особенностях болгарского составного сказуемого в сопоставлении с русским» К. Попов придерживается, в основном, тех же самых взглядов относительно грамматических черт существительных конструкции предикативного определения. Единственным дополнением, которое необходимо отметить, является мысль о том, что подлежащее конструкции предикативного определения, как и само предикативное определение, может быть не членовано. Это положение демонстрируется такими примерами: *Всяка шега е наполовин истина* (Посл.); *Сирене гозба ли е, магаре стока ли е, върба дърво ли е, овчар либе ли е, калугер човек ли е?* (Посл.)¹²⁵.

Аналогичные высказывания, хотя и со своеобразными интерпретациями данных языка, содержатся в «Очерке болгарской грамматики» Ю. С. Маслова, где отмечается, что «общая форма стала восприниматься как наиболее нормальная для сказуемого и предикативного определения, а определенная форма — как наиболее нормальная для того существительного, к которому относится это сказуемое и это предикативное определение... Однако нередко бывает и так, что именно грамматическое подлежащее содержит новое понятие, и тогда оно, будучи выражено существительным, окажется употребленным в общей форме, например: *Отвреме навреме минаваха коли* (Г. К.) «Время от времени проезжали телеги»¹²⁶. С другой стороны, сказуемое или предикативное определение может быть выражено существительным в определенной форме, если оно обозначает понятие, которое само по себе не

¹²⁴ Попов К. Съвременен български език. Синтаксис, с. 130—131.

¹²⁵ Попов К. За някои особености на българското съставно сказуемо..., с. 127.

¹²⁶ Считаем необходимым отметить, что указанный пример, содержащий глагольное сказуемое без предикативного определения и, следовательно, не подходящий для иллюстрации закономерностей членования в предложениях с предикативным определением, действительно приводится Ю. С. Масловым, а не является нашей ошибкой при цитировании.

является новым для слушающего (новой является только предикативная связь этого понятия с другим понятием). Ср. следующий характерный пример из народной сказки: — *Аз съм соколът, що ме ти хвана, но се превръщам; аз съм наистина момче*¹²⁷.

Внимание исследователей к членованию и характеру лексики при изучении конструкции предикативного определения совершенно закономерно. Интерес к этим областям языка свидетельствует о том, что чисто эмпирические данные вели ученых к поискам связи наиболее важных черт существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения с членованием и характером лексики.

Вместе с тем следует констатировать, что все сделанное до настоящего времени лишь указывает на сферу основных грамматических закономерностей конструкции предикативного определения с двумя существительными. Систематического изучения названных областей языка проведено не было. Это в полной мере относится и к закономерностям членования в конструкции предикативного определения, хотя по проблеме членования в болгарском языке имеются специальные исследования.

К числу таких специальных исследований относится монография Ст. Стоянова «Употребление и значение определительного члена в современном болгарском литературном языке», собравшая большой фактический материал. Центральная глава первой части этой работы имеет целью рассмотреть «Членование имен существительных как частей предложения (синтаксический аспект)» и содержит самостоятельные разделы, посвященные членованию имен существительных в функции подлежащего и членованию имен существительных в функции предикативного определения.

Конструкцию предикативного определения с глаголом съм автор рассматривает на таких примерах, как *Орелът е птица. Прилепът е бозайник. Гълъбът е добър летец. Желязото е метал. Дървото е растение. Кучето е животно. Земята е планета* и т. п. Характеризуя элементы этой конструкции с точки зрения членования, он пишет, что «в этом типе предложений существительное-подлежащее

---

¹²⁷ Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 90—91.

всегда членуется»¹²⁸, «существительное-сказуемое определение всегда не членуется»¹²⁹. По своей лексике два существительных конструкции предикативного определения характеризуются тем, что «понятие, обозначаемое существительным-подлежащим, является видовым, а понятие, обозначаемое сказуемым определением, — родовым»¹³⁰.

В работе отмечается далее, что когда «сказуемое определение и подлежащее не означают понятий, которые относятся как род к виду, например: *Детето е ученик. Младешът е студент. Иванов е директор. Иванов е директорът. Виновник е бащата. Виновникът е бащата...* сказуемое определение может быть членовано или нет в зависимости от общего положения — означает ли оно определенный предмет или нет»¹³¹.

Выводы этой работы, таким образом, остаются в рамках мнений, традиционно представленных в болгарских грамматиках.

Оценивая современное состояние изучения лексических особенностей существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения, а также роли членования в конструкции предикативного определения, следует сказать, что целый ряд важных сторон этих грамматических категорий вообще не был отмечен исследователями. Вошедшие в литературу формулировки закономерностей конструкции предикативного определения содержат принципиальные искажения и даже положения, прямо противоположные действительной языковой картине.

Слабая изученность указанных проблем достаточно хорошо видна даже при самом беглом анализе и сопоставлении приводившихся высказываний различных исследователей. Обращает на себя внимание разноречивость мнений. Одни авторы отмечают только членованность су-

¹²⁸ Стоянов Ст. Указ. соч., с. 42.

¹²⁹ Там же, с. 72.

¹³⁰ Там же, с. 41.

¹³¹ Там же, с. 73. В более поздней публикации на эту тему Ст. Стоянов последовательнее проводит мысль об обязательности членования подлежащего и отсутствии члена у предикативного определения и положение о возможности членования предикативного определения не включает в свою работу. См.: Стоянов Ст. Членуване на имената в българския език. София, 1965, с. 54—56, 67—69, 75—84.

ществительного-подлежащего, другие указывают и на возможность употребления этого существительного без членной формы. Все авторы сходятся во мнении, что существительное-предикативное определение может быть не только не членованным, но и членованным, однако дают разные объяснения факта членования этого существительного. По-разному оценивается роль лексики в конструкции предикативного определения. В ряде работ этой проблеме уделяется внимание, так как усматривается зависимость между синтаксическими функциями и лексическим значением существительных, в других работах вопрос о лексике не ставится.

Роль членования и характера лексики в оформлении функций существительных

1. Систематическое изучение конструкции предикативного определения требует не только зафиксировать по отдельности грамматические черты существительных конструкции, но и установить взаимосвязь этих грамматических черт. В болгаристике до сих пор специально не исследовался вопрос о том, как в конструкции предикативного определения соотносятся область лексики и область членования, но на практике ученые нередко связывали эти две области.

Так, в монографии Ст. Стоянова нормы членования существительных в конструкции предикативного определения ставятся в зависимость от характера лексики. В частности, членование существительного-предикативного определения ставится в зависимость от того, означает ли это существительное родовое понятие по отношению к понятию, обозначенному существительным-подлежащим, или нет. При наличии такого отношения автор считает законным отсутствие членования у предикативного определения.

Та же мысль, но в обратной формулировке высказывается и в следующем примечании: «В предложении 'Желязото е металът, който най-широко се използува' определенная форма 'металът' не означает уже родового понятия по отношению к понятию, обозначаемому словом ж е л я з о. Сочетание 'металът, който най-широко се използува' означает одно понятие, идентичное в приведенном предложении с понятием 'желязото' (член в последнем слове имеет обобщающее значение).

То же самое соотношение имеется и между предложениями: 'Земята е планета' и 'Земята е планетата, на която живеем ние'¹³².

Устанавливая соотношение между употреблением существительных с членной формой или без нее и лексическим значением этих существительных, исследователь делает попытку перейти от констатации отдельно взятых фактов языка к поискам связывающей их закономерности. Однако проводимая им мысль о зависимости членования в конструкции предикативного определения от отношения вид — род, имеющегося между понятиями, заключенными в лексике существительных, противоречит действительным закономерностям языка.

В этом смысле весьма показательно процитированное нами примечание. Здесь автор стремится путем специальных дополнительных объяснений совместить с выдвигаемой концепцией противоречащие ей факты, ибо уже по приводимым у него предложениям «Земята е планета» и «Земята е планетата, на която...» видно, что в языке при одной и той же лексике наблюдается разное членование существительных.

В указанных примерах меняется картина членования только у одного существительного конструкции предикативного определения. Еще более наглядно демонстрируют независимость членования от отношения вид — род, имеющегося между понятиями, заключенными в лексике, те предложения, в которых изменяется членование у обоих существительных конструкции предикативного определения. Ср. даваемый болгарским исследователем пример «Орелът е птица» и предложение из Й. Йовкова «Голямата птица, която лети над чифлика, не е орел, а щъркел». Как можно видеть, в этой паре предложений при одной и той же лексике членование прямо противоположно.

Концепция Ст. Стоянова является одним из вариантов идеи о решающей роли отношения вид — род между понятиями, заключенными в лексике существительных, для конструкции предикативного определения. Эта идея проходит через всю грамматическую литературу. В различных разновидностях ее можно было наблюдать в ис-

---

¹³² Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член... Съществителни имена, с. 72.

следованиях, рассмотренных в предшествующих разделах нашей работы.

Несмотря на распространенность мнения о том, что основным моментом, формирующим облик конструкции предикативного определения, является отношение вид — род между понятиями, заключенными в лексике существительных, это мнение, как показывает материал языка, оказывается необоснованным.

Отношения лексики, выступающей в конструкции предикативного определения, могут быть самые различные. Конечно, у части предложений наблюдается соотношение лексики, укладываемое в систему вид — род: Кръчмата беше дълго, хладно помещение (Карасл.); — Вълка, момче, е лоша гад (Й. Йовк.).

Однако точно так же правомерно употребление двух существительных одного порядка, т. е. выражающих параллельные видовые понятия по отношению к какому-то понятию, являющемуся родовым: Вълка бил куче, а? Й. Йовк. (ср. Вълкът е животно, Кучето е животно).

Не представляют исключения и такие предложения, в которых существительные находятся в отношении вид — род, но подлежащим, в противоположность первому типу предложений, является слово, выражающее родовое понятие, а предикативным определением — слово, выражающее видовое понятие: Голямата птица, която лети над чифлика, не е орел, а щъркел (Й. Йовк.); Вечерята ще бъде сух хлебец, сирене, пиперки, лук (Е. П.).

Взятые в словарном виде, существительные конструкции предикативного определения часто вообще не имеют соотносительности. Связь между ними устанавливается лишь в процессе построения предложения: Но ето, че животът бил друга лаборатория (Е. П.); ...бездната е наша майка (Е. П.).

В языке весьма распространены предложения, в которых одна и та же лексическая единица выступает и как подлежащее, и как предикативное определение: Войниците не са още войници (Веж.); — Но страхът си е страх (Е. П.).

Приведенные факты ведут к выводу, что синтаксическая функция каждого существительного конструкции предикативного определения не связана с отношением вид — род, имеющимся между понятиями, заключенными в лексике существительных.

2. Вместе с тем лексическая сторона существительных никак не может быть исключена из числа факторов, влияющих на облик предложения с конструкцией предикативного определения. Однако значение для этой конструкции имеет принципиально иная, грамматическая сторона лексики.

Выше был приведен материал, демонстрирующий, что при одной и той же лексике возможно прямо противоположное распределение функций между существительными. Подобная свобода в оформлении функций существительных в ряде случаев оказывается недопустимой. Например, характер лексики предложения «Войната — знаеше той — е сериозно дело» (Веж.) не позволяет образовать параллельное предложение, где слово *дело* выполняло бы функцию подлежащего, а слово *война* — функцию предикативного определения. Так, построение «Сериозното дело е война» вообще невозможно для языка. Грамматическим нормам будет отвечать лишь предложение с двумя членованными существительными «Сериозното дело е войната», но и в этом случае функции, выполняемые каждым существительным, остаются теми же, что и в исходном предложении «Войната ... е сериозно дело». Свидетельством того, что в приведенном предложении с двумя членованными существительными слово *война* также связано с функцией подлежащего, а слово *дело* — с функцией предикативного определения, служит согласование глагола, наглядно проявляющееся при переводе его в сложную форму, с первым из указанных существительных: «Сериозното дело е била войната».

Подобного рода пример представляет и предложение «Затворът не е малка школа!» (Веж.). Здесь также характер лексики создает невозможность построения «Малката школа не е затвор», а в соответствующем предложении с двумя членованными существительными «Малката школа не е затворът» обуславливает единственно возможное распределение функций между существительными, совпадающее с их распределением в исходном предложении «Затворът не е малка школа».

Анализ материала, подобного рассмотренным двум примерам, убеждает, что той стороной лексики, которая влияет на построение конструкции предикативного определения, является противопоставленность существительных с точки зрения категории конкретность — абстракт-

ность. В случае, если одно существительное конструкции предикативного определения относится к конкретной лексике, а другое — к абстрактной, существительное конкретного значения может выполнять функцию только подлежащего, а существительное абстрактного значения — только предикативного определения.

В ходе дальнейшего исследования картина этого явления и его соотношенность с членованием получит более подробное освещение. Пока следует лишь сказать, что при всей принципиальной важности лексической стороны существительных, роль лексики в конструкции предикативного определения практически оказывается менее заметной, чем роль такой грамматической черты, как членование, так как членование подлежащего регулярно проводится в языке, а различие между существительными с точки зрения категории конкретность — абстрактность имеет место далеко не в каждом предложении.

Необходимо остановиться также на некоторых теоретических аспектах затронутых вопросов. Прежде всего следует подчеркнуть разницу между категорией вид — род, свойственной понятиям, выражаемым существительными, и категорией конкретность — абстрактность, свойственной имени существительному. Первая является категорией логики, а вторая представляет собой категорию грамматики (о связи грамматической категории конкретность — абстрактность с логической категорией вид — род см. в разделе «Связь грамматических категорий с категориями логики»).

Влияние категории конкретность — абстрактность на построение конструкции предикативного определения связано со значением предметности, свойственным имени существительному как классу слов. Предметность у конкретного существительного и у абстрактного существительного носит разный характер. Если предметность у конкретного существительного вещественна, то у абстрактного существительного предметность является лишь мыслимой. Категория конкретность — абстрактность есть грамматическое противопоставление внутри класса существительных слов, обладающих подчеркнутой предметностью, словам, не обладающим этой чертой. Подчеркнутая предметность, свойственная конкретному существительному, отвечает грамматическому значению подлежащего, в силу чего такое существительное и получает ука-

занную функцию. Соответственно абстрактное существительное получает в принципе непредметную по грамматическому значению функцию предикативного определения.

С подчеркиванием предметности существительного-подлежащего связана и принципиальная роль членной формы в конструкции предикативного определения, которую особенно наглядно можно было наблюдать в параллельных предложениях с одной и той же лексикой, но прямо противоположным распределением синтаксических функций между существительными.

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Членованность существительного-подлежащего и нечленованность существительного-предикативного определения как основная норма языка

В грамматической литературе стало общепризнанным положение, что существительное-подлежащее конструкции предикативного определения в большинстве случаев выступает с членной формой, а предикативное определение — в нечленованном виде. Вывод о связи членования существительных с их синтаксической функцией в самых общих чертах формулирует одну из основных закономерностей конструкции предикативного определения. В этой части наши наблюдения полностью сходятся с мнением других исследователей. Общий принцип членования существительных в конструкции предикативного определения можно продемонстрировать на примерах¹³³: — *Наша фабрика има добре обзаведена лаборатория, а и работниците са добри момчета* и се разбирам с тях (Веж.); — *Вълка, момче, е лоша гад*: едно ще изяде, сто ще удуши (Йовк.); *Кръчмата* беше дълго, хладно помещение с остъргани дървени миндери край стените (Карасл.); *Подидаскалът* беше човек мъчалив и пазеше много тайна, затова учител Гатю само нему поверяваше бунтовните писма и вестници (Ваз.); Но *ши-*

¹³³ Здесь и далее в конструкции предикативного определения с двумя существительными для большей наглядности приводимого языкового материала мы выделяем подлежащее курсивом в разрядку, а предикативное определение — курсивом без разрядки.

роките са по-кротки, по-легални хора, с тях може да се работи (Карасл.); — Широките са кротки хора, аз тях ги уважавам, защото те не правят митинги като тесняците (Карасл.); — Кукумявката, бухала, гарвана са дяволски гадини (Йовк.); Войната — знаеше той — е сериозно дело (Веж.); Но не само пружината беше причина за объркването на стария адвокат при първата среща (Карасл.); В ония години, когато лекарите се броеха на пръсти и бяха недостъпни като божества, фелдшерите са били видни личности, и наистина са били смятани от простолюдието за доктори (Карасл.); Складът беше обикновена стая със заковани прозорци (Веж.); Затворът не е малка школа! (Веж.); Годеникът беше млад хубав момък, общар в града (Карасл.); «Жените са стипци, цепят косъма и разполагат в цялата ти къща и с цялата ти покъщнина», казваше той у дома си (Карасл.); — Дългоносият си е германец, не забравяй това — завъртя предупредително глава Киро (Карасл.); Слушателите бяха в болшинството си гърци и евреи, които очакваха, че след тия радостни за царщината известия ще последват други, по-важни за тях (Л. Стоян.); — Тесняците са майстори на протестите (Карасл.); Момците не са китки да ги помиришеш (Карасл.); Бял беше старец, грохнал вече от дълго употребление на ракия и афион, едроглав, нисък, с дребно тяло и съвсем побеляла брада (Ваз.); Кметът беше петдесетгодишен мъж, среден на ръст, възсух, с обикновено русовато лице (Карасл.); — Ние сме свободни, весели вълни, нам никакви закони не тежат, бездната е наша майка, и любовта е наша цел (Е. П.); Право имаше баба Рипсимия, хаджийката, дето не вярваше стария даскал Калиста, когато казваше, че поповете са същи апостоли Христови на земята (Ваз.); — Почакайте, господин Тъкачев! След нова година кайзерът ще бъде социалист (Карасл.); Демократите според него бяха царски подметки, дворцови аргати, монархически пачаври (Карасл.); Говедата бяха всъщност двадесетина овци, все още неостригани, с тежки бели руна, кафеникави и сплъстени под корема (Веж.); Вечерята ще бъде сух хлебец, сирене, пиперки, лук (Е. П.); — Правителството не е българско, а е германско правителство, и играе по гайдата на кайзера (Карасл.); Комунистът не е комунист само в своята организация, той трябва да бъде

комунист навсякъде, а най-много тука (Веж.); *Войниците* не са още *войници* (Веж.); — *А духът* е военен *факт* от първостепенно значение, господин полковник (Веж.); — *Но науката* не е *шега работа*, за ден и за два не се усвоява (Веж.); *Но животът* е *борба* (Е. П.); *Настоящето* е винаги било *море* от чувства, по което се клатушкат хорските души, несигурни в своя път (Е. П.).

Вместе с тем реалные предложения языка содержат многообразные варианты, которые требуют детального раскрытия общего принципа членования и выяснения более глубоких закономерностей, порождающих конкретные формы предложений с конструкцией предикативного определения.

Как нами уже отмечалось, в грамматической литературе, наряду с признанием принципа членования подлежащего, проводится мысль, что подлежащее в конструкции предикативного определения может выступать как с членной формой, так и без нее¹³⁴. Возможность употребления существительного-подлежащего без членной формы демонстрируется при этом на таких примерах, как «*Всяка шега е наполовин истина*»; «*Човек е разумно същество*»; «*Сирене гозба ли е, магаре стока ли е, върба дърво ли е, овчар либе ли е, калугер човек ли е?*».

¹³⁴ Недостатком при изучении существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения является то, что исследователи оперируют предложениями, в которых картина членования подлежащего осложняется наслоением других грамматических мотивировок, вызывающих членование существительных. В результате именно в этих мотивировках усматривается причина членования подлежащего. Вследствие такой позиции делается вывод, что при отсутствии таких мотивировок подлежащее может не членоваться (см., например, высказывания Ю. С. Маслова, приведенные на стр. 90—91 настоящей работы).

При рассмотрении вопроса о соотношении грамматического облика предложений, содержащих конструкцию предикативного определения, с их психологическим членением, нами было установлено, что членование грамматического подлежащего является требованием конструкции, не зависящим от условий ее употребления. Этот факт наглядно выявляется при расхождении грамматического и психологического членения: *Неговата сила бяха стръмните дефилета и високите скали* (Л. Стоян.) и др. В этих случаях членование подлежащего не может быть объяснено ни психологическими мотивировками, ни дальней определенностью, ни какими-нибудь иными внешними грамматическими причинами. Членование здесь вызвано нормой построения самой конструкции.

Противоречивость в трактовке норм членования существительного-подлежащего связана с тем, что выводы об этой стороне конструкции предикативного определения являются по сути первой элементарной систематизацией эмпирических данных. Однако, если учесть различные стороны многогранного явления членования, эти на первый взгляд расходящиеся грамматические факты предстают как внутренне связанные. Раскрывается единая, последовательно проходящая в языке закономерность.

Объяснение находит и факт возможности членования существительного-предикативного определения, который, на первый взгляд, нарушает принцип различного грамматического оформления существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения.

Остановимся прежде всего на функционировании в конструкции предикативного определения существительного-подлежащего.

Отсутствие членной формы у существительного-подлежащего по семантическим мотивам

Говоря о синтаксически обусловленной закономерности членования подлежащего, необходимо учитывать общие нормы употребления членной формы в языке. Невнимание к существованию этих норм является одной из причин, порождающих мнение, что подлежащее конструкции предикативного определения может быть не членовано.

Если сопоставить конкретную картину членования подлежащего в конструкции предикативного определения с общими нормами употребления членной формы в языке, то можно наблюдать их полную идентичность.

Имена нарицательные в функции подлежащего конструкции предикативного определения всегда выступают с членной формой: ... *работниците са добри момчета* (Веж.); *Писателите са много особени хора* (Е. П.) и т. д.

Исключения в этом регулярном употреблении членной формы наблюдаются в случаях, когда нарицательные существительные являются именами, обозначающими отношения родства, и сопровождаются дательной формой личных местоимений с притяжательным значением: *Баща му беше богат човек и виден партизанин* (Е. П.); —

Казват, *тейко ти бил възможен човек?* (Карасл.); — *Брат му бил партизанин*, убили го малко преди девети (Веж.); — *Син му е тесняк*. И *зет му*, казват, *бил тесняк* (Карасл.); Олга е порастнала в София, учила е в София, *баща ѝ* беше *чиновник* в София (Е. П.); Тя вече знаеше, че *баща му* е *известен и богат пловдивски адвокат* и че ще изпраща сина си да следва (Карасл.).

Сказанное относится и к предложениям, в которых существительные родства с дательным местоимением выступают при именах собственных: — *Когато чичо ти Киро* беше *годеник*, все така го гощавах (Карасл.); *Син му Стефан* беше *деен прогресист* и никому не позволяваше да продума лоша дума за Русия (Карасл.).

Без членной формы употребляются нарицательные существительные, обозначающие звания (духовные, обиходные, военные и др.) при именах собственных: *Дядо поп Ставри*, преди да бъде *поп*, беше *семерджия*, а после *тюфекчия* (Ваз.); — *Отец Никодим* бе дошъл в манастира още младеж, на двадесетгодишна възраст и си е бил все *такъв чудак* (Е. П.); — *Ама дядо Хаджи* беше *голям скъперник* (Йовк.); *Дядо поп Ставри* беше *твърде строг свещеник* (Ваз.); *Защото бай Мичо* беше *горещ обожател* на Русия и виждаше руски пръст във всички политически събития на света (Ваз.); — А според мене това е съвсем очевидно — *подпоручик Личев* е *съзнателен вредител* (Веж.); Той знаеше, че *подпоручик Темелков* е *грижлив и старателен офицер*, че искрено се радва на народната власт (Веж.); — *Защото ми рече, че каква Станка* и учителят Борис били *драговници* — призна чистосърдечно Тоню (Карасл.).

Как показва последное предложение, нарицательное существительное, стоящее при имени собственном, может иметь иной характер. Оно может указывать профессию, род занятий и пр. В этом случае имя нарицательное членуется на общем основании (*учителят Борис*). Такого рода употребление нарицательного существительного наблюдается и в предложении «*Ратаят Илия Кинев* беше *възрастен, женен мъж*, улегнал и кротък, със свой дом и със свое семейство» (Карасл.).

Отклоняется от регулярного членования существительное *човек*, которое имеет индивидуальную норму употребления членной формы. Это существительное в функции подлежащего конструкции предикативного опреде-

ления встречается как в членованном, так и в нечленованном виде: «Човекът е разумно същество» и «Човек е разумно същество» (из грамматики).

Членная форма при нарицательных именах может отсутствовать в пословицах, поговорках и других устойчивых словосочетаниях, отражающих грамматический строй более старого периода болгарского языка. Именно такого рода случаи представляют собой приводимые в грамматиках предложения «Сирене гозба ли е, магаре стока ли е» и т. п.

Имена собственные систематически употребляются в языке без членной формы. Не представляет исключения и употребление имен собственных в функции подлежащего конструкции предикативного определения. Так употребляются имена лиц: — *Аго е хитрец!* (Йовк.); *Захари* беше търговец — в града той имаше манифактурен магазин (Йовк.); *Киро* беше красив и спретнат ергенин и момите налитаха на него (Карасл.); Утешаваше се само, че *Въкриле* умен, кротък и добър мъж (Карасл.); — *Тончо* е добро момче (Карасл.); *Станка*, според неговата преценка, беше не само красива, но и умна девойка (Карасл.); *Илия* беше мълчалив, як човек, никаква работа не му се опираше и никога не мърмореше и не протестираше (Карасл.); *Цвятко* не беше състоятелен човек, но кой през тия времена можеше дотолкова да придирва! (Карасл.); — Ти вярваш ли, че *Мирончо* е толкова простак? (Ваз.); — Значи *Алекси* е бърз куриер? (Веж.); фамилии: — *Манев* е офицер на място (Веж.); — Според него *Личев*, освен службата, бил също така и *деен ратник*, от софийското ръководство (Веж.); *Томов* беше запасен поручик, облечен в спретнати офицерски дрехи (Карасл.); Той знаеше, че щом *Тъкачев* е *подпоручик*, значи върнал се е отдавна (Карасл.); «У, нали *Цингарьова Дина* е *снаха* у нашите Пинтовци!» (Карасл.); — Продаде я, когато *Ганчовски* беше депутат! — сонна се Димо (Карасл.); *Илков* беше *тънък, висок, кокалест мъж* с оредяла коса и със сухи бузи (Карасл.); — А и *Радославов* е *старо германско куче* (Карасл.); — *Байст* е *дълбок дипломат* (Ваз.); названия городов, стран и др.: — *Женева* е много красив град, минавал съм оттам — съгласи се бащата (Карасл.); — *Париж* е *център* на света (Карасл.); — *Русия* е *голяма сила, страшна държава*, никой досега не е по-

беждавал Русия (Карасл.); — Но и *Русия* е страшна сила (Карасл.); Тя вече знаеше, че *Швейцария* е малка държава, че е неутрална (Карасл.); *Швейцария* била много *културна страна*, много богата и много издигната (Карасл.).

Отклонение от этой нормы употребления имен собственных наблюдается в случае, когда эти имена являются прозвищами: *Иван Селският* с всички е добър, с всички е приятел (Е. П.); — А *Тарилйомът* е човек *разбраничък* и ходи сѐ на горната черкова (Ваз.); — Ами и *Тарилйомът* е *цяла свиня* (Ваз.); *Павел Блажения* беше *мъж здрав, хубав*, с тъмно лице, с коса голяма, пакъдрена на сребърни пръстени, и съвсем побеляла над ушите (Е. П.); Но *Иванчо Йотата* и днес не отстъпва никому в учението и е *страшен привърженик* на i-то (йотата) (Ваз.); Прочее *Селямсъзът* беше много *приказлив човек* (Ваз.); *Варлаам Копринарката* не беше никак *развратен човек* (Ваз.); *Иванчо Йотата*, както казахме, е твърде *честолюбив човек*, не позволява никому да го обижда (Ваз.); Освен това *Иванчо Йотата* беше *бъбрица, сплетник дръзновен* и блажеше през коледни пости (Ваз.).

С членной формой употребляются также уменьшительные имена лиц: — *Мичето* е *свободен човек*, всестранно развита и може да прави, каквото си иска (Е. П.).

Таким образом, колебания в употреблении членной формы при подлежащем связаны с особенностями употребления членной формы при различных семантических группах слов и не могут ставить под сомнение синтаксическую закономерность обязательного членования существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения.

Детерминированность существительного-подлежащего

При решении вопроса о членовании подлежащего в конструкции предикативного определения необходимо принимать во внимание, что в области синтаксиса членование не представляет собой изолированного явления. Современные лингвистические исследования отмечают, что синтаксическая роль, выполняемая артиклем, выполняется также целым рядом других грамматических элементов: ука-

зательными местоимениями, определительными местоимениями, вопросительными местоимениями. Эти элементы образуют вместе с артиклем группу детерминаторов.

В структуре предложения общность всех указанных элементов проявляется в том, что они обладают свойством взаимозаменяемости. Существительное, при котором имеется один из этих элементов, несет в себе грамматическое значение предметности¹³⁵.

Членование существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения, прослеженное нами на материале болгарского языка, также должно рассматриваться как частное проявление более общей закономерности детерминирования существительных. Действительно, наряду с членной формой, в болгарском языке в качестве детерминатора существительного-подлежащего нередко встречается указательное местоимение: *Разхвърляната канцелария, прахта, списъците — това можеше да се тълкува по два начина: тоя човек* е или *безсъвестен тип* или просто некадърен за офицер (Веж.); *Тоя ден* беше за нея *ден* на очакване (Л. Стоян.); — *Казах ти, че тая война* не е за нашите уста *лъжица* (Веж.); *Това момиче* беше *дъщеря* на железничар (Дим.); Изглежда, че *това кожухче* беше *скъпа и драга дреха* за Медара (Йовк.); При неизбежното сблъскване с родителите си и особено при тъпата упоритост на майка си, която можеше да я доведе и до трагичен край, *това разрешение* беше *истинско спасение* за него (Карасл.); — *Тия агарянци* са *големи скотове*, може да ни спримчат и да ни съсият по съдове, поразено време! (Ваз.); — Нека не ти е обидно, ако си писател, но *тия хора*, вярвайте бога, са *безпощадни убийци* (Е. П.); — *Тоз огън*, казва, е *нов огън*. На него нищо не е печено, нищо не е варено. Чист е и всичко чисти (Йовк.); — *Тоз кон* е *лош кон* (Йовк.); — *Тази власт* е *народна власт* — извика кметът (Карасл.).

В роли детерминатора выступают также определительные местоимения *всеки, всички* и др.: ... *всеки човек*, разбира се, е *братовчед* на някого (Е. П.); *Всичко друго*, мислеше си Тъкачев, е *залъгалка*, плъзгане по

¹³⁵ Указанная проблема специальной разработки в болгаристике пока не получила. Общую постановку вопроса см., например, в работе: *Chevalier J. Cl. Les prédéterminants du substantif.* — *Le Français Moderne*, 1966, N 4.

линията на най-удобното съпротивление (Карасл.); ...*в сички хубави думи* бяха комплименти, специално отправени към него (Веж.). Сюда же относится и предложение, приводимое в синтаксической литературе как пример отсутствия членования у подлежащего: *В ся ка ш е г а* е наполовин истина.

При существительном-подлежащем употребляется также детерминатор *един*. Этот грамматический элемент, являющийся по своему происхождению числительным, квалифицируется во многих болгарских грамматиках как неопределенное местоимение. Однако высказывалось и мнение, которое мы также разделяем, что этот элемент является в болгарском языке неопределенным членом¹³⁶. В качестве примеров с детерминатором *един* можно привести следующие предложения: — *Защото е д и н ц а р*, за да бъде *истински цар*, трябва да има земя в царщината, сиреч, казано по простому, и *е д и н м ъ ж*, за да бъде *истински мъж*, трябва — разбираш? — да си вземе жена във фамилията (Ваз.).

В связи со всем сказанным закон обязательного членования существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения предстает как частный случай более общего закона. Этот общий закон, охватывающий все категории слов, которые субституционно замещают член, должен быть сформулирован следующим образом: существительное, выступающее в функции подлежащего конструкции предикативного определения, всегда является д е т е р м и н и р о в а н н ы м.

При учете этой более широкой и принципиальной закономерности дававшаяся ранее формула конструкции предикативного определения с двумя существительными S_1 — член — Γ — S_2 , суммирующая наблюдения над членованием в этой конструкции, может быть преобразована в общую формулу S_1 — детерм. — Γ — S_2 , в которой символ «детерм.» обозначает одно из грамматических средств детерминирования: член, указательное местоимение, определительное местоимение и др.

---

¹³⁶ См.: *Иванчев Св.* Наблюдения върху употребата на члена..., с. 514—517.

Внутренняя детерминированность существительного-подлежащего

Единство двух элементов — существительного и детерминатора, выступающее как подлежащее конструкции предикативного определения, может быть нерасчленимым, т. е. состоять из одной реальной лексической единицы. В языке имеются слова, которые являются внутренне детерминированными. К числу их принадлежат имена собственные, функционирование которых в конструкции предикативного определения было уже рассмотрено. Внутренне детерминированными являются также многие ряды местоимений.

Местоимения очень широко употребляются в роли подлежащего конструкции предикативного определения. Прежде всего должны быть отмечены личные местоимения: — *Аз* не съм *майка* в тази къща, *аз* съм *кучка* (Карасл.); При все това *аз* съм *ловец* (Е. П.); — *Аз* няма да бъда *твоя слуга* (Е. П.); — Че какво, *аз* да не съм *аргати* в тази къща? (Карасл.); *Аз* съм *баща*, ти трябва да ме разбереш (Карасл.); *Ти* не си вече *човек* от реалния свят (Е. П.); *Гюла*, *ти* си *войвода* в тази къща (Л. Стоян.); Не се възнасяй толков, *Ибрахим ага*, че и *ти* не си *цвете* за мирисане (Л. Стоян.); ...*тя* е природно интелигентна, а *ти* си *дипломирана кокошка* (Карасл.); От днес *ти* не си вече *куриер* (Веж.); *А той* беше *хрисимо и кротко животно* (Йовк.); Ако *той* е *въпложение* на лукавия да се пукне и да изчезне (Е. П.); *Той* беше *известен побойник* (Карасл.); — Ба, *той* нали е *воденичар* (Карасл.); До Балканската война *той* беше *чиновник* в акцизното управление (Карасл.); От тази вечер *тя* беше *годеница*, а от неделя ще бъде и *невеста* (Карасл.); ... но *тя* все пак беше *дете*, палаво и неопитно (Л. Стоян.); — Фактически *тя* е *народна война*, отечествена война, както я наричаме... (Веж.); — *Тя* е, *викаха*, *сираче*, няма ни чеиз, ни зестра (Карасл.); Не зная, какво представляваше това галено момиченце, но *то* беше *любимка* на всички учители и учителки (Е. П.); *Ние* сме, дете се вика, *първи приятели* (Карасл.); — Не, *изкушителю*, *ние* сме *твои врази* (Е. П.); — Другите да ядат *милини*, а ний ... *ний* не сме *хора* (Йовк.); — Да не мислят, че *ние* сме *слуги* на *валипаша* (Л. Стоян.); — Защото *аз*, па и *вие*, *господа*, *антър* ну казано, *бяхме честни и достойни служители* (Е. П.); —

Вие сте мои роби (Е. П.); — *Защото вие* сте разбойници! (Карасл.); — *Вие* бяхте деца, когато нас ни взеха в казармата (Карасл.); — *Вие* сте луди хора (Карасл.); *Те* не са герои, не са мъченици, нито на идеите, нито на труда, нито на науката (Е. П.); *Те* са просто живи роботи (Е. П.); Слав не отричаше силата нито на Германия, нито на Русия, но казваше, че *те* са империалистически държави (Карасл.); За него *те* бяха политически катраници, буржоазни отрепки, чапкъни и шарлатани, изменници на социалистическите идеи, предатели на работническата класа (Карасл.); — *Те* не са готвачи (Веж.).

Местоимения, которые входят в группу детерминаторов существительного, употребляются в языке нередко и самостоятельно как подлежащее конструкции предикативного определения. Так употребляются указательные местоимения: *Тая* беше четвърта година от както Мехмед Синап заповядваше пълноправно в широката Чеч (Л. Стоян.); определительные местоимения: *Ето* я славната Чеч, свободната земя, ... дете *всеки* беше господар у себе си и на главата си (Л. Стоян.); *Василена* знаеше, че *всичко*, което ѝ говори Захария ... е лъжа, измама (Йовк.); — *Защото всички* са от една коза *ярега* (Карасл.); — Там тия доктори и даскали *все* са от един дол *дренки* (Карасл.)¹³⁷; вопросительные местоимения: — Така се разбира *кой* е истински готвач, кой сега учи занаята (Веж.); На няколко пъти той *вика* кмета на Проходец, за да го пита *кои* са опозиционери, *кои* са либерали и кои не се бъркат в политическите разпри (Карасл.); *Кои* са, казва, *роби покорни* — конят, волът, слонът, т. е. тревопасните (Е. П.).

Имеется еще одна разновидность самостоятельного употребления определительных, вопросительных, неопределенных местоимений. При них может стоять предлог *от* и членованное существительное (либо местоимение): ... *всеки* от тях бе *водач* на едно крилце от разцепената партия (Е. П.); — И *някои* от учителите са *социалисти*, ама аз не ги знам (Карасл.). Этот тип оформления подлежащего подчеркивает связь между самостоятельным употреблением местоимений и их употреблением как детерминаторов при существительных. В таких предложе-

¹³⁷ В аналогичных построениях местоимение *всички* встречается и с членной формой: *Всичките* бяха хора *възрастни*, живе-ли, създали домашно огнище (Е. П.).

ниях группа подлежащего включает местоимение и существительное, т. е. те же элементы, которые имеет детерминированное существительное-подлежащее. Однако местоимение является здесь формально самостоятельным подлежащим, а существительное — относящимся к нему второстепенным членом.

В функции подлежащего конструкции предикативного определения употребляются также относительные местоимения. Это имеет место в придаточных предложениях, содержащих такую конструкцию: Но докато се колебаеше, откъм хамбарчето, *което* беше *остатък* от стара съборена сушина, излезе чина ѝ Кироваца (Карасл.); Настигна я Добрю Чунчулев, *който* още от започването на войната беше *стражар* (Карасл.); Мене ме отделиха от другите нашенци, които с Петка Харамиевия зет, *който* е *фелдфебел*, останаха в десета опълченска дружина (Карасл.); Привременно турнаха това шкафче в малката бозаджийница на Цуцукеа, *който* също беше *член* на читалището (Е. П.)¹³⁸.

Второстепенные члены при существительном-подлежащем

Единство детерминатора и существительного, выступающее как подлежащее конструкции предикативного определения, является грамматическим остовом, который может расширяться второстепенными членами: — Отидох на друга сказка: «Когато *любовта* е болест». От нея разбрах, че *моята любов* е била тежка болест (Е. П.); *Този тридесет и пет годишен пловдивски хотелиер* беше известен либерал (Карасл.); *Тия мънички птиченца* едно време са били деца като

¹³⁸ Ст. Стоянов и Св. Иванчев специально отмечают случаи нечленованности существительного-подлежащего, имеющего при себе определительное придаточное предложение с относительным местоимением *който*, *която*, *което*, *които*, например: *Дума*, *която* пояснява сказуемого, като означава предмет, който е засегнат от глаголното действие, се нарича *допълнение* (Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член... Съществителни имена, с. 44; Иванчев Св. Към въпроса за членуването на генерично употребения подлог.— Език и литература, 1967, № 4, с. 61—62). В подобном языковом материале представлен еще один тип детерминирования существительного-подлежащего, когда в роли детерминатора при имени существительном выступает придаточное предложение с относительным местоимением.

тебе (Е. П.); ...каточели *всички хубави думи*, казани за партията, бяха комплименти, специално отправени към него (Веж.); — По това време, господин поручик, кмет беше *един як мъж*, с юмука си теле може да утрепе (Веж.).

Наблюдаемите варианти расширения группы подлежащего являются обычными синтаксическими модификациями существительных в предложении. При подлежащем прежде всего употребляются определения-прилагательные: *Най-високата специалност* е «детски писател» (Е. П.); Той каза, че *сегашната война* е война на големите капиталистически държави за ново разпределение на световните богатства (Карасл.); Да, *сватбеният ден* е най-важен ден в живота на едно момиче (Е. П.); *Стоманеният гигант*, застанал неподвижно като мишена, беше отлична цел (Веж.).

В этой же функции выступают притяжательные местоимения: *Моята дъщеря* да не е вдовица, та в къща да я венчавам! (Карасл.); *Нашите обеда* бяха самостоятелни, чудесни съчинения на самото отца Сисоя (Е. П.); — *Моето Миче* не е кукувица, а човек (Е. П.); — *Нашият празник*, тъй да се каже, е рожба на работническата класа в борбата ѝ срещу капиталистическото господство (Карасл.); *Неговите работи* са обществени работи (Е. П.); *Нашата войска* не е още истинска народна войска (Веж.); — *Нашият народ* не е лош народ (Веж.).

Нередко при подлежащем имеется энклитическое притяжательное местоимение: — *И гърдите ми* са гърди юнашки! (Карасл.); — *Мъжът* ѝ беше стар ергенин, най-де се да я вземе (Карасл.).

Весьма распространено употребление при подлежащем существительного с предлогом: Тя знаеше, че *намираниято на булчинско було* в тези тежки времена не е работа на Въкрила (Карасл.); Киро знаеше, че *внуците на баба Годора* са прахосници и нехранимайковци (Карасл.); *Майката на Тъкачев* беше дъщеря на прост, но много богат бакалин (Карасл.); *Фирмата на неговата кръчма* по-рано беше «Смърт на противника», сега беше я подновил целата (Е. П.); — Същото казват и френските опортюнисти — че *победата на империалистическа Франция* щяла същевременно да бъде и победа на френската демокрация (Карасл.).

К расширению группы подлежащего может вести также присоединение определительных придаточных предложений: — Но в края на краищата, *момата, която ти си избрал*, ще бъде твоя жена, не моя (Карасл.); — *Войната, която водим*, е преди всичко наша война (Веж.).

Перечисленные грамматические способы расширения группы подлежащего встречаются в языке не только по отдельности, но и в различных комбинациях друг с другом: През войната *техният ротен командир* също бил адвокат, само че той завършил в София (Карасл.); *И последното ми откритие* все пак надали е много сериозна причина да се спира колата (Веж.); — Помни ми думата, Мирончо, че *натия хъшове*, що са сега в Балкана, *войводите* им са сè руски генерали (Ваз.).

Членование существительного-предикативного определения

Весь приводившийся в связи с рассмотрением существительного-подлежащего языковой материал позволяет судить и о функционировании существительного-предикативного определения. Этот материал свидетельствует, что при всех осложнениях группы существительного-предикативного определения различного рода модификаторами, основной синтаксический принцип прослеживается в языке достаточно ясно: в противоположность существительному-подлежащему, всегда выступающему в детерминированной форме, существительное-предикативное определение не детерминируется.

Вместе с тем встречается значительное количество предложений, в которых существительное-предикативное определение, наравне с существительным-подлежащим, выступает в детерминированной форме, например: *Сивата патика* е любимката на Галунка (Йовк.); *Празничните дни* за нея бяха *най-тежките дни* (Карасл.); — *Ние* сме *мозъкът*, който ръководи (Дим.); — *Ти* не си ми *първата снаха*, *та да се излъжа* (Карасл.); — Или *това момче* е сам *изкусителят*, който се е вмъкнал тук да ни погуби (Е. П.).

В общем материале предложений с предикативным определением-существительным эти своеобразные грамматические построения естественно выделяются в особую

группу. Подобного рода примеры требуют дополнительного анализа с целью выяснения сущности наблюдаемого явления, кажущегося на первый взгляд отклонением от выявленной выше синтаксической нормы, а затем и раскрытия той специфической формы противопоставленности существительного-предикативного определения и существительного-подлежащего, которая имеется в предложениях данного типа.

О предложениях, в которых конструкция предикативного определения содержит два существительных в детерминированной форме, уже ставился вопрос в болгарской грамматической литературе. Правда, этот вопрос возник не вследствие раскрытия механизма детерминирования в болгарском синтаксисе, а в более узком и частном с точки зрения проблемы детерминирования аспекте, а именно в связи с вопросом о членовании.

Болгаристы, как это можно видеть из приводившихся высказываний, считают, что членование существительного-предикативного определения проводится в языке «ради особого смысла предложения» (А. Т.-Балан), «с целью привлечения к нему внимания» (П. Ст. Калканджиев), «когда необходимо определить признак точнее и ярче» (К. Попов), «если оно обозначает понятие, которое само по себе не является новым для слушающего» (Ю. С. Маслов).

В какой мере эти наблюдения приближаются к выявлению языковых закономерностей, будет видно по ходу дальнейшего рассмотрения фактов болгарского языка. Пока важно указать, что появление членной формы у существительного-предикативного определения все ученые справедливо объясняют причинами, лежащими вне сферы основных принципов построения конструкции предикативного определения.

Рассматривая типичные случаи присутствия члена при существительном-предикативном определении, можно видеть, что основания для его появления во всех этих случаях содержатся в языковом контексте, причем это обнаруживается нередко уже в пределах более сложной синтаксической формы, построенной на основе элементарного ядра, которым является существительное-предикативное определение.

Так, наличие члена у существительного-предикативного определения в предложении «А з съм кметът» (Карасл.),

становится ясным, если привлечь контекст, в котором это предложение выступает:

Кметът извика да сират. Това бяха трима отпускарни, пийнали в града. Те бяха другоселци, заминаваха си в този късен час.

— Кои сте вие? — попита ги строго кметът, като пел-течеше.

— А ти кой си? — изправи се пред него снажен млад войник с пушка, обвесена на рамото му.

— Аз съм кметът (Карасл.).

Как видно из приведенного отрывка, в интересующем нас предложении речь идет о «старосте данного села» или о «здешнем старосте», а не о «старосте вообще». Именно этот смысл и выражается членованием существительного-предикативного определения.

Обусловленность членной формы у существительного-предикативного определения нередко выявляется в пределах самого предложения. Так, раскрывается причина присутствия члена у существительного *господарката* в предложении: — Казвам ѝ: да речем, че *ти си господарката*, че *чифлика е твой*, какво ще направиш? (Йовк.)

Как и в предыдущем примере, постановкой членной формы передается соотношенность существительного-предикативного определения с конкретным предметом, т. е. указывается, что речь идет не о «хозяйке вообще», а о «хозяйке данного хозяйства». Такой смысл раскрывается в последующих словах «*че чифлика е твой*».

Обусловленность членной формы обнаруживается и внутри синтаксической группы самого предикативного определения. Подобный случай представляет собой предложение «*Йордакиев беше собственикът на фабриката*» (Веж.), которое содержит при предикативном определении предложный оборот с членованным существительным *фабриката*, благодаря чему слово *собственикът* предстает как соотношенное с конкретным предметом. Если же соотношенность устанавливается с некоей категорией предметов, членной формы при предикативном определении не появляется: Той повика Петра Джумалията от Сърнено, *кой то беше майстор* на селски дрехи (Йовк.).

Членная форма у существительного-предикативного определения нередко находит объяснение в наличии при этом существительном определительного придаточного предложения. Кара Ибрахим знаеше..., че не е *Метекса*

човекът, който ще се скара с царския чиновник за една жена, па била тя и дъщеря му (Л. Стоян.). В приведенном случае член в значительной степени выполняет свою первоначальную функцию указательного местоимения, с которым соотносится местоимение *който* придаточного предложения. Подобным образом имеет членную форму и существительное, с которым связано придаточное предложение, вводимое союзом *че*: *Това мнение* за тях може би беше *причината*, че Боян, след като завърши гимназия, не го назначиха за учител в родното му село, а някъде в Берковско (Даск.).

Типичным случаем присутствия членной формы при предикативном определении является употребление ее с существительным, имеющим при себе прилагательное в превосходной степени. Например: — *Ти си най-невинният войник* на фронта (Веж.); *Празничните дни* за нея бяха *най-тежките дни* (Карасл.). Соотнесенность существительного с конкретным предметом обнаруживается в той характеристике предмета как единственного в своем роде, которую несет здесь превосходная степень.

Подобная характеристика предмета, обозначаемого существительным-предикативным определением, может заключаться в лексическом значении прилагательного, стоящего при этом существительном. Таким прилагательным является, например, слово *единствен*: *Командирите бяха единствените разпоредници* в старата армия (Веж.); То бе красиво, порочно и лекомислено, с цветната яркост на *Lady's Home Journal*, *който* беше *единственото ѝ четиво* (Дим.); слово *едничък*: *Той ѝ* бе *едничката мъжка рожба* (Карасл.); Не беше *Синап* *едничкият кяхър* на падишаха (Л. Стоян.).

Таким образом, членная форма при существительном-предикативном определении может быть связана с лексическим значением сопровождающих его прилагательных.

Наличие членной формы может быть также связано с лексическим значением самого существительного-предикативного определения. Это имеет место, например, в предложении: *Нейният мъж и господар, нейният «челек», той* беше за нея *светът, животът, благополучието* (Л. Стоян.). Существительные *светът, животът, благополучието* принадлежат к кругу лексики, которая обозначает предметы единственные в своем роде и употребляется в силу этого с членом.

Рассмотренный материал демонстрирует, что употребление членной формы при существительном-предикативном определении полностью укладывается в общие нормы употребления члена в болгарском языке. Таким образом, подход к предикативному определению с точки зрения закономерностей функционирования членной формы в языке ведет к заключению, близкому к выводу Ст. Стоянова о том, что «сказуемое определение может быть членованным или нет в зависимости от общего положения»¹³⁹. Различие точек зрения состоит в том, что Ст. Стоянов, как можно видеть из фрагментов его работы о членной форме, приводившихся на стр. 91—92, связывает действие общей закономерности членования лишь с частью предикативных определений. Наши же наблюдения показывают, что действие этой закономерности систематически охватывает все случаи конструкции предикативного определения.

В связи с рассматриваемой проблемой следует остановиться на высказывании, которым сопровождается в грамматике П. Ст. Калканджиева тезис о возможности употребления предикативного определения с членной формой. «Разумеется,— отмечает автор,— если и в этих случаях избежать членования, то выражение становится не только более кратким, но и более ясным»¹⁴⁰. Это высказывание не сопровождается какими-либо дальнейшими объяснениями, и содержание его, таким образом, не раскрывается до конца, но в нем можно уловить мысль, что членная форма при предикативном определении лишена грамматического содержания.

Такое понимание членной формы при существительном-предикативном определении было бы ошибочным. Необходимо специально подчеркнуть, что попытка избежать членования у существительного-предикативного определения влечет за собой изменение смысла. Членованное существительное в такой функции противостоит нечленованному так же, как это имеет место у существительных, выступающих в других синтаксических функциях, и член является здесь необходимым в той же мере, как и во всех других случаях употребления имени существительного.

С другой стороны, в высказывании П. Ст. Калканджиева содержится также мысль о том, что членная форма

¹³⁹ Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член... Съществителни имена, с. 73.

¹⁴⁰ Калканджиев П. Ст. Указ. соч., с. 418.

у предикативного определения представляет собой побочное грамматическое явление. Эта мысль должна быть всячески поддержана.

Появление членной формы у предикативного определения лежит вне основной нормы построения анализируемой нами конструкции. Это наглядно демонстрирует не только сравнение приводившихся примеров, имеющих членную форму при предикативном определении, с примерами, где она отсутствует, но и материал таких предложений, которые содержат по-разному оформленные однородные предикативные определения:— Братя българи, благочестиви християни, заплюйте ме и ме низвергнете от обществото си, защото аз съм бил най-големият идиот в нашата страна и безпросветен слепец! (Е. П.). Контраст между членованным предикативным определением (най-големият идиот в нашата страна) и нечленованным предикативным определением (безпросветен слепец) подчеркивает, что членная форма в первом случае является своего рода дополнительным языковым наслоением. В этом отношении постановка членной формы при существительном-предикативном определении принципиально отличается от употребления ее при существительном-подлежащем. Хотя членование существительного-подлежащего также идет в рамках общих норм членования существительных в языке, оно имеет вместе с тем и сугубо синтаксическую мотивировку, так как членная форма здесь оказывается, благодаря своему обязательному присутствию, составным элементом самой конструкции.

КОНКРЕТНОСТЬ — АБСТРАКТНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ,

Конкретность значения существительного-подлежащего и абстрактность значения существительного-предикативного определения

Несмотря на различие причин, порождающих конкретный облик двух существительных, остается фактом то, что существительное-предикативное определение и существительное-подлежащее имеют в рассматриваемом типе предложений сходное грамматическое оформление. Этот факт приводил многих исследователей к выводу, что в данном типе предложений вообще нет различий между

существительным-предикативным определением и существительным-подлежащим. Так, Св. Иванчев пишет об «отсутствии различительного признака между подлежащим и сказуемым определением» в тех предложениях, где «обе части являются определенными»¹⁴¹. Именно такая точка зрения порождала и широко распространенный в лингвистической литературе тезис о том, что в подобных предложениях невозможно установить синтаксическую функцию каждого из двух существительных конструкции (см. раздел «Критерий установления синтаксических функций существительных»).

Вывод об отсутствии различий между существительным-подлежащим и существительным-предикативным определением в предложениях, где оба существительных членованы, заключает в себе признание наличия членной формы единственной характерной чертой существительного-подлежащего, а отсутствия такой формы — единственной характерной чертой существительного-предикативного определения.

Вместе с тем, помимо признака оформления членной формой, как существительное-подлежащее, так и существительное-предикативное определение имеют и другие характерные для каждого из них черты. Это сразу же обнаруживается при попытке изменить в предложениях, содержащих конструкцию предикативного определения с двумя членованными существительными, согласование глагола. Изменение согласования здесь в большинстве случаев так же невозможно, как и в предложениях с одним членованным существительным, а другим — нечленованным, например: «*Мочугата е оръжието и силата на хергеледжията*» (Йовк.), но нельзя сказать «*Мочугата са оръжието и силата на хергеледжията*».

Специфические черты существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения, на наличие которых указывает невозможность изменения согласования глагола, в данном типе предложений нередко связаны, как показывает анализ, с характером лексики. Два существительных конструкции предикативного определения, не имея противопоставленности по членованию, отличаются друг от друга тем, что одно из них является существительным конкретного значения, а дру-

¹⁴¹ Иванчев Св. Наблюдения върху употребата на члена..., с. 508.

гое — абстрактного значения. В дополнение к данному выше примеру можно привести следующие предложения, демонстрирующие указанную закономерность: — Нека да си роди още едничко, то *децата са радостта и украшението* на къщата (Карасл.); *Сивата патица е любимката* на Галунка (Йовк.).

Противопоставленность существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения по характеру лексики не является особенностью только предложений с двумя членованными существительными. В других типах предложений также строго осуществляется принцип противопоставления подлежащего и предикативного определения как существительного конкретного значения существительному абстрактного значения.

Так, в предложениях, где одно существительное членовано, а другое нет, также всегда существительное конкретного значения оформлено как подлежащее, а существительное абстрактного значения — как предикативное определение, например: — *А духът е военен факт* от първостепенно значение, *господин полковник* (Веж.); *Войната* — знаеше той — *е сериозно дело* (Веж.); *Затворът* не *е малка школа!* (Веж.). Среди подобных предложений нельзя найти примера, в котором бы между существительным-подлежащим и существительным-предикативным определением было бы обратное соотношение по характеру лексики. Однако в указанных предложениях различие между существительными по характеру лексики сопровождается различием в их членовании. В предложениях же с двумя членованными существительными различие в характере лексики оказывается единственной принципиальной чертой, противопоставляющей существительное-подлежащее и существительное-предикативное определение.

**Равенство существительного-подлежащего
и существительного-предикативного определения
по детерминированности
и конкретности — абстрактности значения**

Среди примеров конструкции предикативного определения с двумя членованными существительными особняком от рассмотренных случаев стоят предложения типа: — *Бащата* на този нехранимайко *е най-верният човек* на Гроздан Грозев... (Карасл.); — *Цветята* са *най-хубавите*

творения на бога (Е. П.); *Празничните дни* за нея бяха *най-тежките дни* (Карасл.). Существительное-подлежащее и существительное-предикативное определение не противопоставлены в них по характеру лексики. Однако при учете соотношенности данного типа предложений с основным типом построения конструкции предикативного определения, а также общезыковых норм употребления членной формы, выявляется различие в грамматических чертах существительных. Оно состоит в различии грамматических оснований для появления членной формы. Если у первого существительного появление членной формы может быть объяснено только синтаксически, то у второго ее появление объясняется вторичными с точки зрения законов конструкции причинами, а именно тем, что оно употреблено с прилагательным в превосходной степени.

Аналогичным образом противопоставлены два существительных и в предложении *«Командирите бяха единствените разпоредници в старата армия»* (Веж.), с той лишь разницей, что членование второго существительного объясняется здесь не превосходной степенью сопровождающего его прилагательного, а спецификой лексического значения этого прилагательного.

В конструкции предикативного определения с двумя членованными существительными, так же, как вообще в этой конструкции, вовсе не всегда одно существительное принадлежит к конкретной лексике, а другое — к абстрактной. Противопоставленность существительных, связанная с грамматическими мотивировками, раскрывающими вторичный характер членной формы у предикативного определения, также не всегда имеет место. Таким образом, в языке в принципе возможны предложения, в которых у существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения отсутствуют различающие признаки, например: *Така се извини бае Ради, защото момичето с червеното чадърче беше неговата дъщеря* (Е. П.).

Отсутствие дифференцирующих признаков сразу же сказывается на возможностях согласования глагола. При переводе глагола данного предложения в сложную форму, имеющую родовые различия, оказывается допустимым согласование его как с одним, так и с другим существительным: *«момичето с червеното чадърче било неговата дъщеря»* и *«момичето с червеното чадърче била неговата дъщеря»*.

вата дъщеря». Такая двойкая возможность согласования глагола имеется, естественно, только в отдельно взятом предложении. Конкретный языковой контекст ограничивает эту возможность, диктуя предпочтительный вариант согласования глагола.

Однако следует подчеркнуть, что подобные предложения встречаются в единичных случаях. Общую массу предложений с двумя членованными существительными совершенно очевидно составляют предложения, где существительное-подлежащее и существительное-предикативное определение, не имея различий по членованию, различаются между собой другими признаками.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Связь формы детерминированности существительного с его синтаксической функцией

1. Выдвигаемый в грамматиках и в этой связи рассмотренный нами вопрос о противопоставленности в конструкции предикативного определения двух существительных, имеющих членную форму, является частным вопросом более широкой проблемы. В предыдущем разделе было указано, что членование имени существительного в области синтаксиса есть одно из конкретных проявлений системы детерминирования существительного. Поэтому действительную проблему, возникающую при изучении конструкции предикативного определения, составляет выяснение противопоставленности двух детерминированных существительных, а не двух членованных.

Сужение проблемы детерминированности двух существительных конструкции предикативного определения до проблемы членованности не может быть оправдано не только в теоретическом плане, но и с точки зрения практических задач описания конкретных фактов языка. Материал языка показывает, что предложения с двумя членованными существительными составляют совсем небольшую группу среди основного массива предложений, где либо у существительного-подлежащего, либо у существительного-предикативного определения, а часто и у одного и у другого существительного, используется иная конкретная форма детерминированности, чем членование.

Болгарские грамматики обыкновенно не указывают на функционирование в языке подобного типа предложений. Только Св. Иванчев, наряду с предложениями, имеющими конструкцию предикативного определения с двумя членованными существительными, специально отмечает предложения, у которых «подлежащим является указательное или личное местоимение, или имя существительное в сочетании с местоимением»¹⁴², и приводит как отдельную самостоятельную группу такие примеры, как: Този човек е най-старият; Той е най-старият; Този човек е преподавателят; Този е преподавателят; Аз съм майката на детето; Той е Иванов.

По его мнению, такие предложения являются «некоторым отклонением» от норм болгарского языка. Однако роль подобных построений не следует переоценивать: «В сущности можно было бы сказать, что среди предложений рассматриваемого типа (предложений со сказуемым определением) они представляют сравнительно маленькую и обособленную группу»¹⁴³.

Указанное мнение находится в прямой связи с основным тезисом Св. Иванчева, развиваемым при исследовании закономерностей предложений с предикативным определением. Суть этого тезиса состоит в подчеркивании наличия «принципиальной оппозиции, принципиальной противопоставленности» между подлежащим и предикативным определением, которая создается членной формой у подлежащего и ее отсутствием у предикативного определения¹⁴⁴. Отсутствие противопоставленности такого рода между подлежащим и предикативным определением в предложениях типа «Този човек е преподавателят» и вело исследователя к выводу об «отклонении» от языковых норм. Стремясь объяснить факты, не укладывающиеся в рамки его основной концепции, Св. Иванчев становится на точку зрения, что можно не придавать значения этому отклонению ввиду малочисленности подобных предложений.

В действительности, предложения типа «Този човек е преподавателят» вовсе не есть что-то случайное и редкое. Анализ языкового материала показывает, что по своей

¹⁴² Иванчев Св. Наблюдения върху употребата на члена..., с. 507.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, с. 506.

употребительности эти предложения занимают весьма значительное место. Если они в какой-то мере и уступают в количественном отношении предложениям с членованным подлежащим и нечленованным предикативным определением, то это преобладание одного типа над другим не носит принципиального характера.

Вместе с тем широкое функционирование предложений типа «Този човек е преподавателят» не нарушает принципа противопоставленности существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения по грамматическим чертам, который в наиболее очевидной форме наблюдается у предложений с членованным подлежащим и нечленованным предикативным определением. Это противопоставление осуществляется в предложениях рассматриваемого типа иными грамматическими средствами.

2. При обращении к предложениям, содержащим конструкцию предикативного определения с двумя детерминированными существительными, привлекает внимание факт, что эти существительные имеют обыкновенно разную конкретную форму детерминированности. Например, при одном существительном в качестве детерминатора выступает членная форма, а при втором — элемент *един*, или при одном существительном в качестве детерминатора выступает указательное местоимение, а при втором — членная форма и т. д. Некоторые комбинации конкретных форм детерминированности, свойственные конструкциям предикативного определения с двумя детерминированными существительными, можно продемонстрировать на предложениях: Еникий усети, че тая пропаст е неговата душа (Е. П.); Преди години Михал Пантов беше най-верният му човек (Карасл.); — Той ти е началникът сега, искам всичко да свършите както трябва! (Даск.).

Если проанализировать ряд предложений, объединяющихся тем, что в них представлена одна и та же комбинация конкретных форм детерминированности, можно видеть, что в этих предложениях достаточно систематически существительные с одной конкретной формой детерминированности выступают как подлежащее, а существительные с другой конкретной формой детерминированности — как предикативное определение.

Рассмотрим предложение, в котором при одном существительном в качестве детерминатора употреблена член-

ная форма, а при втором — элемент *един*: Но все пак след тежката лятна работа... преденето за тях беше една отмора (Карасл.). Прояснение согласования глагола путем перевода простой глагольной формы в сложную (преденето за тях е било една отмора) обнаруживает, что он согласуется с существительным *преденето*, т. е. что это существительное является подлежащим, а существительное *една отмора* — предикативным определением. Таким образом, в данном предложении существительное с членной формой выступает как подлежащее, а существительное с элементом *един* — как предикативное определение.

Обратимся к следующему примеру с той же самой комбинацией конкретных форм детерминированности: Едно нещо, което докарваше в изумление всекиго, който се запознаваше със Селямсъза, беше прякорът му (Ваз.). Аналогичное пояснение согласования глагола (Едно нещо... е бил прякорът му) показывает, что глагол здесь согласуется с существительным *прякорът* и, соответственно, что это существительное является подлежащим. Следовательно, и в этом предложении существительное с членной формой выполняет роль подлежащего, а существительное с элементом *един* — предикативного определения.

Еще одним примером подобного рода может служить предложение: Тъкачев разбираше, че през целия си живот баща му е бил един обикновен сит и егоистичен буржоа, свързан здраво с имотните слоеве (Карасл.). Оно отличается от предыдущих лишь тем, что на месте членованного существительного предшествующих примеров здесь стоит нечленованное существительное *баща му*. Однако это слово принципиально объединяется с членованными существительными, хотя и представляет собой так называемое исключение среди них. Как и другие существительные, обозначающие отношения родства и сопровождающиеся дательной формой личных местоимений с притяжательным значением, слово *баща му* не членуется (ср. с. 101—102 настоящей работы).

Ввиду совпадения грамматического рода у обоих существительных конструкции предикативного определения, для пояснения согласования глагола в данном случае требуется применить процедуру замены одного из существительных на существительное иного грамматического рода (например: момчето му е било един обикновен сит и егоистичен буржоа). Такая замена обнаруживает, что

в анализируемом предложении глагол согласуется с потенциально членованным словом *баца му* и, следовательно, именно это слово выступает как подлежащее, а существительное с элементом *един* — как предикативное определение.

Если суммировать наблюдения над конкретными примерами с конструкцией предикативного определения, в которых одно существительное имеет членную форму (реально присутствующую или потенциальную), а другое содержит при себе элемент *един*, становится очевидным, что то слово, при котором в качестве детерминатора выступает членная форма, обыкновенно является подлежащим, а слово, при котором в качестве детерминатора выступает элемент *един*, — предикативным определением.

В близких примерах с конструкцией предикативного определения, где при одном существительном имеется указательное местоимение, а при другом — элемент *един*, существительное с указательным местоимением выполняет роль подлежащего, а существительное с элементом *един* — предикативного определения, например: *Понякога ни се струва, че тези проблеми са чисто вестникарски и теоретични, че са просто една любопитна пропагандна акция (из газет)*. Ввиду расхождения грамматического числа у двух существительных и вследствие этого однозначности картины согласования глагола, приведенное предложение не требует какого-либо дополнительного анализа.

Проанализируем предложения с еще одной комбинацией конкретных форм детерминированности у существительных конструкции предикативного определения: — *Варлаам е един богохулник и анадолски капасъзин!* (Ваз.); — *То наша Станка е една мома...* (Карасл.). В данном случае одно из существительных конструкции предикативного определения представляет собой имя собственное, т. е. слово с внутренней детерминированностью, а второе — существительное с элементом *един*.

В приведенных примерах простая форма глагола и одинаковость грамматического рода у обоих существительных конструкции предикативного определения затемняют синтаксическую картину. Поэтому здесь прежде всего необходимо провести изменение простой глагольной формы в сложную и замену одного из существительных (практически нарицательного) на существительное

инного грамматического рода (Варлаам е бил една подозрителна личност; — То наша Станка е била едно момиче).

При таком прояснении согласования глагола обнаруживается, что и в одном и в другом предложении имя собственное является подлежащим, а существительное с элементом *един* — предикативным определением. Таким образом, и в данном случае можно видеть систематичность в оформлении существительного с одной конкретной формой детерминированности как подлежащего, а с другой формой — как предикативного определения.

3. При очевидной зависимости, наблюдаемой между конкретными формами детерминированности и синтаксическими функциями существительных, связать прямолинейно какую-либо конкретную форму детерминированности с определенной синтаксической функцией в большинстве случаев нельзя. В языковой системе, охватывающей весь круг возможных типов конструкции предикативного определения, одна и та же конкретная форма детерминированности оказывается связанной то с функцией подлежащего, то с функцией предикативного определения.

Так, существительное с детерминатором *един*, систематически выступавшее в только что рассмотренных предложениях как предикативное определение, может совершенно закономерно употребляться как существительное-подлежащее в другом, наиболее широко распространенном, типе предложений, характеризующемся наличием детерминатора у подлежащего и отсутствием его у предикативного определения (см. с. 106 настоящей работы). Равным образом существительное с членной формой и имя собственное, которые как в только что рассмотренных предложениях, так и в широко распространенном типе с детерминированным подлежащим и недетерминированным предикативным определением выступали как подлежащее, могут в других случаях выполнять функцию предикативного определения.

Предложений, в которых членованное существительное является предикативным определением, имеется несколько типов. Один из них представлен в предложении: — Тия дървета са нашата точка за ориентиране (Веж.). Как показывает согласование глагола, подлежащим здесь является существительное с указательным

местоимением, в то время как существительное с членной формой представляет собой предикативное определение.

Аналогичное распределение синтаксических функций наблюдается и в предложении: — Или това момче е сам изкустителят, който се е вмъкнал тук да ни погуби (Е. П.) Если в этом примере прояснить согласование глагола путем перевода простой формы в сложную (— Или това момче е било сам изкустителят...), то можно видеть, что и здесь подлежащим является существительное с указательным местоимением, а предикативным определением — существительное с членной формой.

Подобным же образом распределены функции между двумя существительными в предложении: Това мнение за тях може би беше причината, че Боян, след като завърши гимназия, не го назначиха за учител в родното му село, а някъде в Берковско (Даск.). Перевод глагола в сложную форму (Това мнение за тях може би е било причината...) обнаруживает, что существительное с указательным местоимением выступает здесь как подлежащее, а членованное существительное — как предикативное определение.

Наблюдения над предложениями с конструкцией предикативного определения, в которых как детерминаторы выступают указательное местоимение и членная форма, ведут, таким образом, к выводу, что и в этом типе предложений функция подлежащего закреплена за существительным с одним детерминатором, а функция предикативного определения — за существительным с другим детерминатором. Однако существительное с членной формой, в противоположность ранее рассмотренным типам предложений, систематически выполняет здесь не функцию подлежащего, а функцию предикативного определения.

Другая разновидность предложений, в которых членованное существительное является предикативным определением, представлена в предложении: Янчо беше най-малкият син на Анка и се роди в края на войната (Даск.). При замене нарицательного существительного на существительное иного грамматического рода и при переводе глагола в сложную форму (Янчо е бил най-малкото момче на Анка...) обнаруживается, что подлежащим здесь является имя собственное, а предикативным определением — существительное с членной формой.

Подобным образом распределяются синтаксические функции между существительными и в следующих примерах: Киро беше нейната слава (Карасл.); Дертли Мехмед му беше дясната ръка, както и Топал Салих (Л. Стоян.); Но не за Синапа мислеше той. Не беше Синап едничкият кахър на падишаха (Л. Стоян.); Анадолецът, или Пашата, както му казваха още, беше най-хубавото куче на Петра (Йовк.); Михал Пантов беше най-довереният му човек (Карасл.); Йордакиев беше собственикът на фабриката (Веж.).

Проведение грамматического анализа показывает, что во всех этих предложениях имя собственное выполняет функцию подлежащего, а членованное существительное — функцию предикативного определения.

Существительное с членной формой всегда является предикативным определением и тогда, когда другим составным элементом конструкции служит личное местоимение, например: — На този керван аз съм керванбашията! (Л. Стоян.); — Аз съм новият ви ротен командир (Веж.);... но трябва да знаеш, че тук аз съм господаря, от мене зависи (Йовк.); — Ти не си ми първата снаха, та да се излъжа (Карасл.); — Сега, Тончо, ти си ни мъжката сила (Карасл.); — Ти, ти си убиецът на ония, невинните... (Л. Стоян.); — ...че ти си ми пак най-умният вардиянин (Л. Стоян.); — Например, да речем, ти си сега господарката на чифлика, ти се разпореждаш... (Йовк.); Тя бе богинята на училището (Е. П.); ...той беше гордостта и надеждата ѝ, от него тя очакваше твърде много (Карасл.); ...сякаш той беше мъдрият баща, който помири и вразуми тия поумнели братя, който ги събра за общ задружен живот (Даск.); Само преди час за нея той беше ученият, младият, красивият, богатият, недостъпният учител... (Карасл.); Имаше по-рано един учител, Каладжов, той беше главатарят на широките (Карасл.); ...той беше, Хаджи Папурко, най-старият син на дяда Бенча, от Сюлюменовий род, и имаше къща, кажи, цял конак (Ваз.); — Ние сме мозъкът, който ръководи, и затова трябва да предвиждаме всичко (Дим.); — Ние сме орисниците, — каза едната (Е. П.); — Вие нейният баща ли сте, господине? (Е. П.); — Тях всеки гледа да пипне, защото те са силата, те движат света (Карасл.); — Та нали те са властта — усмихна се горчиво Кръстю (Карасл.).

Приведенные предложения не требуют специального анализа с целью выяснения, какой элемент является в них подлежащим и какой — предикативным определением, так как синтаксические функции слов достаточно ясно обнаруживает согласование глагола по лицу с личным местоимением.

Обращаясь к имени собственному, функционирование которого как подлежащего наблюдалось в предложениях с детерминированным подлежащим и недетерминированным предикативным определением, в предложениях, где второе существительное содержит элемент *един* и, наконец, в одной из последних групп предложений, где второе существительное имеет членную форму, можно видеть, что для него также не исключена возможность употребления в функции предикативного определения. Примером может служить предложение: — *Аз съм Мачков...Мачката...помощник-кметът, — представи се човечето (Карасл.)*. Согласование глагола по лицу с личным местоимением не позволяет сомневаться в том, что имя собственное является здесь предикативным определением.

Приведенный материал различных предложений с конструкцией предикативного определения, несомненно свидетельствующий об отсутствии абсолютного закрепления какой-либо конкретной формы детерминированности за определенной синтаксической функцией существительного (ввиду наличия как предложений, где какая-либо одна конкретная форма детерминированности свойственна существительному-подлежащему, так и предложений, где эта форма свойственна существительному-предикативному определению), показывает в то же время, что в определенных пределах подобное закрепление в языке имеется. Нельзя не видеть того факта, что в предложениях, сходных по представленной в них комбинации конкретных форм детерминированности, сходно и распределение синтаксических функций между существительными. Эта закономерность прослеживается в предложениях с самыми различными комбинациями конкретных форм детерминированности.

Таким образом, закрепление конкретной формы детерминированности за определенной синтаксической функцией существительного наблюдается в пределах определенной комбинации детерминаторов.

Система относительной детерминированности существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения

То, что закрепление конкретных форм детерминированности за определенной синтаксической функцией наблюдается в языке только в пределах определенной комбинации детерминаторов, означает, что конкретные формы детерминированности, свойственные существительному-подлежащему, и конкретные формы детерминированности, свойственные существительному-предикативному определению, могут быть описаны только по отношению друг к другу. Например, на вопрос о том, какой функции — подлежащего или предикативного определения — свойственен детерминатор *един*, не может быть дано приемлемого для всех случаев ответа. Лишь в зависимости от второго детерминатора, присутствующего в конструкции предикативного определения, устанавливается место детерминатора *един*. В комбинации с нулевым детерминатором элемент *един* присущ существительному-подлежащему, а в комбинации с членной формой или с внутренне детерминированным словом — существительному-предикативному определению.

Ввиду того что языковой материал, лежащий в основе нашего описания конкретных форм детерминированности у двух существительных конструкции предикативного определения, рассматривался по ходу исследования в разных разделах и в различных аспектах, следует дать здесь по одному примеру на каждый из вариантов оформления конструкции, группируя их в зависимости от формы существительного-предикативного определения:

а) *Повод за тези редове е едно неприятно явление*, което не можем и не трябва да отминаваме с пренебрежение (из газет); *Кметът беше петдесетгодишен мъж*, среден на ръст, възсух, с обикновено русовато лице (Карасл.); *...тия хора*, вярвайте бога, са безпощадни убийци (Е. П.); — *Но и Русия е страшна сила* (Карасл.); — *Ние сме свободни, весели вълни...* (Е. П.);

б) Но все пак след тежката лятна работа... *преденето* за тях беше една отмора (Карасл.); *Понякога ни се струва, че тези проблеми...* са просто една любопитна пропагандна акция (из газет); — *Варлаам е един богохульник* и анадолски капасъзин! (Ваз.);

в) — *Тия дървета са нашата точка за ориентиране* (Веж.); *Янчо беше най-малкият син на Анка* (Даск.); *На този керван аз съм керванбашията!* (Л. Стоян.);

г) — *Аз съм Мачков...* Мачката, помощник-кметът — представи се човечето (Карасл.).

Конкретные формы детерминированности, свойственные существительному-подлежащему, и конкретные формы детерминированности, свойственные существительному-предикативному определению, в их взаимозависимости могут быть сведены в следующую таблицу:

Форма детерминированности существительного-предикативного определения	Формы детерминированности существительного-подлежащего, употребляющиеся при данной форме детерминированности существительного-предикативного определения
Существ. с нулевым детерминатором (с отсутствием детерминированности)	Существ. с элементом <i>един</i> с членной формой с указат. местоим. имя собственное личное местоим.
Существ. с элементом <i>един</i>	Существ. с членной формой с указат. местоим. имя собственное личное местоим.
Существ. с членной формой	Существ. с указат. местоим. имя собственное личное местоим.
Существ. с указат. местоим.	Существ. имя собственное личное местоим.
Имя собственное	Личное местоимение

В приведенном описании конкретных форм детерминированности, свойственных существительному-подлежащему и существительному-предикативному определению, обрисовывается своего рода иерархия внутри системы этих форм. Отдельные формы предстают как обладающие разной степенью детерминированности.

Самым слабым оказывается детерминатор *един*, который связывается с функцией подлежащего только при отсутствии детерминированности у второго существительного. Следующим по силе детерминатором является членная форма, которая может быть связана с функцией под-

лежащего и в случае отсутствия детерминированности у второго существительного и в случае наличия при нем детерминатора *един*. Еще более сильным детерминатором является указательное местоимение. Оно связывается с функцией подлежащего при отсутствии детерминированности у второго существительного, при наличии у него детерминатора *един*, а также в случае его членованности. Сильнее всех предыдущих детерминаторов оказывается внутренняя детерминированность имени собственного, которое выступает как подлежащее в конструкции предикативного определения, где второе существительное не детерминировано, либо имеет элемент *един*, членную форму, указательное местоимение. Наконец, наиболее сильной предстает детерминированность личного местоимения, способного быть подлежащим при отсутствии детерминированности у второго существительного, при наличии у него элемента *един*, членной формы, указательного местоимения, а также в том случае, если вторым существительным является имя собственное.

Соотношение двух сфер противопоставления существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения

Описанная система относительного детерминирования существительных отражает наиболее стандартные случаи конструкции предикативного определения с двумя детерминированными существительными. На практике, однако, возможно появление построений, где языковая картина оказывается более сложной, так как конкретная форма предложения возникает в результате действия не только этой системы, но одновременно и других закономерностей.

С одной стороны, функционирование конкретных единиц, выступающих как детерминаторы, не исчерпывается в языке употреблением их в конструкции предикативного определения, а грамматические свойства их не исчерпываются свойствами, проявляющимися в этой конструкции. Каждая из таких конкретных единиц принадлежит к определенной категории слов и подчиняется общим для всей категории слов законам.

С другой стороны, в пределах самой конструкции предикативного определения действуют, помимо принципа относительного детерминирования существительных, и другие

принципы ее построения. Обыкновенно все эти грамматические требования согласуются между собой, однако бывают случаи, когда между ними возникает противоречие. Такое столкновение грамматических норм разрешается тем, что отдается предпочтение одному из принципов.

Примером переплетения разных грамматических норм является предложение: Но най-чудното нещо у него, което караше ония, които го срещаша, да го изглеждат и да се позасмиват, беше един черен, много дълъг хергелджийски камшик, насъбран като въже и закачен от страна на кръста му (Йовк.). Если прояснить согласование глагола путем перевода его в сложную форму, то оказывается, что слабый детерминатор *един* связан здесь с функцией подлежащего, а являющаяся более сильным детерминатором членная форма — с функцией предикативного определения: Но *най-чудното нещо* у него ... е бил *един черен, много дълъг хергелджийски камшик...*

Своеобразие приведенного предложения хорошо подчеркивает очень близкий к нему пример, в котором наблюдается соответствие между конкретной формой детерминированности у существительных и синтаксической функцией каждого из них: *Едно нещо*, което докарваше в изумление всекиго, който се запознаваше със Селямсъза, беше *прякорът му*. Свети Хараламби! Какъв Селямсъз! (Ваз.).

Для выяснения мотивировок появления детерминаторов, наблюдаемых в анализируемом предложении, необходимо привлечь более широкий контекст, так как облик предложения определяют не только его имманентные нормы, но и те требования, которые диктует этому предложению языковой контекст: Медара не носеше потури, а бозяви шаечени панталони, тесни около колената и прасците като бенебреци. Носеше и вехта черна шапка и червен пояс, над който имаше лек кожен селяхлък. Но *най-чудното нещо* у него, което караше ония, които го срещаша, да го изглеждат и да се позасмиват, беше *един черен, много дълъг хергелджийски камшик...* (Йовк.).

Как показывает контекст, существительное *камшик* стоит в одном ряду с другими существительными (*панталони, шапка, пояс*), объединяясь с ними по коммуникативной функции: в совокупности эти существительные

представляют перечисление предметов одежды характеризующего лица. Подобная общность порождает тенденцию к общности и в грамматическом оформлении. Ввиду того что существительные *панталони*, *шапка*, *пояс* выступают в недетерминированном виде, возникает стремление к употреблению существительного *камшик* также без детерминатора. Однако для реализации этой тенденции имеется принципиальная помеха: слово *камшик* выступает в иной синтаксической функции, чем остальные существительные. Если *панталони*, *шапка*, *пояс* употреблены в конструкции прямого дополнения, допускающей недетерминированное существительное, то слово *камшик* входит в конструкцию предикативного определения и, будучи в ней подлежащим, должно быть обязательно детерминированным. В результате указанного стечения требований контекста и норм построения конструкции предикативного определения при существительном *камшик* употребляется элемент *един*, который, с одной стороны, выполняет роль детерминатора, а с другой, — обладая качествами неопределенного артикля, наиболее подходит для условий контекста.

Что касается слова *нещо*, то оно, как показывает контекст, является психологическим подлежащим анализируемого предложения. В структуре предложения это слово сопровождается прилагательным в превосходной степени. Этим и определяется факт, что при данном существительном употреблена членная форма.

Такая объективно сложившаяся картина детерминирования существительных должна была бы вызвать, согласно действующему в конструкции предикативного определения принципу относительной детерминации, оформление слова *нещо* как подлежащего, а слова *камшик* — как предикативного определения.

Однако среди норм построения конструкции предикативного определения действует, как уже указывалось, закон отбора лексики с точки зрения категории конкретность — абстрактность. Согласно этому закону при наличии противопоставленности между существительными по конкретности — абстрактности, существительное конкретного значения оформляется как подлежащее, а существительное абстрактного значения — как предикативное определение. Подобная противопоставленность имеется и между словами *нещо* и *камшик*. В соответствии с этим существительное *камшик* как конкретное по значению полу-

чает функцию подлежащего, а существительное *нещо* как абстрактное по значению — функцию предикативного определения.

Таким образом, при столкновении принципа отбора лексики с точки зрения категории конкретность — абстрактность и принципа относительного детерминирования существительных предпочтение отдается первому из указанных принципов.

ГЛАГОЛ В КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛАХ

В предшествующем разделе данного исследования были подробно рассмотрены грамматические черты существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения, а также их взаимосвязи. Языковой анализ строился на материале конструкции предикативного определения, в которой в качестве третьего составного элемента выступает глагол *съм*. Такое ограничение в материале было сделано по принципиальным соображениям. Лексическая нейтральность этого глагола создает необходимые условия для рассмотрения сложных вопросов взаимосвязи грамматики, логики и реальных отношений действительности, без разрешения которых невозможно дать научное описание основных закономерностей конструкции предикативного определения с именем существительным.

Глагол *съм* является наиболее употребительным глаголом в конструкции предикативного определения. Вместе с тем в этой конструкции широко употребляются и другие глаголы — *ставам, оставам, виждам се, казвам се, излизам* и т. п., например:— На мене наистина ми предлагат да стана експерт — отговори Борис, — а ти цял живот ще си останеш канцеларско леке (Дим.); Откато бяха дошли в чифлика, те най-често говореха за едно: ще остане ли Васил и занапред управител на чифлика или ще трябва

да го уволнят (Йовк.);— Кажете им, че могат да подкупят всички министри и цялото Народно събрание, че могат да ме опропят, но пак ще си останат мръсници и канали, които печелят богатството си само с подлости (Дим.); Но сега видя, че «революционната акция» на малката му сестра е била случайна и че тя си оставаше такава суетна глупачка, каквато я познаваше от малка (Карасл.); И аз, значи, пропуснах случая. Че после от срам и от мъка почнах всеки ден да ходя в тая кръчмарница «Пъдпъдък», опиянчих се и си останах до ден днешен стар ерген (Е. П.);— Да стана още отсега роб на някой шарен малакоф? (Ваз.);— Вярно ли е бре, Муржу, че телялинът в Хюлбе викал за Кара Феиз и Еминджик, че се предали на султана и станали султански ибрикчии? (Л. Стоян.);— Моля те не плачи, защото ни гледат и ни се смеят... Не ставай простачка (Дим.);— Оставих и тютюна, станах кротка душа, овчица, побледня ми лицето, светнаха ми очите — светец същински (Е. П.); Всред боя Златан му се видя друг човек — по-властен и по-сериозен като истински командир (Веж.);— Давам ви я, защото ми се виждате усърден офицер и смятам, че ще се справите с нея (Веж.);— Може на тебе лично да ти се виждам не дотам активен социалист, но ти си още зелен (Карасл.);— Помощникът се казва Атанасов... (Веж.); Поразговорихме със стареца. Казваше се Никита Семенович Голуб, честен съветски колхозник, тръгнал доброволно с армията (Веж.);— Да не е Дона? За нея има песен.— Не е Дойна, не. Таз Венда се казвала (Йовк.);— Там тия доктори и даскали все са от един дол дренки: ако не са лъжци, ще излязат пияници (Карасл.).

Анализ конструкции предикативного определения с подобными глаголами показывает, что грамматические черты существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения, которые были выявлены на материале предложений с глаголом *съм*, ясно проследиваются и здесь. Соответствие норм построения конструкции предикативного определения с названными глаголами тем основным закономерностям, которые были описаны на материале глагола *стана*, можно продемонстрировать на примере глагола *стана*, являющегося вторым по употребительности в исследуемой конструкции.

Прежде всего это относится к системе грамматического противопоставления двух существительных конструкции.

В материале предложений с глаголом *стана* можно наблюдать следующую картину детерминирования двух существительных:

у существительного-подлежащего имеется элемент *един*, у существительного-предикативного определения отсутствует детерминированность: *Един прост, безграмотен овчар* става български цар (Ваз.);

у существительного-подлежащего имеется членная форма, у существительного-предикативного определения отсутствует детерминированность: *Качамакът* стана богато ядене, хляб не се намираше и за жълтица (Л. Стоян.); ...и личният устрем на бойците бе станал причина взводът да завърши атаката без закъснение (Веж.); И, за да бъдат разбрани от децата, всички съществителни имена той превръщал в умалителни: *цветето* ставало цветенце, *лъвът* — лъвче... (Е. П.); *А най-тъпият и най-долният министър* стана (Е. П.); — *Кръвата вода* не става (Карасл.); Тъкачева не можеше да побере в ума си как *нейният син* ще стане *селски даскал* (Карасл.)¹⁴⁵;

у существительного-подлежащего имеется указательное местоимение, у существительного-предикативного определения отсутствует детерминированность: *Това правило* влезна в живота му и му стана *привичка* (Ваз.); Гледаха как премята със страшен грохот камъни и дървета и се чудеха как така *тая тиха, малка река* става отведнъж *страшно чудовище*... (Даск.);

существительным-подлежащим является имя собственое, т. е. слово с внутренней детерминированностью, у существительного-предикативного определения отсутствует детерминированность: — *И Фердинанд* най-напред беше княз, па си стана *цар* без да ни пита, и свършено (Карасл.); Но ако *Русия* стане *наш враг!* (Карасл.);

существительным-подлежащим является личное местоимение, у существительного-предикативного определения отсутствует детерминированность: — *Какъв овчарин* ще ми станеш *ти!* (Йовк.); ...този добър мъж, на когото

¹⁴⁵ Как и в предложениях с глаголом *съм*, здесь возможны случаи лишь потенциального членования существительного-подлежащего. Например, специфика норм употребления члена с притяжательными местоимениями при некоторых существительных ведет к образованию такого предложения, как: — *Мои другари* станаха *велики хора*, поети, писатели, еснафи (Е. П.).

тя ще стане *невяста* (Карасл.); *Той* става *войник* едва когато дълбоко разбере смисъла на войната (Веж.); — *Какъв вол* ще ми стане *то* мене, нали Марипе, а? (Йовк.); — *Защо точно ние* да ставаме *жертва* на края на войната? (Веж.); Там *те* станали *членове* на революционния комитет и се срещали с Васил Левски (Карасл.).

В функции подлежащего конструкции с глаголом *стана* так же, как с глаголом *съм*, наблюдается и самостоятельное употребление местоимений, входящих в число детерминаторов: — Ако има сметка, *всички* ще станат *аргати*, — отвърна с лек присмех Илия (Карасл.).

В придаточных предложениях в функции подлежащего нередко употребляется относительное местоимение *който*. У существительного-предикативного определения в этих предложениях отсутствует детерминированность, например: ...той заприказва за труда изобщо, *който*, при друга, по-добра, по-разумна организация на обществото, щял да стане не *мъка и проклетие* за трудещите се и особено за селяните... (Карасл.); ...*който* оттогава стана *страшен царски душманин!* (Ваз.).

В предложениях с глаголом *стана* детерминированность существительного-предикативного определения представлена слабее, чем в предложениях с глаголом *съм*. Однако и здесь встречаются такие предложения, как: — Па гледам го *Мичето* ваше станало *една такава богиня* (Е. П.). Существительное-подлежащее приведенного предложения, представляющее собой уменьшительное имя собственное, содержит членную форму, а существительное-предикативное определение — элемент *един*.

Таким образом, для конструкции с глаголом *стана* детерминированность существительного-предикативного определения является принципиально возможной. Это надо специально подчеркнуть, так как в грамматической литературе высказывалось мнение о безусловной нечленованности существительного-предикативного определения при глаголе *стана* и некоторых близких ему глаголах¹⁴⁶, кото-

¹⁴⁶ Так, Ст. Стоянов в своем исследовании о членной форме пишет: «Существительное как сказуемое определение при глаголе *ставам* всегда нечленовано... Существительное, являющееся сказуемым определением при таких глаголах, как *изглеждам, показвам се, струвам се, излизам...*, всегда нечленовано» (Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член... Съществителни имена, с. 73).

рое может быть понято как мнение о безусловной недетерминированности существительного-предикативного определения при этих глаголах.

Следует отметить, что подобные предложения, содержащие детерминированное существительное-предикативное определение могут быть указаны и с другим глаголом: *Пък той излезе един добър, един отворен и весел човек, да ти е драго да приказваш с него* (Е. П.); — *Ти излезе един неблагодарен син, един безсъвестен...* — той пак се позапъгна, — *един безсъвестен момък* (Карасл.).

Как можно видеть, и в данных предложениях, содержащих личное местоимение и существительное с элементом *един*, и в предыдущем предложении, содержащем членованное существительное и существительное с элементом *един*, конкретные формы детерминированности, представленные у двух существительных конструкции предикативного определения, укладываются в те нормы относительного детерминирования существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения, которые являются обычными для предложений с глаголом *съм* и которые были описаны в соответствующем разделе.

СОСТАВ ГЛАГОЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИХ В КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

Переходя к систематическому описанию глагольной части конструкции предикативного определения с именем существительным, необходимо прежде всего определить состав и грамматические особенности глаголов, выступающих в такой конструкции.

Основную часть этих глаголов составляют так называемые полузнаменательные глаголы, близкие по своему грамматическому существу к глаголу *съм*:

бивам: Срецахме там най-различни хора, бивахме свидетели на всякакви случки (Йовк.); Русия! Колко ни плени туй име свято, родно, мило! То в мрака бива нам светило (Ваз.);

виждам се: Смачканият пехотинец съвсем не му се виждаше опасен конкурент (Веж.); ...той ѝ се виждаше човек като всички хора, добър и близък (Карасл.); — Макар да е от село, но ми се вижда спретнато момче (Веж.); — Трябва да е по-млад от тебе с една, две години... и ми се

вижда начетен човек (Веж.); Той му се видя прибран и кротък момък (Карасл.);

изглеждам: Но сега те му изглеждаха особени, нови и интересни хора (Карасл.);— Той изглежда възпитан момък (Дим.);

излиза: Добре, но новият кмет излезе въздържател (Е. П.); Брей, и тези излязоха пълзливци! (Л. Стоян.); Наистина тая година излезе къопава година, роди уж нещо, ей тъй, за кашмер, като че даряваше милостиня на просяци (Л. Стоян.); И добър, и съвестен кмет излезе бае Ноно (Е. П.);

казвам се: Имаше едни, казваха се фенерлии (Йовк.); Туй момиче се казваше Лалка, умалително Лаленце (Е. П.);— Казвам се поручик Манев (Веж.);— Поигра си с нея там един учител, Тъкачев се казваше (Карасл.);— Май че Йодко се казваше... а партизанското му име е Бойко (Веж.);

наричам се: Между тенекеджиите и банкерите съществуваха адвокати, лекари, равини и търговци на дребно, които се наричаха все Ешкенази (Дим.); Един едър вол, с жълта къдрава козина на челото (затуй се наричаше Текеш, сир. Жълтурко), позна името си и тръгна (Йовк.); Едно събрание, една разпалена реч, и свършено — създаде се читалище и без никакви спорове се нарече «Читалище просвета и култура» (Е. П.);

окажа се: Овчарят се оказа негов познат (Стан.);— Изобщо той се оказа глупав и неблагоприятен човек (Дим.);

оставам: Той бе останал стар ерген (Е. П.); И той от войната остана половин човек (Карасл.); А той взе, че се ожени за Кушаркина Доца, която беше останала пълно сираче (Карасл.); ...какво е родила земята? Беше ли тоя път по-щедра? Или както винаги останала беше скъперница за децата си? (Л. Стоян.); След като беше се оженила, след като остана вдовица, тя изглеждаше още похубава, по-снажна и по-стройна (Йовк.); Къщата в градеца обаче те запазиха непокътната и тя остана символ на предишния им охолен и безвкусен, но много по-здрав живот от сегашния (Дим.); Имената на непознатите градове не им говореха нищо, а цифрите си оставаха само студени, мъртви цифри (Веж.);— Аз съм си земеделец и земеделец ще си остана (Карасл.);

падам: Инак е отворен човек, политик пада, интересува се (Чудомир); Той падаше и малко иманяр (Е. П.);

падам се: Главният учител ми се пада малко роднина (Карасл.); Аз имам един гавазин приятел ... малко и роднина ми се пада (Конст.);

показа се: И пак се показа човек, тоя Метекса, дето не го изгони за кашмер и гавра на света (Л. Стоян.);

почувствувам се: ...той се почувствува мъртвец, който вижда своя некролог (Даск.);

ставам: Дойде новият кмет в село, посрещнаха го селяните с нови надежди и с радост, защото селото им става голяма община (Е. П.);— Няма да мине много време, когато нашата социалистическа партия ще стане могъща партия и нашият първомайски празник ще стане истински народен празник (Карасл.);— Ти защо си станал адвокатин на германците, не мога да разбера (Карасл.);— Твоят сърдце беше камък, стани камък! (Е. П.);

сторя се: Престоях така затворен четири часа, които ми се сториха четири години (Ваз.);

струвам се: Защо всички хора му се струваха глупци, които можеше да надхитри? (Дим.); ...любовта без ангажименти му се струваше подлост, с която някои безсъвестни типове използваха глупостта на жените (Дим.);

улуча се: Арнаутиът се улучи човек, надарен с особено рицарско чувство към жената (Ваз.);

усещам се: И в този хан, гдето беше прекарал толкоз време, дядо Моско се усети отритнат и непотребен, усети се чужденец (Йовк.);

чувствувам се: Истинска господарка Кръстевича се чувствуваше в кухнята (Карасл.); И знаете ли, господа, че в такъв момент се чувствувам просто герой (Е. П.);

чиня се:— Къде там? Кажвай по-скоро!— не можеше да търпи Боян миризмата на тая кухня, която му се чинеше миризма на вертеп (Даск.);

явявам се: По природа и по интерес те се явяваха верни съюзници на турците и тук, и другаде в подобни случаи (Ваз.); В България, при настъпилото нейно капиталистическо развитие, има почва за социализма, носител на който се явява зараждащата се работническа класа (Г. Димитров).

По своему значению указанные глаголы таковы, что выражаемое ими действие как бы неполно и требует дополнительной характеристики. Эта характеристика дается в предикативном определении, имеющемся при глаголе. Таким образом, между рассматриваемыми глаголами и пре-

дикативным определением существует тесная связь. Многие из указанных глаголов употребляются в болгарском языке не только в сочетании с предикативным определением, но и самостоятельно. Однако в случае самостоятельного употребления этих глаголов обыкновенно наблюдается расхождение в значении глаголов по сравнению с тем, какое они имеют при употреблении с предикативным определением. Ср., например: «— Отиде си — *излезе* Юрталана иззад малкия навес на старата плевня...» (Карасл.) и «И добър, и съвестен кмет *излезе* бае Ноно» (Е. П.).

Другую часть глаголов, способных употребляться с предикативным определением, составляют полнознаменательные глаголы. Эти глаголы характеризуются более свободными отношениями с предикативным определением, в противоположность более зависимым отношениям глаголов предыдущей группы. Они могут сопровождаться предикативным определением, но могут употребляться, сохраняя то же самое значение, и без такого определения. Так, глаголы *върщам се, ходя, уда*, употребленные с предикативным определением в предложениях: — Сине — рече той внушително и тържествено, — да биеш мъжки всички врагове, които се явят пред очите ти, за да ми *се върнеш* победител и герой (Карасл.); — Ваньо, докога *ще ходиш* заддяк, ей, а жени се! (Даск.); Никола беше разтупкал сърцата на много моми още преди да *иде* войник (Величк.), могут быть употреблены в том же значении и без предикативного определения: Морни жетварки със смях и песни *се върщаха* в село (Е. П.); Денем стоеше в кръчмата или *ходеше* по полска работа (Е. П.); Тя грабна менците да *иде* за вода (Е. П.).

Полнознаменательные глаголы в конструкции предикативного определения с именем существительным встречаются редко. Все они относятся к непереходным глаголам движения или состояния. В гораздо большей степени употребление полнознаменательных глаголов свойственно конструкции предикативного определения с именем прилагательным.

При основном глаголе конструкции предикативного определения может присутствовать дополнительный элемент в виде глагола со значением начала, конца, продолжения действия (*започвам, продължавам* и др.) или модального глагола (*мога, трябва, искам* и др.), например: — Ти про-

дължаваш да бъдеш маниак (Дим.); По улицата се переха моми, на които тя вече можеше да бъде така (Карасл.); — Каточели подлецът може да бъде патриот (Веж.); Синап можеше да напредне, да стане голям негов човек, ако не беше враждата му с бюлюкбашията Кара Ибрахим (Л. Стоян.); И да беше се покорил, той не можеше да стане царски прислужник (Л. Стоян.); Само когато ѝ кажеше, че може да стане господарка на чифлика, на тая лъжа, като всички други лъжи, тя беше готова да повярва (Йовк.); ...за социалистите участието в първомайския празник трябва да е гордост (Карасл.); Станка не е ходила в Пловдив. Трябва да е голям и хубав град (Карасл.); Другият, шишкав, с обло лице, трябва да беше някакъв големец (Карасл.); Той се връщаше към джамията — трябваше да е ходжа (Йовк.); — Искате ли да бъдете вечни роби, вие и децата ви, и внуците ви? (Л. Стоян.); — Я слушай, — каза той, — ти искаш ли да ми станеш свързка? (Веж.); — Искам да стана най-послед човек... (Е. П.); Знаеш ли, и на мене ми се искаше да си остана мерач, по ми прилягаше (Веж.); Какво да прави — готвеше се да стане жена на богат и учен мъж, тъкмеше се да иде на свой дом, да си реди къщата по своя воля, но не би (Карасл.).

Появление модальных глаголов или глаголов со значением начала, конца, продолжения действия не вносит принципиальных изменений в грамматические черты конструкции предикативного определения.

Часть вторая

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С ПРЕДИКАТИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ-ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

РАЗГРАНИЧЕНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО-ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

И ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО-ПРОСТОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Исследование конструкции предикативного определения с именем прилагательным так же, как конструкции с именем существительным, должно быть начато с разграничения синтаксических явлений, которое представляет собой предварительный этап при анализе закономерностей этой конструкции. В отличие от конструкции предикативного определения с именем существительным, в конструкции с именем прилагательным достаточно ясна синтаксическая функция каждого из составляющих ее трех элементов ввиду их противопоставленности как классов слов. Задача разграничения сводится в данном случае к отграничению конструкции предикативного определения от конструкции простого определения¹. Эта задача возникает в связи с появляющейся в известных языковых условиях формальной близостью между указанными конструкциями.

МЕСТО ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОРЯДКЕ СЛОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. СИНТАКСИЧЕСКИ ДВУСМЫСЛЕННЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

В болгарском языке в форме самих прилагательных нет разницы в зависимости от их предикативного и непредикативного употребления, и порядок слов составляет единственный показатель того, является ли интересующий нас элемент в предложении простым определением или предикативным.

---

¹ Интонация четко противопоставляет обособления простым и предикативным определениям, поэтому мы исключаем из нашего рассмотрения случаи обособлений.

Основным вариантом порядка слов в болгарском языке является порядок «существительное-подлежащее — глагол-сказуемое». Прилагательное-определение стоит перед определяемым существительным, а прилагательное-предикативное определение находится после глагола. Таким образом, основным вариантом порядка слов в предложении с простым определением является последовательность «прилагательное — существительное — глагол»: *Препълнените тропи се движеха съвсем бавно* (Веж.). Основным вариантом порядка слов в предложении с предикативным определением является последовательность «существительное — глагол — прилагательное»: *Старецът вървеше приведен*, слушаше го умилено и мълчаливо, и от време на време попишваше пазухата си, дето носеше парите (Е. П.).

Наряду с основным вариантом порядка слов в болгарском языке, где существует известная свобода порядка слов, возможен и обратный порядок, т. е. «глагол — существительное». При таком порядке глагола и существительного прилагательное, являющееся простым определением, занимая место перед определяемым существительным, оказывается между глаголом и существительным. Прилагательное, являющееся предикативным определением, занимая место после глагола, оказывается также между глаголом и существительным. Таким образом, при подобном порядке прилагательное, как в том случае, когда оно выступает в функции предикативного определения, так и в случае, когда оно выступает в функции простого определения, занимает одно и то же место в предложении, а именно стоит между глаголом и существительным. Следовательно, порядок «глагол — прилагательное — существительное» является синтаксически двусмысленным, например: *През железна заключена врата стои подхвърлен букет от свежи цветя* (Е. П.).

ЭЛЕМЕНТЫ С ФИКСИРОВАННЫМ МЕСТОМ В ПОРЯДКЕ СЛОВ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ФУНКЦИЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Для выяснения подобных случаев необходимо рассмотреть более подробно состав и закономерности расположения элементов в группе подлежащего и выделить на этой основе формальные показатели синтаксической функции прилагательного. Известно, что в группу существительного может входить не только одно прилагательное, но и дру-

гие определяющие элементы. В порядке расположения этих элементов относительно существительного и относительно друг друга имеются свои закономерности.

Наиболее регулярным элементом, определяющим существительное, является член. Употребление члена в группе существительного при наличии в этой группе прилагательного-определения сводится к следующим нормам: а) препозитивное прилагательное получает член определяемого слова; б) при нескольких препозитивных прилагательных член ставится у первого из них; в) при именах собственных, которые сами по себе не членуются, прилагательное член имеет.

На основе указанных норм можно сделать следующие выводы применительно к интересующему нас случаю стечения слов «глагол — прилагательное — существительное»: а) если член имеется не при прилагательном, а при существительном, прилагательное не входит в группу существительного; б) если прилагательное предшествует прилагательному с членом, оно не входит в группу существительного; в) в случаях, когда существительное есть имя собственное, отсутствие члена при прилагательном свидетельствует о том, что это прилагательное не входит в группу существительного.

Продемонстрируем сформулированные здесь положения на ряде предложений болгарского языка. В предложении «Не казваше ли той, че трябва да *се държи сух баругът?*» (Л. Стоян.) прилагательное *сух* идет непосредственно за глаголом и может быть расценено как предикативное определение. Но вместе с тем оно стоит перед существительным и вследствие этого могло бы быть понято как простое определение. Анализ порядка расположения элементов показывает, что в интересующей нас группе *се държи сух баругът* член имеется не при прилагательном, а при существительном. Следовательно, прилагательное *сух* является в данном предложении предикативным определением. Подобным же образом место члена свидетельствует о том, что в следующих предложениях прилагательные *свита*, *окъпани*, *учудена* выступают в функции предикативного определения: Високите кули на конака стърчаха самотни в синьото небе, широките чардаци стояха пусти, докато в голямата стая долу *седеше свита жената* и се вслушваше в бумтежа на пушките (Л. Стоян.); В кафенето срещу банята, край което два нъти в седмицата *минавала окъпани*

жените от града и гдето по тая причина се събираха сластолюбивите и наклонни към изневяра мъже, името на тая вдовица не беше произнесено (Е. П.); — Ху-ба-ва работа! — *дръпна се учудена арнаутката* (Жарасл.).

В противоположность этому в предложении «Над обекта *гаснат белите струи* на светлината» (Страндж.) группа «глагол — прилагательное — существительное» имеет член при прилагательном. Это значит, что прилагательное в ней выступает в функции простого определения.

Показательны следующие примеры с двумя рядом стоящими согласуемыми с существительным элементами: В сайванта *стояха вързани трите коня* на Муржу, но къде беше верният му вардиянин? (Л. Стоян.); В шествието един до друг *вървят унили и скучаюци тримата приятели*: Поров, Зигзагов и Поклоников, също известни личности, важни лица и висши чиновници по финансовите учреждения (Е. П.). Прилагательные в них можно было бы считать за однородные члены. Однако синтаксическая функция их в предложении различна. Одно из прилагательных в паре является предикативным определением, а другое входит в группу существительного в роли простого определения. Эти функции прилагательных легко установить на основе сформулированных выше правил. Рассматриваемые группы в этих предложениях имеют член не при первом, а при последнем прилагательном. Следовательно, прилагательные *вързани, унили, скучаюци* выступают здесь в функции предикативного определения. Сопровождаемые же членом слова *тримата, трите* входят в группу существительного как простые определения.

Случай «в», когда в рассматриваемой группе «глагол — прилагательное — существительное» на месте существительного выступает имя собственное, являются разновидностью вариантов «а». Однако формальным показателем синтаксической роли прилагательного оказывается не место члена, а наличие или отсутствие его вообще, так как в случаях предикативного определения, когда член должен был бы стоять при существительном, при имени собственном он опускается. Следовательно, в предложениях: Освен да почваме! — *върна се изпотен Жори*, който по тайната поръчка на Дица беше ходил чак дома му да го търси (Даск.); На балкона *излезе гологлав Ценко* и махна с ръка на Стойков, като поклати юмрук (Даск.) прилагательные *изпотен* и *гологлав* являются предикативными определе-

ниями, так как при них отсутствует член, в то время как в предложении *Върна се младия Жори*, где прилагательное сопровождается членом; это прилагательное *младия* выступает в функции простого определения.

Помимо члена, граница группы существительного может быть четко обозначена другими детерминаторами, которые занимают первое место в группе существительного. Таким образом, в случае порядка слов «глагол — прилагательное — существительное» место таких детерминаторов служит признаком, различающим предикативное определение и простое определение. Например, присутствие в группе существительного элемента *един* ясно отграничивает все, непосредственно входящее в эту группу, от того, что не относится к ней. Так, в предложении «Ерофим подига глава: под стряхата, гдето под всеки два дирека са заковани дъски за кафез на гълъбите, в една такава дупка *стои замислен един червен гълъб* и гука — вика другарката си» (Йовк.) элемент *един* занимает место перед вторым из двух интересующих нас прилагательных. Такой порядок означает, что первое прилагательное *замислен* стоит вне группы существительного и является предикативным определением, а второе прилагательное *червен* входит в эту группу и является простым определением.

Группа существительного нередко оказывается расширенной благодаря присутствию энклитик. Энклитики, обладая фиксированным положением, также служат четким показателем границ группы существительного. Энклитические притяжательные местоимения ставятся после одиночного существительного или же, если существительное имеет препозитивное определение, после этого определения. Таким образом, положение энклитики в случае расположения «глагол — прилагательное — существительное» есть, как член или другие детерминаторы, также четкий показатель границы группы существительного и, следовательно, критерий при оценке, является ли интересующее нас прилагательное простым определением или же оно стоит вне группы существительного и представляет собой предикативное определение. Практически в случае присутствия в группе существительного энклитик почти всегда присутствует и член, поэтому в действительности два элемента одновременно свидетельствуют о синтаксической роли слов.

Между прилагательным, сопровождаемым членом и энклитикой, и существительным могут присутствовать и другие однородные определения. Все они будут находиться в границах группы существительного, начало которой обозначено прилагательным, сопровождаемым членом и энклитикой. Но, как и в уже приводившихся примерах, два прилагательных, стоящих между глаголом и существительным, могут по синтаксической функции различаться между собой, т. е. одно из них может быть простым определением, а другое — предикативным.

Конкретно в языке это выглядит следующим образом. В предложении «На гърдите ѝ *стоеше полуживо двегодишното ѝ унуче*, сираче, болно от две недели насам» (Ваз.) имеется два прилагательных, расположенных между глаголом и существительным: *полуживо* и *двегодишно*. Такое расположение включает в себе возможность трактовать их как два простых определения к существительному *унуче*. Однако место члена и энклитики характеризует первое из прилагательных как не относящееся прямо к группе существительного и являющееся предикативным определением, а второе — как простое определение, входящее в эту группу².

ГЛАГОЛ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ- ПРЕДИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

СОСТАВ ГЛАГОЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИХ В КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ

Анализ состава глаголов конструкции предикативного определения с именем прилагательным и сравнение его с глаголами, выступающими в конструкции предикативного определения с именем существительным, позволяет видеть прежде всего полный параллелизм между этими дву-

² Отличие схем построения конструкции предикативного определения от схем построения конструкции простого определения более детально рассмотрено в книге: Рожновская М. Г. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М., 1970, где простые определения являются предметом полного синтаксического анализа.

мя разновидностями конструкции предикативного определения в области глагола *съм* и полужнаменателных глаголов.

В конструкции предикативного определения с прилагателным широко употребляется глагол *съм*: — Причината е мъртва, занасяме я да я заровим, но последствията са живи, недай боже, ако се размърдат и разкашлят (Е. П.); Тук улицата е безлюдна, и те вървят по средата (Е. П.); А днеска късметът беше лош (Е. П.); Тънките струи на млякото заудряха сухо и беззвучно най-напред, тъй като ведрата бяха празни (Йовк.); Сборичкването беше кратко защото Хаджи Петър се развика от чардака (Йовк.); Теленцето беше чистичко, розово (Йовк.); Гърмежите бяха редки, но упорити (Л. Стоян.); Известието не беше никак радостно (Л. Стоян.); Нима всичко можеше да се обясни с това, че войниците бяха боси, окъсани и ненахранени? (Веж.); Утрото бе студено, но ясно (Веж.); Новината наистина не беше малка (Веж.); Дворът беше тих, къщата тънеше в мрак (Карасл.).

Употребление различных полужнаменателных глаголов также является совершенно обычным:

бивам: Друг път тя биваше приказлива, сега мълчеше (Йовк.); — Не бивайте снизходителни заради доброто име на родителите му (Е. П.); Двата жребци ги държаха в най-тъмните ъгли на обора, защото колкото по-на тъмно стояха, толкова по-люти и по-буйни биваха, когато излезе-ха навън (Йовк.);

виждам се: И поради това тревогата на майка ѝ за вечерята ѝ се виждаше незначителна и дребнава (Карасл.); И в неговите очи кучето му се виждаше страшно (Йовк.); Тя му се виждаше много добра и умна (Карасл.); Окопите пред него му се видяха съвсем празни (Веж.); Но сега той ѝ се видя по-здрав, по-плещест (Карасл.);

изглеждам: Светлото му, широко, солидно построено лице изглеждаше съвсем спокойно (Веж.); Мъртва и глуха изглеждаше бялата равнина, като пустиня (Йовк.); — Бедната природа, колко нищожна изглежда пред него! (Е. П.); Подофицерът изглеждаше твърде обикновен за бойната си слава (Веж.); Очите му бяха замъглени и изглеждаха синкави (Йовк.);

изляза: — Въпросните зайци, които бяха сготвени по два начина, задушено и попска яхния, действително

излязоха вкусни (Е. П.); Той чувствуваше угризение на съвестта, че е излязъл глупав (Л. Стоян.); И наистина, той излезе прав (Е. П.); — И понеже ме е страх собствено мнение да си съставя, да не би погрешно да излезе, аз се ползвам от мнението на другите (Е. П.); Не беше помислила само как да подхване разговора и поради това всичко излезе принудено и малко комично (Карасл.)

окажа се: Паспортите им се оказаха нередовни (Йовк.); Втора рота... изведнаж се оказа откъсната и изолирана в немския тил (Веж.);

оставам: То е тъй, гладни няма да останем... (Йовк.); ...той се радва, защото е останал свободен (Йовк.); Докато Ая бягаше насам-нататък, черната кобилка оставаше по-спокойна, по-сдържана (Йовк.); — Остави се, господин поручик, днеска гладен си останах... (Веж.); И Станка шетата неуморно и чевръсто, готова да даде половината от живота си, само за да остане той доволен (Карасл.);

падам: Това е, че моята Тодора малко мързелива пада... (Веж.);

показвам се: И той трябваше сега да се преструва, да се показва спокоен (Ваз.); Прекрасната легенда ти се показва още по-поетическа (Ваз.);

почувствувам се: Дойдоха двете големи деца на Синапа и Кара Феиз се почувствува истински нещастен при вида на тия весели главички (Л. Стоян.); ...неговото открито и дружелюбно лице го накара да се почувствува изведнъж разведрен и спокоен (Веж.);

случа се: ...нощта се случи студена, валеше лапавица (Йовк.); А като мина нощта — тя се случи студена, дъждовита... (Йовк.);

смятам се: Който го е страх или се смята некадърен и слаб, нека се върне навреме (Л. Стоян.);

ставам: По-нататъшното напредване бе станало невъзможно и безсмислено (Веж.); Но тя като че ставаше още по-пъргава, по-съобразителна и по-неуморна (Карасл.); Хлябът ставаше клисав, черен като кал, горчив (Л. Стоян.); Веднаж да се отбият от скалите, после задачата ставаше по-лесна (Л. Стоян.); И колкото по-високо се издигаше тя, толкоз по-високо ставаше небето (Е. П.);

сторя се: — Стягаме се, — отвърна тя, и нейният мил глас сега се стори на Тъкачев по-мек и по-мелодичен

(Карасл.); Изведнѣж ношта му се стори почти пролетна (Веж.); Всичко им се стори каточе излязло от земята, сега създадено, ново, необикновено (Йовк.); Така, без градските дрехи, без шапката и връзката, той ѝ се стори по-прост, по-близък, по-свой (Карасл.); Сетне се успокои, и всичко, което беше написано, ѝ се стори глупаво, просто и отдавна познато (Карасл.);

струвам се: ...колко светъл би му се струвал светът, ако така спокойно и свободно можеше да се разходи със Станка (Карасл.); Смъртта му се струваше неестествена и несправедлива, но не се страхуваше от нея (Веж.); — Новината не ви ли се струва важна? (Веж.); ...тук записваше всички случки и факти от семейния и обществен живот, които му се струваха важни (Карасл.); ...всичко им се струваше толкова ясно и просто, че се чудеха как не са могли да го открият до сега (Веж.);

улуча се: ...невястата се улучи хрисима и работлива, пък и цяла кола покъщнина им донесе (Карасл.);

усещам се: Усещам се добър, почти невинен веч (Ваз.); И макар че ѝ беше тежко, макар че се усещаше угнетена, отпаднала и самотна, тя се смееше високо и крѣшно... (Карасл.);

чувствувам се:— Не се ли чувствуваш виновен за нещо? (Веж.); Но Марина се чувствуваше още по-виновна и поради това дори не смееше да го погледне (Карасл.); ...изразът на лицата им подсказваше, че далеч не се чувствуват спокойни (Веж.); Сам той нямаше в торбата си троха хлѣб и от недояждане се чувствуваше мекушав и отслабнал (Л. Стоян.); На Кръстя се искаше да се скара на жена си ...но сърце не му даваше, защото и сам се чувствуваше виновен (Карасл.);

явявам се: ...убеждавам се, че колкото по-мизерна и по-невежа се явява една личност, толкова по-здорово-словно се чувствува и здраво поколение ражда (Е. П.).

Если сравнить данный список полужнаменательных глаголов, употребляющихся в конструкции предикативного определения с именем прилагательным, с приводившимся на с. 138—140 перечнем полужнаменательных глаголов, употребляющихся в конструкции предикативного определения с именем существительным, то можно видеть, что они почти полностью совпадают. Исключение составляют лишь такие глаголы, как *казвам се*, *наричам се*, которые ввиду специфики своего лексического значе-

ния выступают только в конструкции предикативного определения с именем существительным.

Как и в конструкции предикативного определения с существительным, глагольная часть конструкции предикативного определения с прилагательным может включать в себя глаголы со значением начала, конца, продолжения действия *взема, започна, продължавам* и др., например: — Само от няколко години напоследък взех да се чувствавам смел, и не чувствавам никакъв страх (Е. П.); И неговият образ започна да ѝ става близък (Карасл.); Само капиллярите продължаваха да бъдат прекалено чувствителни, но въпреки всичко той бе як, жилив и усърден (Веж.).

Глагольная часть конструкции предикативного определения с прилагательным может содержать и модальные глаголы. Особенно широко распространено употребление глаголов *мога* и *трябва*: Роденият от една майка, който може да ти стане умразен, ако отиде там, където са враговете ти (Веж.); — Те могат да бъдат и добри и лоши — зависи от условията (Веж.); — Не можем да бъдем и много зли, защото се боим едни от други (Е. П.); Но все пак той не може да бъде достатъчно безпристрастен по един въпрос, в който лежи съдбата на жените (Е. П.); И можеше ли да бъде спокойна в такъв момент? (Карасл.); В същност и двете момичета не помислиха, че такъв важен, наперен мъж може да бъде стар (Карасл.); Пред бащата стоеше вече синът, който си вадеше хляба и можеше да бъде напълно самостоятелен (Карасл.); Но нямаше как, Станка трябваше да изглежда весела и да се прави, че нищо не забелязва (Карасл.); Ръката му нервно дърпаше мустака, докато си спомни, че хората му го гледат и че пред тях трябва да бъде спокоен (Л. Стоян.); Затуй това наказание трябваше да бъде жестоко, нечувано (Л. Стоян.); — Трябва да бъдеш по-бдителен (Веж.); Трябва да бъдеш еднакво критичен към всички, а не само към другарите си (Веж.); — Но и вие от своя страна трябва да бъдете търпелив и внимателен... (Веж.); Думите в това писмо трябваше да бъдат ясни, силни, убедителни за да сразят стария адвокат (Карасл.); ...и ето че работите се слагаха другояче и той трябваше да бъде честен и последователен пред тези добри хора (Карасл.).

Наряду с глаголами *мога* и *трябва*, хотя и реже, чем они, употребляются также другие модальные глаголы:

мисля, мъча се, обещавам, искам, старая се и т. п. В качестве примеров можно привести следующие предложения: — Никого не съм мислил да ставам прочут (Е. П.); ...— прекъсна го поручикът, като се мъчеше да изглежда строг (Веж.); Староселска се мъчеше да бъде весела и фамилиарна, но ситното ѝ подскачане по остърганата, изгоряла и побеляла трева и пресилените ѝ ръкомахания не внесоха никакво оживление в малката компания (Карасл.); ...той гледаше с горчива усмивка хората си и се мъчеше да бъде спокоен (Л. Стоян.); Като се сдържаше да не избухне в лични обиди, Тъкачев се помъчи да бъде принципиален (Карасл.); Тя обещаваше да бъде единствена по своята особеност (Е. П.); Помощник-командирът вече тичаше съвсем прав към района на изостаналата рота с лице, което не обещаваше да бъде любезно към никого (Веж.); Синап знаеше, че ще дойде и неговият час, затова искаше да бъде готов с хората си, да намери съюзници, да даде отпор (Л. Стоян.); Тя искаше да бъде спокойна, но не можеше да намери вътрешна сила в себе си (Е. П.);— И аз искам да съм по-свободен... като тебе (Е. П.); А Тъкачев искаше да бъде не само самостоятелен, но и оригинален (Карасл.); Бе съвсем очевидно, че се старая да изглежда колкото е възможно по-стегнат и да козирува колкото се може по-правилно (Веж.).

Вместе с тем анализ глагольной части конструкции предикативного определения с именем прилагательным обнаруживает значительное отличие ее от глагольной части конструкции предикативного определения с именем существительным в области полнозначенательных глаголов. Это отличие обусловлено не только большей употребительностью полнозначенательных глаголов в конструкции предикативного определения с прилагательным, но и более широким кругом этих глаголов и их грамматическими характеристиками.

ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

1. Рассматривая вопрос о разграничении конструкции предикативного определения с именем прилагательным и конструкции простого определения, мы опирались на случаи употребления предикативного определения при гла-

голе *съм*, полужнаменательных глаголах и группе полнознаменательных непереходных глаголов движения и состояния. Проведенный анализ позволил сформулировать основные принципы построения конструкции предикативного определения с именем прилагательным и выделить критерии, на основе которых можно теперь рассмотреть еще целый ряд сочетаний полнознаменательных глаголов с прилагательными, которые также представляют собой конструкции предикативного определения, хотя глаголы в них не относятся к непереходным глаголам движения или состояния.

Разберем предложение «*Войниците го гледаха поразени*» (Веж.). Здесь имеется согласованное с подлежащим прилагательное *поразени*. Расположение слов соответствует основному варианту порядка слов в болгарском языке: «существительное-подлежащее — глагол-сказуемое». Место прилагательного является характерным для предикативного определения и ярко противопоставлено позиции простого определения: прилагательное стоит здесь после глагола, в то время как в функции простого определения оно стояло бы перед существительным-подлежащим и предложение имело бы вид: «Поразените войници го гледаха». Таким образом, квалификация прилагательного *поразени* как предикативного определения не может вызывать сомнения.

Вместе с тем глагол этого предложения *гледаха* является переходным, в чем не может быть сомнения, так как при нем стоит прямое дополнение *го*, т. е. перед нами случай предикативного определения при переходном глаголе. Другая особенность этого глагола состоит в том, что он по своему лексическому значению не принадлежит к группе глаголов движения и состояния.

Не является простым определением и прилагательное *зачудени* в предложении «— Каква е тая работа, кмете? — *питаат го зачудени селяните*» (Е. П.), в котором в качестве сказуемого выступает переходный глагол *питаат*, также не относящийся к глаголам движения и состояния. Анализ расположения элементов в данном предложении показывает, что оно имеет порядок слов «глагол — прилагательное — существительное», при котором возможна синтаксическая омонимия, т. е. толкование прилагательного и как простого и как предикативного определения. Действительная функция этого прилагательного определяется пу-

том выявления границы группы существительного. Четким показателем этой границы является в рассматриваемом случае место члена. Член стоит в предложении при существительном *селяни*, указывая, что *зачудени* не входит в группу существительного, а является предикативным определением. Сомнения в переходности глагола *литат* отвергаются присутствующим в предложении прямым дополнением *го*.

Среди предикативных определений подлежащего при переходных глаголах также возможны различные варианты места члена, как это мы наблюдали среди предложений с предикативным определением при непереходном глаголе. Так, в предложении «Че какво като е войната? — *погледна го учудена старата Тъкачева*» (Карасл.) член также служит показателем границы группы существительного и, таким образом, характеризует прилагательное *учудена* как предикативное определение, не входящее в эту группу. Разница между этим предложением и предыдущим заключается только в том, что член здесь стоит не при самом существительном, а при прилагательном, имеющемся перед существительным и входящем в его группу как простое определение. Отличие приведенной конструкции от приводившихся в предыдущем разделе случаев предикативного определения при непереходных глаголах состоит только в том, что глагол в ней является переходным и имеет при себе прямое дополнение *го*.

Еще одним вариантом предложений, где обозначение синтаксической функции прилагательного связано с членом, является предложение «Защо да е смешно? — *изгледа го учудена Станчева*» (Карасл.). Здесь подлежащим является имя собственное, а стоящее перед ним прилагательное *учудена* не имеет члена. Таким образом, и здесь наблюдается параллелизм между построением конструкции предикативного определения с непереходным глаголом и данным предложением. Вместе с тем глагол приведенного предложения имеет переходный характер, свидетельством чего является присутствие при нем прямого дополнения — энклитики *го*.

Как уже указывалось, четким сигнализатором границы группы существительного является, наряду с членом, и энклитика, место которой дает основание судить о функции прилагательного при синтаксически двусмысленном порядке слов «глагол — прилагательное — существ-

вительное». В предложении « — Да попарим яйца със сирене? Какво ще кажеш? — *гледаше* я *развълнувана майка ѝ*» (Карасл.) расположение глагола, прилагательного и существительного само по себе не обнаруживает синтаксической функции прилагательного *развълнувана*, однако двусмысленности здесь нет, так как при существительном имеется энклитика, место которой характеризует как первое слово группы существительного само существительное *майка* и этим указывает, что слово *развълнувана* стоит вне этой группы. Отсутствие члена после слова *майка* не может быть основанием для сомнения в правильности такой квалификации. В данном случае мы имеем дело с последовательным наложением двух грамматических норм. С одной стороны, существует общая норма употребления члена при существительном; с другой — норма употребления члена при именах родства предусматривает опущение члена при некоторых из них, если за ними следует энклитическое притяжательное местоимение. К их числу относится и существительное *майка* из рассматриваемого предложения. Таким образом, можно считать здесь член присутствующим, но в нулевой форме, вызванной частной разновидностью имени существительного.

Итак, прилагательное *развълнувана* однозначно определяется как предикативное определение подлежащего *майка*. Глагол же в этом предложении является переходным и имеет при себе прямое дополнение *я*.

В болгарском языке указанные нами предложения не являются единичными случаями отклонения от общей нормы. Это только примеры широко развитого в языке явления. Приведем еще ряд подобных предложений с предикативным определением подлежащего при переходном глаголе: *Тъкачев я гледаше втречен* и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.); — Но защо не ми каза... още като дойде? — *упрекна* го дълбоко *развълнуван Борис*, като го гледаше с някаква плаха надежда (Карасл.); — Не съм ли много строг, *попита* се *смутен бащата*, защото си спомни за трагични любовни истории с такива затворени младежи, чиито родители е осъждал за тяхната духовна слепота (Карасл.); *Тя съзна смазана* всичко това и стана да си върви, но той я спря неочаквано (Дим.); *Той* изпусна пижамата и ги *загледа безпомощен* (Даск.); *Иванчо изгледа настръхнал* Мунча (Ваз.); — И за мене ли каза той? — *посочи* се *тя учудена* (Карасл.); — Ой, на баба

юнакът! — *заклати* *тя* *доволна* глава заради това, че първият ѝ внук започваше вече да пакости (Карасл.); Синап изгледа с бърз поглед човека с корема, защото коремът най-силно го караше да го *отмине* *погнусен*, но онзи дигна ръка с заплаха и кресна: — Куче! (Л. Стоян.); Боян мислеше да си отиде и каже на жена си, но *Васил* го *спря* *разтревожен*: — А бе, викат ни в Лютидол, ти *знаеш* ли? (Даск.); *Тъкачев* *хапеше* *смутен* устната си (Карасл.); Старият *адвокат* *чакаше* *наежен* сина си, приготвил кратка, но много силна унищожителна обвинителна реч (Карасл.).

2. Круг полнознаменательных глаголов, употребляющихся с предикативным определением-прилагательным, как уже можно было видеть по приведенному материалу, весьма своеобразен не только с точки зрения грамматических черт глагола, но и с точки зрения их лексического значения.

Среди глаголов, которые, подобно глаголам движения и состояния, употребляются с предикативным определением, выделяется прежде всего группа глаголов речи: *викам*, *възкликна*, *говоря*, *заговоря*, *извикам*, *изкрещя*, *измърморя*, *изпищя*, *изрева*, *изругая*, *казвам*, *кряскам*, *обаждам се*, *отвърна*, *отговарям*, *пея*, *питам*, *пищя*, *повторя*, *пошушна*, *прибавя*, *развикам се*, *разрева се*, *разсъждавам*, *река*, *скимтя*, *съобщя*, *упрекна*, *шушукам* и др. Примерами употребления таких глаголов с предикативным определением могут служить следующие предложения: *Момчето се сепна*, *изправи се* и *отвърна* *зачервено*: — Муржу си взе торбата и *замина* *нагоре*... (Л. Стоян.); — *Каква е тая работа*, *кмете?* — *питат* го *зачудени* селяните (Е. П.); — *Но защо не ми каза* ...*още като дойде?* — *упрекна* го *дълбоко* *развълнуван* Борис, *като* го *гледаше* с *някаква* *плаха* *надежда* (Карасл.); «*Не съм ли много строг?*», *попита* се *смутен* бащата (Карасл.); — *Броени*, — *повтори* той *смутен*, *защото* *знаеше*, че *решителните* *минути* *настъпват* (Карасл.); *Зетят* му *помагаше* и *пищеше* *недоволен*: — *Ако* *бяхте* *хора*, *щяхте* да *впрегнете* *конете* и да ни *закарате* до *спирката* (Даск.); *Разсъждаваха* *загрижени*: — *Да пратим* *хора* в *Стамбул?* (Л. Стоян.).

Другая группа охватывает глаголы мысли: *замисля се*, *помисля*, *припомня си*, *съзная* и др., например: «*Ето, сега ще ревне!*» — *помисли* си *угнетен* Пинтата (Карасл.);

Кръстю се замисли начумерен (Карасл.); Той си припомни почти натъжен, че така сам и стеснен бе стоял преди много години в двора на градското училище (Веж.); Тя съзна смазана всичко това и стана да си върви, но той я спря неочаквано... (Дим.).

Еще одну группу составляют глаголы чувства: *взирам се, видя, гледам, загледам, зяпам, изгледам, оглеждам се, озъртам се, поглеждам, позагледам, слушам, спогледам се* и др., например: Заранта, обаче, когато Селямсъзът видял пред вратнята си куп дечурлига, които зяпали учудени пред обесения гръбнак... (Ваз.); Иванчо също се озърташе замаян и в нерешителност (Ваз.); Той изпусна пижамата и ги загледа безпомощен (Даск.); Иванчо изгледа настръхнал Мунча (Ваз.); Тъкачев я гледаше втрещен и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.).

Способность сочетаться с предикативным определением присуща еще целому ряду глаголов болгарского языка, не вошедших в указанные группы. Некоторые из них, например, обозначают различные движения и действия человека, связанные не с перемещением, а направленные на другой предмет. Среди них можно указать такие глаголы, как *взема, забарабаня, посоча, потупам, ровя се, сека, хвърлям* и т. п.: Бойченко изведнъж млъкна и забарабани замислен по масата (Веж.); Те взеха смутени по едно бонбонче и станаха (Карасл.); Бай Ради и Трендафилчо хвърлят въдиците мълчаливи, съсредоточени в тапите, гледат насреща усамотейното царство на Пасуна... (Е. П.);— Той ми трябва! — каза троснато старецът като продължаваше да се рови наведен в папката, натъккана с някакви листчета (Карасл.); Хаджи Смион сече намусен (Ваз.);— И за мене ли каза той? — посочи се тя учудена (Карасл.).

Приводившиеся примеры конструкции предикативного определения, в которых выступают полнозначительные глаголы указанных лексических групп, в том числе и переходные, идентичны конструкциям предикативного определения с глаголами движения и пребывания в состоянии не только по своему формальному построению. Всем этим конструкциям присуще характерное для предикативных определений грамматическое значение признака, возникающего вместе с действием или посредством его.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВНУТРИ ГЛАГОЛОВ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В предыдущем разделе было указано на широкое употребление предикативных определений-прилагательных при полнознаменательных глаголах. При дальнейшем анализе материала наблюдаемое явление предстает, однако, как вторичное, связанное с существованием в болгарском языке особой категории слов — приглагольных прилагательных.

Первый шаг анализа состоит в попытке взаимной замены глаголов в различных предложениях, содержащих конструкцию предикативного определения с прилагательным. Примером предложений может служить следующая группа:

- (1) Вакрил беше пременен, стегнат и избръснат (Карасл.);
- (2) — Или искаш да тръгна парцалива? (Карасл.);
- (3) При шумния пангар, в тронове, стояха облечени в богати дълги кожуси първенците (Ваз.);
- (4) Аго гледаше смаян (Йовк.);
- (5) Чичо Продан слушаше захласнат... (Карасл.);
- (6) Хаджи Смион сече намусен (Ваз.);
- (7) Другият поглеждаше навъсен... (Йовк.).

Такая попытка замены показывает, что не все глаголы приведенных примеров обладают способностью взаимной заменяемости. Например, попытка поставить на место глагола *съм* в предложении (1) глагол *стоя* из предложения (3) и глагол *гледам* из предложения (4) убеждает, что в одном случае замена возможна (в результате ее получается обычное для болгарского языка предложение «Вакрил стоеше пременен, стегнат и избръснат»), а во втором невозможна (последовательность слов «Вакрил гледаше пременен, стегнат и избръснат» не соответствует нормам болгарского языка). Таким образом, обнаруживается, что внутри группы глаголов, употребляющихся с предикативным определением, существует дальнейшая дифференциация.

Взяв в качестве образца исследуемой конструкции предложение (1) из приведенного списка и подвергнув пробе замен все глаголы, представленные в этом списке, нетрудно увидеть, что место глагола *съм* может быть за-

полнено глаголами *тръгна, стоя*. Остальные глаголы не могут заместить глагол *съм*, так как введение их нарушает грамматичность предложения:

Вакрил беше пременен, стегнат и избръснат.

тръгна
стоеше

гледаше
слушаше
сече
поглеждаше

Эта картина не является чем-то специфичным для конкретного окружения, представленного в рассмотренном примере. Попытка замены глагола в других предложениях приводит к тем же результатам. Так, в предложении (2) на место глагола *тръгна* могут быть поставлены лишь те глаголы, которые могли замещать глагол *съм* в предложении (1). Как и в первом примере, из числа возможных замен оказываются исключенными глаголы *гледам, слушам, сека, поглеждам*:

Или искаш да тръгна парцалива?

съм
стоя

гледам
слушам
сека
поглеждам

Ту же дифференциацию среди глаголов, выступающих с предикативным определением, обнаруживает и попытка замещения глагола в предложении (3):

...стояха облечени в богати дълги кожуси първенците.

бяха
тръгнаха

гледаха
слушаха
сякоха
поглеждаха

Регулярность этого расслоения глаголов приводит к выводу, что предложения (1), (2), (3) содержат определенный тип глагольного окружения, обуславливающий такую дифференциацию. В рассмотренных примерах этот тип окружения представлен прилагательными *пременен, стегнат, избръснат, парцалив, облечен*.

Можно говорить, таким образом, что по отношению к этому окружению все глаголы, употребляющиеся с предикативным определением, распадаются на две группы: 1) глаголы, которые свободно сочетаются с данным окружением; 2) глаголы, которые не сочетаются с данным окружением.

Группа глаголов *гледам, слушаю, сека, поглеждаю*, выделенная пока на основе пробы сочетаемости с прилагательными типа *пременен, стегнат* и т. п., характеризуется не только тем, что она не выступает в данном окружении. Исследование показывает, что эта закономерность дополняется одинаковым отношением этих глаголов к окружению другого типа.

При попытке замены глагольной части в предложении (4) можно видеть, что на место глагола *гледам* возможна подстановка любого глагола из этой группы:

Аго гледаше смаян.

слушаше

сече

поглеждаше

Такое же положение наблюдается и при замене глагольной части в предложениях (5), (6), (7):

Чичо Продан слушаше захласнат...

гледаше

сече

поглеждаше

Хаджи Смион сече намусен.

гледаше

слушаше

поглеждаше

Другият поглеждаше навъсен...

гледаше
слушаше
сече

Таким образом, в противоположность первому типу окружения, в котором глаголы *гледам, слушам, сека, поглеждам* не употребляются, существует другой тип окружения, для которого характерно употребление с данными глаголами. Этот второй тип окружения включает в себя встречавшиеся в рассмотренных примерах прилагательные *смаян, захласнат, намусен, навъсен*.

Сказанное может быть суммировано следующим образом. Как глаголы, так и прилагательные конструкции предикативного определения на основе взаимозаменяемости распадаются на две группы. Для глаголов группы *съм, тръгна, стоя* характерно употребление с прилагательными *пременен, стегнат* и др.; группа глаголов *гледам, слушам* и т. п. не сочетается с прилагательными *пременен, стегнат* и т. п. и выступает только в окружении прилагательных типа *смаян, захласнат*.

СВЯЗОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ И СОЧЕТАЕМЫЕ С НИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1. Привлечение широкого языкового материала показывает, что состав первой группы глаголов довольно обширен. Она включает в себя прежде всего глаголы, известные в грамматиках как глаголы с ослабленным лексическим значением (см. с. 149—151).

К этой группе относится еще целый ряд глаголов, отделяемых в грамматиках от уже перечисленных на основе их полнознаменательного характера. Мы имеем в виду глаголы:

бликам: Водата под кичестия чинар бликаше неудържима и пенлива (Л. Стоян.); *бумтя*: Ето я мелницата, стои в студената утрин, бумти опрашена, работлива, лапа хорската храна (Даск.); *бълбуча*: ... и както струите на планинските потоци бързат и бълбучат устремени, така и думите му рукнаха... (Даск.); *вися*: Скалите висяха студени и застрашителни, високо над тях се виеха орли (Л. Стоян.); *връщам се*: После след два-три дни сам прати да го повикат, но той не дойде, а по-рано се връщаше примирен (Даск.); *вървя*: Пророкът вървеше бос по

неравната каменна настилка на улиците (Е. П.); *газая*: Жените... не газеха боси из прахоляците и миризливите селски торища (Карасл.); *грея*: Небето грее ведро, очищено от набрашнавените облачета (Даск.); *дойда*:— Остави им, те ще си дойдат гладни като вълци (Карасл.); *живея*: Отец Никодим живееше самотен в малката си стаичка (Е. П.); *заспивам*: ...децата заспиха по синорите гладни и жадни, забравени, непогалени (Карасл.); *излитам*: Пушекът излиташе бял и мек от комините (Даск.); *излиза*: —Изведнаж се сети, говедото, повърна се, излезе гологлав на нартиката... (Ваз.); *изплувам*: Така Щърка... изплува най-после невредим и чист на началническото място (Даск.); *легна*: ... той се домъкна до кревата и легна облечен (Карасл.); *лежа*: ... той лежеше жълт и немощен в командния блиндаж и тихо пъпкеше (Веж.); *минувам*: А веднъж би до смърт богатия турчин Емексиз-ага, задето минуваше въоръжен през българско място (Ваз.); *муча*: Добичетата мучеха гладни и те ги запрягаха да си ходят (Даск.); *мълча*: Моторът мълчеше мъртъв (Даск.); *отида*: — Вдигам пушката, стрелях му — не улучих, отиде си жив и здрав (Е. П.); *откривам се*: ... мелницата се откриваше по-мощна, отколкото преди (Даск.); *падам*: Те падат мъртви, покосени от съчмите, като малки парцалчета (Е. П.); *повлекасе*: Както есенните мъгли се повлякоха студени и разпокъсани по полето... (Даск.); *полегна*: Тревата полегна опърлена (Даск.); *пораста*: — Голяма да порастеш и да се учиш добре (Карасл.); *промъкна*: Планът му не сполучи, разбойникът се промъкна невредим (Л. Стоян.); *пълзя*: ... тая тиха, малка река ... пълзи към падалището алчна, ненаситна (Даск.); *пържа се*: Знаем, Ибрахим ага, че изпълняваш закона на аллаха, затова си оставил жена ми и децата ми да се пържат живи на огъня! (Л. Стоян.); *работя*: Тя работеше боса, разчорлена (Карасл.); *седя*: Младите учители и учителки седят разпръснати из стаята, всеки зает с нещо (Е. П.); *ситня*: Двете жени ситнеха боси зад колата и си приказваха тихичко (Карасл.); *скачам*: Реката прелива през яза, скача бяла и пенеста по праговете на улея (Даск.); *скитам*: А сега — какво го чака? Да скита немил-недраг, да го търсят царските чиновници, да го оглеждат заптии и чауши (Л. Стоян.); *стоя*: — После до края на пътуването стояха гладни (Веж.); *съскам*: ... да се пази от тънкия вятър, който

съскаше невидим (Л. Стоян.); *тека*: Животът си течеше такъв, какъвто е бил винаги (Е. П.); *тръгна*: — Или искаш да тръгна парцалива? (Карасл.); *тръшкам се*: ...после върти лениво глава наоколо, избира добра сянка и се тръшка сит да се наспи (Даск.); *увисна*: Върбите увиснаха пожълтели (Даск.); *хвърля се*: Там той се хвърли неразсъблечен върху леглото (Велк.); *ходя*: А освен това значителна част от войниците ходеха кажи-речи боси (Веж.); *хукна*: Отведнъж хукна гол с дрехите под мишка... (Даск.); *цапам*: Иван цапаше бос в горещата пепел на тесния междуселски път (Карасл.); *шумя*: Шуми Искъра буен и мътен, пенят се водите му по камъните (Е. П.); *явя се*: На другия ден Еникий се яви пред братята блед, тъжен и с отчаян вид (Е. П.).

Важно подчеркнуть, что с точки зрения интересующего нас признака употребления в одинаковом окружении не существует принципиальной разницы между группой глаголов с ослабленным лексическим значением и указанной группой полнознаменательных глаголов. Граница между глаголами с точки зрения их взаимозаменяемости не совпадает с границей разделения глаголов по признаку полноты лексического значения³.

2. Группа прилагательных, употребляющихся с рассмотренной группой глаголов, чрезвычайно обширна. Характеризуя ее границы, можно говорить, что в состав этой группы входят все прилагательные языка, так как любое прилагательное, совместимое по своей лексике с глаголом и с существительным-подлежащим предложения, может употребляться как предикативное определение с названными глаголами. Например, в следующем предложении с глаголом *стана* на место предикативного определения могут быть подставлены любые прилагательные, совместимые с другими элементами предложения: Лицето на помощник-командира отново стана сурово (Веж.) — равным образом *весело, сериозно, бледо, зелено, младо* и т. д.

³ Как можно видеть, рассматриваемая группа глаголов содержит как глаголы с ослабленным лексическим значением, так и полнознаменательные. Вторая группа глаголов, как будет показано, включает в себя только полнознаменательные глаголы. По признаку употребления в одинаковом окружении вся масса полнознаменательных глаголов, таким образом, распадается на две части. Одна часть таких глаголов примыкает к глаголам с ослабленным лексическим значением и образует с ними единую группу. Другая образует самостоятельную вторую группу.

Трудно дать примерный список слов этой группы, т. е. хотя и не включающий все словарное многообразие группы, но отражающий основной состав ее и полезный для иллюстрации ее границ. Однако все же небесполезно привести хотя бы небольшой перечень, так как это сделает более наглядным описание различий, существующих между данными прилагательными и той особой группой прилагательных, которая будет рассмотрена в последующих разделах.

Подобный перечень можно составить из тех прилагательных, которые встречаются в данных на с. 149—151 примерах с глаголами ослабленного лексического значения, а также в только что приведенной группе примеров с полнозначенательными глаголами движения или состояния: *мъртва, живи, безлюдна, лош, празни, кратко, чистичко, розово, рядки, упорити, радостно, боси, окъсани, ненахранени, студено, ясно, малка, тих, добри, скъпа, приказлива, снизходителни, по-люти, по-буйни, незначителна, дребнава, страшно, добра, умна, празни, по-здрав, по-плещест, спокойно, глуха, нищожна, обикновен, замъглени, синкави* и т. д.; *неудържима, пенлива, опрашена, работлива, устремени, застрашителни, примирен, ведро, самотен, гладни, жадни, забравени, непогалени, бял, мек, гологлав, невредим, чист, облечен, жълт, немощен, въоръжен, по-мощна, разпокъсани, опърлена, голяма, невредим, алчна, ненаситна, разчорлена* и т. д.

3. Анализ состава рассмотренной группы глаголов и группы прилагательных позволяет охарактеризовать их с точки зрения классов слов болгарского языка.

Глаголы исследуемой группы всегда особо отмечаются в грамматиках. Это так называемые связочные глаголы.

Такие выделяемые из всей массы глаголов слова, объединяясь с другими глаголами на основе ряда общих черт в общий разряд глаголов, имеют особое свойство, отсутствующее у всей массы глаголов в целом — они употребляются с прилагательным (или существительным), выполняющим функцию предикативного определения. Указанное свойство, отделяя эти слова от других глаголов, дает основание говорить о существовании особой грамматической категории⁴.

⁴ Внутри глаголов, выделяемых по позиционному признаку употребления в сопровождении прилагательных, традиционные грамматики проводят деление на основе признака ослабле-

Традиционные грамматики лишь лаконично указывают на то, что связочные глаголы употребляются в сопровождении прилагательных, не давая при этом более подробного описания прилагательных. Такой подход понятен, так как группа прилагательных, выступающих со связочными глаголами, не включает в себе чего-нибудь нового по сравнению с общей группой прилагательных языка, получающей всю необходимую характеристику в соответствующих разделах грамматик.

Структуральные грамматики в целом оперируют теми же данными, что и традиционные, однако структуральный анализ имеет преимущество. В соответствии с принципами этого анализа две группы слов, одна из которых употребляется в одном окружении, а другая — в другом, могут квалифицироваться как один класс слов лишь тогда, когда набор слов первой группы и набор слов второй группы совпадают. Только в таком случае говорится об одном классе слов, а употребление этих слов в разных окружениях рассматривается как наличие у одного класса двух функций в предложении. При отсутствии совпадения конкретных наборов слов первой и второй групп каждая из них квалифицируется как отдельный класс.

Следовательно, когда структуральные грамматики, характеризуя связочные глаголы, пишут, что таковыми являются глаголы, выступающие с классом слов А (прилагательными), и употребляют тот же самый индекс А для обозначения слов, выступающих перед существительным, это значит, что наборы слов перед существительным и после глаголов совпадают.

ния лексического значения: 1) глаголы с полной потерей лексического значения; 2) глаголы с ослабленным лексическим значением (так называемые полужнаменательные); 3) глаголы с полным лексическим значением (так называемые полнознаменательные). При таком разделении термином «связочные» называются обыкновенно либо первая и вторая группы, либо только первая, а о полнознаменательных глаголах говорится, что они лишь употребляются в роли связочных. Таким образом, термин «связочные глаголы» включает в себя два значения: им обозначается, с одной стороны, позиционный признак употребления с прилагательными, с другой — лексическая градация глаголов. Эта двойственность термина «связочные глаголы» может вызывать смещение этих разных понятий. В нашей работе под термином «связочные глаголы» в дальнейшем понимается лишь способность употребляться в сопровождении прилагательных.

В свете изложенного, указание грамматик, что связочные глаголы употребляются с прилагательными, следует понимать в том смысле, что эти глаголы употребляются с тем же набором слов, который выступает при существительных. Такая более строгая формулировка дает, как будет видно дальше, важный критерий для раскрытия внутренних закономерностей болгарских конструкций предикативного определения с именем прилагательным.

Приведенная здесь краткая характеристика категории связочных глаголов позволяет видеть, что глаголы рассматриваемой группы действительно полностью соответствуют признакам этой грамматической категории. Они представляют собой часть всей массы глаголов болгарского языка, характеризующуюся, как видно по описанию выше, употреблением с тем же набором слов, который выступает при существительных. По конкретному составу глаголов рассматриваемая группа подобна группам связочных глаголов во многих других родственных языках.

При характеристике связочных глаголов фактически уже была охарактеризована и группа прилагательных, с которыми они выступают. Однако для четкости дальнейшего изложения необходимо дать итоговое определение этой группы. Она представляет собой тот же набор слов, который выступает при существительных, т. е. является общим классом прилагательных.

ПРИГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И СОЧЕТАЕМЫЕ С НИМИ ГЛАГОЛЫ

1. Вторая группа прилагательных, характеризующаяся способностью выступать с глаголами типа *гледам, слушам*, связана с грамматическим явлением, которое до недавнего времени оставалось вне поля зрения болгарской грамматики. Эта группа, хотя состав ее строго ограничен, весьма обширна. Сюда входят прилагательные: *бесен*: — Лъжеш, магарски сине! — изрева баца му бесен, като изглеждаше стените (Ваз.); *безпомощен*: Той изпусна пижамата и ги загледа безпомощен (Даск.); *благодарен*: Свикваше различни птички от гората..., а те го слушаха благодарни (Е. П.); *бодър*: Накара го, та се разписа на писмото... и добави бодър, предизвикателно усмихнат... (Даск.); *весел*: Възседна ангелът весел камбаната

да се полюлее (Е. П.); *втрѣнен*: Тъкачев я гледаше втрѣнен и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.); *възбуден*: На тумби по блоковете гълчаха радостно възбудени кооператорите (Даск.); *възхитен*: ... — говореше той и го гледаше възхитен (Йовк.); *гузен*: ... — измърмори някак гузен Димитър, каточели той беше виновен за това (Веж.); *доволен*: — Добре — рече доволен бащата (Карасл.); *загрижен*: Разсъждаваха загрижени: — Да пратим хора в Стамбул? (Л. Стоян.); *задъхан*: Вестник ли искаше? — запита задъхан Денко (Велк.); *замаян*: Иванчо също се озърташе замаян и в нерешителност (Ваз.); *замислен*: Бойченко изведнъж млъкна и забарабани замислен по масата (Веж.); *запъхтян*: — Помия — каза той запъхтян (Ваз.); *зарадван*: Жори дотича и съобщи зарадван, че им бил дошъл редът (Даск.); *засмян*: ...тя викна престорено засмяна, като че нищо не е било (Даск.); *засрамен*: — Какво току се тътриш, Марьоло! — смърри я засрамена Кина (Карасл.); *захилен*: ... — каза той захилен до уши (Веж.); *захласнат*: Но продължаваше да зяпа захласната в големите светли прозорци и в блесналите витрини (Карасл.); *зачервен*: ... отговори Станчева зачервена (Карасл.); *зачуден*: — Каква е тая работа, кмете! — питат го зачудени селяните (Е. П.); *изненадан*: Като я видя, Кировица се поспря, позагледа я някак изненадана и позачудена и ѝ махна с ръка (Карасл.); *изплашен*: Той я гледаше озадачен и малко изплашен (Карасл.); *изтръпнал*: Той клатеше изтръпнал глава и Стойков виждаше, че го е разбрал (Даск.); *изумен*: — Синко, — рече старата изумена (Л. Стоян.); *любопитен*: — Но какво? — попита любопитен бащата (Карасл.); *мълчалив*: Бай Ради и Трендафилчо хвърлят въдиците мълчаливи, съсредоточени в тапите... (Е. П.); *наведен*: Защо ми приказва все наведена? — питаше се Тошка (Карасл.); *навъсен*: Другият поглеждаше навъсен, настръхнал като вълк... (Йовк.); *наежен*: Старият адвокат чакаше наежен сина си (Карасл.); *нажален*: — От какво са умрели? — попита нажален Синап (Л. Стоян.); *намръщен*: — Какво? — погледна го тя намръщена (Карасл.); *намусен*: Хаджи Смион сече намусен (Ваз.); *наскърбен*: ... — каза едва ли не наскърбен Бойченко (Веж.); *настръхнал*: Иванчо изглежда настръхнал Мунча (Ваз.); *насълзен*: Сърцата потръпваха, очите сезираха насълзени (Л. Стоян.);

натъжен: Той си припомни почти натъжен, че... (Велк.);
начумерен: Кръстю се замисли начумерен (Карасл.);
недоволен: Ала сега тия хора... почти недоволни наблюдаваха чевръстата работа на пожарникарите (Велк.);
недоумяващ: Лаврентиев го изгледа недоумяващ, сякаш не вярваше на очите си (Велк.); *неподвижен*: Татко Пиер го гледаше все тъй неподвижен, все тъй втречен в лицето му (Дим.); *неудържим*: — Да му смажеш глава като на усойница... — викаха селяните неудържими (Даск.); *обезумял*: — Мехмеде, Мехмеде! — скимтеше тя обезумяла (Л. Стоян.); *обиден*: — Че кому ще разправам? — попита дори малко обидена тя (Карасл.); *обнадежден*: — Защо? — попита обнадежден Иван (Карасл.); *ободрен*: ... — прибави Петър ободрен и се позасмя (Йовк.); *объркан*: — Защо? — мигна съвсем объркана сестрата (Карасл.); *огорчен*: И защо пък не ни пускат, дявол да го вземе! ... — питаше някой огорчен (Велк.); *озадачен*: — Каква декламация? — запита озадачен Тихолов (Велк.); *озлобен*: Те ... казваха озлобени: «Колко е право, толко и да е здраво!» (Даск.); *отчаян*: Тя гледаше отчаяна, съсипана и натъжена до плач (Карасл.); *пламнал*: Напразно бай Мичо се горещеше и кряскаше пламнал... (Ваз.); *побеснял*: Селямсъзът ... развика се побеснял и каза ... (Ваз.); *погнусен*: Сянап изгледа с бърз поглед човека с корема, защото коремът най-силно го караше да го отмине погнусен (Л. Стоян.); *поизплашен*: Бащата го изгледа учуден, изненадан и поизплашен (Карасл.); *покъртен*: — Благодаря, бабо — отговори покъртен той (Ваз.); *поласкан*: — Магията му е тука, — хилеше се поласкан чичо Продан (Карасл.); *полуусмихнат*: Полека — каза полуусмихнат над него докторът (Велк.); *поразен*: И отведнъж сви очи поразен (Даск.); *поразсърден*: — Къде е кака? — попита той поразсърден (Карасл.); *потресен*: Подозирайки такова коварство на врага, Стойков тръсна глава потресен (Даск.); *потъмнял*: — Четиридесет са! — възрази потъмнял Липованеца (Даск.); *почервенял*: ... и че заради тебе той едва ли не ще те вкара в партията си! — викаше почервеняла Дица (Даск.); *пребледнял*: — Не бързай да прекаляваш! — пребледнял го прекъсна Прокопов (Велк.); *презеленял*: — Николаке! — изрева презеленял от ярост бай Мичо (Ваз.); *приведен*: Двете момичета... не посегнаха към кутията, която Тъкачев подаваше леко приведен

ту към Марина, ту към Станка (Карасл.); *примижал*: Той гледаше леко примижал и устните му бяха свити в зловна гримаса (Карасл.); *развълнуван*: — Но защо не ми каза ... още като дойде? — упрекна го дълбоко развълнуван Борис (Карасл.); *раздразнен*: — Та нали това ти думам — отвърна малко раздразнен той (Карасл.); *разлютен*: — Нищо не може да се направи! — викаше разлютен Юрталана (Карасл.); *разсърден*: — Абе ти чуваш ли? — кресна той разсърден (Карасл.); *разтревожен*: ... — помисли майорът разтревожен (Веж.); *разтреперан*: ... който все още не беше укротен и повтаряше разтреперан (Даск.); *свит*: Денко ги слушаше свит и незабележим между тях (Велк.); *слисан*: Но се спря и се озърна слисан, накъде да удари (Ваз.); *смазан*: Тя съзна смазана всичко това и стана да си върви... (Дим.); *смаян*: ... — възкликна смаян поручикът (Веж.); *смутен*: Те взеха смутени по едно бонбонче и станаха (Карасл.); *стреснат*: Само Трендо стоеше надалеч от множеството... и си казваше стреснат... (Даск.); *съживен*: Работниците гледаха изненадани и съживени Стойков (Даск.); *съкрушен*: ... утре заминавам с обедния влак — каза съкрушен старият Тъкачев (Карасл.); *сърдит*: — И това ще бъде — все още сърдит добави Прокопов (Велк.); *съсредоточен*: Но Тъкачев слушаше замислен и съсредоточен (Карасл.); *тържествуващ*: После погледна тържествуващ другаря си... (Ваз.); *угрижен*: — Лоши години идат, жена, — казваше угрижен Милю (Карасл.); *ужасен*: — Тоя каскет е грабил по цяла торба брашно... — извика ужасен Боян и захвърли каскета (Даск.); *умислен*: ... каза умислен оръдейният командир, като крачеше прав по откритата позиция (Веж.); *уморен*: Тя го погледна уморена от деня, който бяха прекарали с фон Гайер (Дим.); *уплашен*: — Пусни ме само да кажа! — говореше той така уплашен, като че ... (Даск.); *услушан*: Комура престана да преживя, загледа се услушан и след туй пухна с ноздрите си (Йовк.); *усмихнат*: Той ѝ каза нещо и усмихнат видя, как тя отиде към влюбената двойка (Е. П.); *унесен*: ... Стойков продължи унесен в нещо свое, дълбоко спотаено, съкровено (Даск.); *ухилен*: — И на децата майка им! ... — подхвърли му ухилен Рангел (Даск.); *учуден*: — И за мене ли каза той? — посочи се тя учудена (Карасл.); *честит*: Сега тя се оглеждаше весела и честита извън селото, сред голото поле (Карасл.);

ядосан: Днес страшно ядосан се обади командирът на дивизията (Веж.).

Состав приведенной группы прилагательных существенно отличается от состава группы прилагательных, характеризующихся употреблением со связочными глаголами. Если со связочными глаголами может быть употреблено каждое прилагательное, лексически совмещающееся с другими элементами предложения, то с глаголами типа *гледам, слушам* употребляются только строго определенные прилагательные. Попытка замены прилагательного в предложении с глаголом такого типа обнаруживает, что включение одних прилагательных дает грамматически правильное предложение, в то время как включение других прилагательных (хотя они так же, как и первые, лексически совместимы с другими элементами) приводит к разрушению грамматичности предложения. Например: Станка слушаше захласната... (Карасл.) — равным образом *благодарна, възхитена, засмяна, усмихната* и т. д., но не *кротка, тиха, услужлива* и т. д.

Уже при самом поверхностном сравнении прилагательных рассматриваемой группы с теми, которые были представлены в примерном перечне прилагательных, выступающих со связочными глаголами, можно увидеть существенное различие между ними. Прилагательные рассматриваемой группы обнаруживают очевидное единообразие, в противоположность пестрому составу прилагательных, выступающих со связочными глаголами.

При стремлении выявить признак, характерный для прилагательных рассматриваемой группы, привлекает внимание факт, что она состоит преимущественно из причастий (*усмихнат, втренчен, зарадван* и др.). Однако помимо причастий сюда входит и целый ряд чистых прилагательных (*бесен, безпомощен, благодарен, бодър, весел, гужен, доволен, любопитен, мълчалив, недоволен, неподвижен, неудържим, сърдит, честит*). К тому же не каждое причастие принадлежит к анализируемой группе (в нее не входят, например, причастия *пременен, стегнат, избръснат* и т. п.). Таким образом, несмотря на преимущественно причастный состав рассматриваемой группы, не этот признак является объединяющим для входящих в нее слов.

Общность рассматриваемой группы слов кроется в их семантике. Все они с этой точки зрения близки друг к

другу. Их можно охарактеризовать как слова, обозначающие физическое или психическое состояние живых существ (чаще всего ими обозначается состояние человека).

2. Обобщая наблюдения над анализируемой группой прилагательных с точки зрения классов слов, следует констатировать, что списочный состав ее значительно уже группы прилагательных, употребляющейся при существительных и представляющей общий класс прилагательных. Слова анализируемой группы встречаются в общем наборе слов класса прилагательных, однако состав класса прилагательных таков, что большой массив его слов оказывается исключенным из анализируемой группы. Иными словами, синтаксическая позиция, в которой выступает эта группа, не допускает употребления всего общего класса прилагательных в целом. Памятуя о принципе, что две группы слов, выделяемые в двух синтаксических позициях, являются одним классом, только если совпадают их наборы, мы должны сделать вывод, что рассматриваемая нами группа прилагательных и группа прилагательных, употребляющихся при существительных, не представляют собой одного и того же класса слов.

Таким образом, если группа прилагательных, выступающих со связочными глаголами, является тем же общим классом прилагательных, который выступает при существительных, то рассматриваемая группа прилагательных четко обособляется по отношению к общему классу прилагательных болгарского языка.

Наряду с указанным обособлением данной группы прилагательных от общего класса прилагательных на основе синтаксической позиции в предложении, существует целый ряд признаков, которые объединяют эту группу с общим классом прилагательных, а именно грамматическое оформление этих слов, изменение их по родам и числам. Более того, слова рассматриваемой группы прилагательных употребляются и в позиции перед существительным, т. е. входят как часть в состав выделяемого по этому признаку общего класса прилагательных.

Учитывая все это, можно сделать вывод, что слова рассматриваемой группы являются прилагательными в широком смысле слова, однако образуют четко выраженную группу внутри прилагательных, имеющую специфическую синтаксическую позицию.

Можно было бы провести аналогию между описываемыми прилагательными и связочными глаголами. Как те, так и другие входят в состав соответствующего общего класса слов, но выделяются из него присущей только им способностью употребляться в специфической позиции.

Так же, как в грамматиках выделяется, наряду с более широкой категорией «глагол», категория «связочный глагол» (в структуральных грамматиках, наряду с классом V, — класс V₆, т. е. класс с дополнительным индексом, сигнализирующим его отличия от общего класса V), в описаниях болгарского языка должна выделяться, наряду с категорией «прилагательное», особая грамматическая категория, носителями которой являются прилагательные рассмотренной группы. Эту грамматическую категорию можно назвать «приглагольное прилагательное».

Итак, приглагольные прилагательные — это класс слов, которые, объединяясь с другими прилагательными на основе ряда общих грамматических признаков в разряд прилагательных, обладают свойством, отсутствующим у всей массы прилагательных в целом. Это свойство, как будет показано, заключается в способности сочетаться с общим классом глаголов.

3. Состав группы глаголов, выступающих с приглагольными прилагательными, может быть описан на основе предложений, приводившихся на с. 167—171. В них представлены глаголы: *бързам, взема, взирам се, видя, викам, вишна, влизам, връщам се, възкликна, възразя, възседна, вървя, гледам, говоря, гълча, добавя, дойда, дотърча, дръпвам се, забавлявам се, забарабаня, завия, загледам, заклатя, замисля се, запитам, заплача, зяпам, застава, засуетя се, ида, извикам, изгледам, изкрещя, изляза, измърморя, изпищя, изрева, изругая, изхвъркна, казвам, клатушкам се, клатя, клатя се, кряскам, кресна, мизна, мисля, мляскам, мълча, наблюдавам, настръхвам, обаждам се, оглеждам се, озъртам се, отвърна, отговарям, отдръпвам се, отида, откажа, отмина, отпущам се, отстъпвам, оттегля се, питам, пищя, повтарям, поглеждам, подавам, подхвърля, позагледам, поклатя, помисля, помълча, попитам, посоча, постоя, потупам, пошушна, прекъсна, прибавя, прибера се, приказвам, припомня си, пристъпя, продължа, прошенна, пуша, развикам се, разделя се, разправям, разрева се, разсъждавам, разходя се, расшътам*

се, река, ровя се, сбогувам се, свия, свия се, свра се, седна, седя, сека, скимтя, скокна, скоча, скрия се, следя, слушам, смърря, спогледам се, спра, спра се, стана, стресна се, стряскам се, сумтя, съзня, съобщя, тичам, трепна, тръгна, тръсна, упрекна, упътя се, хапя, хвърлям, хляя се, ходя, чакам, шепна, шушукам.

Все это полнозначенательные глаголы, но они существенно отличаются от полнозначенательных глаголов, входящих в группу связочных. Для характеристики границ группы не подходят такие признаки, как «непереходность глагола» и «обозначение движения или состояния».

В рассматриваемую группу, помимо глаголов, которые можно отнести к числу обозначающих движение или состояние (например, *вървя, тръгна* и др.), входят глаголы с иными лексическими значениями. Так, в нее входят широко употребляющиеся с приглагольными прилагательными глаголы речи: *викам, викна, възкликна, възразя, говоря, гълча* и др. Сюда относятся также глаголы мысли: *замисля се, мисля, помисля, припомня си, съзня* и глаголы чувства: *взираю се, видя, гледам, загледам, зяпам* и т. д. В приведенном списке можно видеть глаголы, обозначающие различные действия, направленные на другой предмет: *взема, забарабаня, потупам, ровя се, сека, хвърлям* и др.

Наряду с фактом, что в данную группу входят глаголы, не относящиеся к обозначающим движение или состояние, можно указать и на обратный факт: многие глаголы, обозначающие движение или состояние и принадлежащие к группе связочных глаголов, не входят в рассматриваемую группу (в приведенном на с. 162—164 списке такими являются глаголы *бликам, бумтя, грея, съскам* и др.).

Не годится для характеристики состава рассматриваемой группы полнозначенательных глаголов и грамматический признак непереходности. В данном выше списке широко представлены, наряду с непереходными, и переходные глаголы: *възседна, гледам, загледам, заклатя, изгледам, клатя, наблюдавам* и др.

Общим признаком глаголов, употребляющихся с приглагольными прилагательными, является то, что все они обозначают действия человека. Попытка замещения глагола в предложении, содержащем приглагольное прила-

гательное, приводит к заключению, что на месте глагола этого предложения может быть употреблен любой глагол, обозначающий действие человека, например: Служите се спогледаха усмихнати (Йовк.) — равным образом *зпаха, слушаха, работеха, чистеха* и т. д.

Какие-либо грамматические черты — присутствие при глаголе прямого дополнения и т. п. — не играют роли в употребляемости глаголов с приглагольными прилагательными. Единственным ограничением является указанный лексический критерий: глагол должен обозначать действие человека.

4. Хотя группа глаголов, выступающих с приглагольными прилагательными, ограничена лексическим признаком обозначения действий человека и, таким образом, в набор глаголов этой группы не входит любой глагол языка, представляется тем не менее обоснованным считать эту группу общим классом глаголов болгарского языка.

Такое заключение основывается на следующих соображениях. Синтаксическим условием употребления данной группы глаголов является определенное окружение — класс приглагольных прилагательных. В то же время, в конструкции предикативного определения действует присущий языку закон лексической совместимости элементов предложения. В соответствии с ним круг приглагольных прилагательных накладывает ограничения на круг глаголов, выступающих с ними, с точки зрения лексики.

Как было видно из рассмотрения группы приглагольных прилагательных, она включает в себя слова, которые в своей лексике несут значение состояния человека. Вследствие этого с данными прилагательными могут сочетаться только глаголы, которые обозначают действия, также относящиеся к человеку. Таким образом, лексическое ограничение, которое было выявлено при анализе состава данной группы глаголов, совпадает с требованием лексической совместимости между глаголами этой группы и приглагольными прилагательными. Это дает основание считать ограничение группы глаголов таким критерием, как «обозначение действий человека», проявлением требования лексической совместимости элементов предложения и не относящимся к уровню грамматики. На уровне грамматики данная группа глаголов может

быть охарактеризована как включающая все глаголы, т. е. как общий класс глаголов⁵.

ДВА ТИПА КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ

Проведенное исследование показало, что группы слов, участвующие в построении конструкции предикативного определения с именем прилагательным, с точки зрения классов слов болгарского языка представляют следующую картину:

класс связочных глаголов, характеризующийся способностью сочетаться с общим классом прилагательных — $\Gamma_{\text{связ.}}$;

общий класс прилагательных — II;

общий класс глаголов — Г;

класс приглагольных прилагательных, характеризующийся способностью сочетаться с общим классом глаголов — $\Pi_{\text{пригл.}}$.

Свойства классов слов, участвующих в конструкции предикативного определения с именем прилагательным, порождают два типа такой конструкции:

1) $C - \Gamma_{\text{связ.}} - \Pi$;

2) $C - \Gamma - \Pi_{\text{пригл.}}$.

Два типа конструкции предикативного определения с именем прилагательным, один из которых обусловлен

---

⁵ Может возникнуть вопрос, почему при квалификации двух взаимосвязанных элементов — глагола и приглагольного прилагательного — в качестве определяющего принимается приглагольное прилагательное и считается, что лексика группы приглагольных прилагательных ограничивает лексику группы глаголов, а не наоборот; почему для группы приглагольных прилагательных лексическое ограничение оценивалось как релевантное для грамматики, а для группы глаголов оно считается не относящимся к уровню грамматики.

Для группы приглагольных прилагательных признак «обозначения физического или психического состояния человека» является с точки зрения грамматики более существенным, чем признак «обозначения действий человека» для группы выступающих с ними глаголов. Он не может объясняться лексической совместимостью прилагательных с другими элементами предложения, так как лексически совместимой с глаголами, обозначающими действие человека, будет гораздо более широкая группа прилагательных, чем группа приглагольных прилагательных.

грамматическими особенностями связочных глаголов, а другой — приглагольных прилагательных, пересекаются в языке между собой. Связочные глаголы входят как составная часть в общий класс глаголов, участвующий в конструкции предикативного определения с приглагольными прилагательными, а приглагольные прилагательные являются составной частью общего класса прилагательных, участвующего в конструкции предикативного определения со связочными глаголами. В результате этого в языке встречаются построения, которые могут быть отнесены как к одному, так и к другому типу конструкции предикативного определения, так как один компонент в них является связочным глаголом, а другой — приглагольным прилагательным.

Такое положение наблюдается, например, в предложениях: *Тъкачев се връщаше на обед замаян* (Карасл.); *От два месеца той беше в столицата да търси работа и снощи се върна отчаян* (Е. П.); *Боян и Васил вървяха развълнувани към Лютидол* (Даск.); *Той се много смути, когато днес, после обед, Селямсъзът дойде запъхтян* и му донесе прокламация от Варлаама Копринарката (Ваз.); *Само подидаскал Мироновски идеше още дълбоко замислен върху името си...* (Ваз.); *...подпоручик Личев измърмори нещо, че силно го болял кръста, и навъсен излезе навън* (Веж.); *Той лежеше изтегнат върху дивана в пякогашната стая на Мария и в полудрямката от хубавото вино съзерцаваше мечтата за немското могъщество* (Дим.); *Таинственият смисъл на целия негов живот бе разрешен в тая минута на срещата, и то лежеше щастливо и нямаше сила дори да близне ръката, която го държеше дружески* (Е. П.); *Един подир друг работниците замислени си отидоха да спят* (Даск.); *След един или два часа те си отиваха очаровани от гостоприемството му* (Дим.); *Те си излязоха, като му се кланяха, а той седеше някак недоволен от себе си...* (Даск.); *Никола скочи също ужасен по нощница и почна бързо да се облича* (Е. П.); *А те, хората, нали чу — край Одеса спали прави в водата, подпирали се един друг да не цамбурнат* (Веж.); *Мирончо все стоеше наведен над флуатата си и не отговори* (Ваз.); *Той се обърна и уморен тръгна по обратния път към града* (Велк.); *В къщата стана пусто и мрачно, блага приказка не се чуваше, усмивка не се виждаше, всички ходеха посърнали и мълчаливи* (Карасл.); *Станка все си*

мислеше за нея и оттогава все *ходеше* радостно *възбудена* (Карасл.).

Однако вне пределов этой общей области функционирование каждого из типов конструкции проявляется очень ярко⁶.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-ПОДЛЕЖАЩЕЕ В КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМУ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-ПОДЛЕЖАЩЕЕ В ОСНОВНОМ ТИПЕ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМУ

Грамматическим чертам, свойственным существительному-подлежащему конструкции предикативного определения с именем прилагательным, в синтаксической литературе уделялось меньше внимания, чем чертам, которыми характеризуется существительное-подлежащее конструкции предикативного определения с именем существительным. Это объясняется тем, что присутствие двух существительных и очевидные различия в их оформлении, которые имеют место в конструкции с именем существительным, неизбежно вели к рассмотрению вопроса о грамматических чертах как предикативного определения, так и подлежащего. Напротив, принадлежность двух именных элементов к разным классам слов, наблюдаемая в конструкции предикативного определения с именем прилагательным, снижает в пределах самой конструкции актуальность некоторых синтаксических вопросов. Это ослабляло интерес к грамматическим чертам существительного-подлежащего конструкции предикативного определения с именем прилагательным, хотя эти черты в полной мере заслуживают внимания при постановке более широких проблем синтаксиса.

⁶ Более подробно вопросы, касающиеся двух типов конструкции предикативного определения с именем прилагательным, рассматриваются: *Рожновская М. Г.* Указ. соч.

Среди конкретных высказываний, затрагивающих вопрос о грамматических чертах существительного-подлежащего конструкции предикативного определения с именем прилагательным, следует указать на наблюдения Ст. Стоянова, который в своем исследовании о членной форме уделяет особое внимание синтаксическому аспекту членования и специально останавливается на оформлении существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения с прилагательным.

Среди различных предложений, где «существительное-подлежащее (без определения) является названием глагольного лица при вспомогательном глаголе *съм*» им выделяется случай, когда «лицу или предмету, обозначенному существительным-подлежащим, приписывается какой-нибудь признак, качество или свойство, например: *Знамето е червено*»⁷. Исследователь делает вывод, что в таких предложениях «существительное-подлежащее употребляется всегда в членованном виде»⁸. Подобное заключение делается и по отношению к предложениям с глаголами *изглеждам, показвам се, струвам се, оказвам се*⁹.

Выводы Ст. Стоянова совершенно правильно характеризуют функционирование в конструкции предикативного определения членной формы. Однако они остаются в частных рамках употребления лишь одного, хотя и наиболее часто встречающегося, детерминатора, каким является членная форма, и не поднимаются до уровня синтаксической закономерности обязательного детерминирования существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения. Между тем эта закономерность в полной мере распространяется и на конструкцию предикативного определения с именем прилагательным.

1. Для того чтобы нагляднее продемонстрировать соотношенность норм детерминирования существительного-подлежащего в конструкции предикативного определения с именем прилагательным и норм, наблюдавшихся в кон-

⁷ Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член в съвременния български книжовен език. 1 част. Съществителни имена.— Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, 1959, т. 53, 2, с. 40.

⁸ Там же, с. 41. Этот вывод Ст. Стоянов сопровождает примечанием, что сказанное относится к случаям, «когда существительное вообще употребляется членованным».

⁹ Там же, с. 43.

струкции предикативного определения с именем существительным, останавимся сначала на рассмотрении предложений, где в качестве глагольного элемента выступает глагол *съм*.

Несомненно, наиболее распространенными являются конструкции предикативного определения с именем прилагательным, в которых в качестве детерминатора существительного-подлежащего выступает членная форма: *Денят беше хубав*, слънцето каточе нарочно искаше да стопли късния есенен ден, да позарадва хората (Е. П.); *Полето беше широко* и до края на неговата зелена равнина не се виждаше никакво друго дърво (Е. П.); — *Жените са хубави, виното е чудесно*, градът мирише на пържоли, а сред него се лутам аз като идиот (Е. П.); — *Иване, чорбата е безсолна* (Е. П.); *Важното е, че сега в Ропонково животът е друг* (Е. П.); — *Режимът беше труден*, но сега се чувствавам добре (Е. П.); *Понеже животното бе гладно*, то, макар че го бодеха, почна да яде лакомо (Е. П.); *Борбата е мълчалива, но свирепа* и трае дълго (Йовк.); — *Камъка лятно време е топъл* (Йовк.); *Слънцето* току-що изгрява — *още е червено*, без блясък (Йовк.); *В чифлика хамбарите бяха пълни* — *окачиха му пълна торба с ечемик* (Йовк.); *Все по това време, през пролетта, докато тревата беше още зелена*, черният жребец има още една среща с кулестия (Йовк.); *Шейната наистина беше готова* (Йовк.); *Тревата беше мека* — не му ставаше нищо (Йовк.); *Огънят едва започваше, но зданието-особено вторият етаж- беше дървено* и скоро щеше да пламне неудържимо (Л. Стоян.); *Тя предчувствуваше със сърцето си, че опасността е близка* (Л. Стоян.); *Есента в Румелия е топла, охранена* (Л. Стоян.); *Не защото искаше да се покори, а защото годината беше милостива*: *роди се доста жито, а можеше да се купи и в града* (Л. Стоян.); — *Ефендетата са други*, те носят шалвари и чохени чепкени, скъпи памуци и бели чалми (Л. Стоян.); *Въпросът беше естествен*, но отговорът изглеждаше труден (Л. Стоян.); — *А оръдието? Здраво ли е оръдието?* (Веж.); — *Слабички са продуктите*, господин поручик (Веж.); *Положението не е страшно!* (Веж.); — *Ако му е вярна ръката* — *добро няма да видиш...* (Веж.); *Схватката беше къса*, но необикновено свирепа (Веж.); *Бойците бяха озлобени* и пълзяха напред (Веж.); *Ресторантът беше още полупразен* (Веж.); *Снегът беше добър*, нямаше никаква опасност за измръ-

зване на посевите (Карасл.); *Утрините бяха росни*, дъшпаше се дълбоко и приятно (Карасл.); *Кметът е заможен*, много пие и се кара с хората (Карасл.); — *Вярването не е задължително* — подби я той (Карасл.); *Мръкваше се много рано и нощите бяха глухи и студени* (Карасл.); — *Копай! Стените да бъдат прави!* (Карасл.); Но дали наистина работата беше сериозна? (Карасл.).

Имена нарицателные в конструкции предикативного определения с прилагательным в принципе всегда выступают с членной формой. Однако в этом регулярном употреблении членной формы и здесь наблюдаются исключения. Одно из них составляют нарицательные существительные, являющиеся именами родства и сопровождающиеся дательной формой личных местоимений с притяжательным значением: — *А имаш жена, жена ти е жива...* (Йовк.); — *И майка ѝ е строга* (Е. П.); ...но нали беше срамота, тя, млада булка, да легне посред бял ден, и то когато *свекър ѝ е болен* и трябва да му шета! (Карасл.); *Зет му не беше богат* за да му поръчителствува (Карасл.); *Дъщеря му, Гюла, беше едва тринайсетгодишна*, но очите ѝ разсичаха сърцето на Синапа (Л. Стоян.); На Станка беше мъчно, че *братовчедка ѝ*, с която дружкува, е такава скритна и недоверчива, завистлива и злопаметна (Карасл.); Той знаеше, че колкото *майка му е суетно-горда и празно-амбициозна*, толков *баща му е умен, начетен, находчив и предвидлив* (Карасл.).

В нечленованном виде употребляются нарицательные существительные *тате* и *мама*, для которых отсутствие члена является общезыковой нормой: — *И тате и мама са съгласни* да се оженим, но да свърша наполовина учението (Карасл.).

Как обычно без членной формы употребляются нарицательные существительные, стоящие при именах собственных и обозначающие обиходные, военные и другие звания: ...от две години тя стъпи на краката си, намери си място за учителка, и *баба Лалка беше щастлива* (Е. П.); *Дори чичо Митуш*, макар да беше сърдит, се възхити и извика... (Йовк.); Само че *госпожа Дена* беше малко нещо *ревнива* (Е. П.); Беше съвсем очевидно, че *подпоручик Личев* не спи, че е готов да се бори, че навярно крои нещо зад гърба му (Веж.).

Колеблется норма членования у слова *човек*. Это нарицательное существительное, выступая в функции под-

лежащего конструкции предикативного определения, встречается и в членованном, и в нечленованном виде: ...— мърмореше той, като се чудеше защо човекът е тъй недоволен (Л. Стоян.); ...в своя дом човек не може да бъде нито саможив, нито чужд, нито мрачен (Веж.).

Систематически употребяются без членной формы имена собственные — имена лиц, фамилии, названия городов, стран и др.:— Най-после не е толкова загубен Ристо, та да яде чорба с нафталин... (Веж.); Медара беше близо осемдесетгодишен, много по-млад от чича Митуша, запазен, здрав, с червено лице (Йовк.); Захари беше доволен, усмихнат, господарски важен (Йовк.); Надя беше здрава, енергична, жизнерадостна (Е. П.); Панко беше нисък, тангурест, бавно пристъпяше, бавно работеше (Йовк.); Пък и Аго беше весел (Йовк.); Мъчно му беше, че Василена не му е близка (Йовк.); ...но когато Айа беше неспокойна, неспокойна ставаше и тя (Йовк.); Пенка Стоянова беше разсеяна (Е. П.); Той се питаше само: искрен ли е Еминджик? (Л. Стоян.); Той виждаше, че Дели Софта е прав, но ревнивото му полицейско сърце не беше спокойно (Л. Стоян.); Федосенко бе мургав, тих, приятен (Веж.); Тя вече знаеше, че Швейцария ... е неутрална (Карасл.); Но когато Ангел Милев каза авторитетно, че Германия била първа в оръжието [...], някои го пресякоха и заклатахиха недоверчиво глави (Карасл.);— Ако толкова ти е мила България, дай ѝ ти!— изсъска Кацарката (Карасл.); В тия дни Виена бе мрачна, студена, опожарена, гладуваща (Веж.).

Если имя собственое является прозвищем, наблюдается отклонение от этой нормы и имя собственое. выступает с членной формой: Иван Селският с всички е добър, с всички е приятел (Е. П.).

Наряду с членной формой, при существительном-подлежащем конструкции предикативного определения с прилагательным выступают все другие грамматические элементы, которые встречались при подлежащем в конструкции предикативного определения с именем существительным и которые составляют вместе с членной формой группу так называемых детерминаторов.

Так, весьма распространены предложения, в которых в качестве детерминатора существительного-подлежащего выступает указательное местоимение: Могъщ, страшен беше тоя вой, но изведнъж се прекъсваше, ставаше слаб,

хришкав... (Йовк.); Нито много *едър*, нито много *дребен* беше тоя *жеребец*, черен, без ни един бял косъм, с гъста, дебела грива, метната въз една страна (Йовк.): Освен че е голям и силен, тоя *враг* изглеждаше да е и *хитър* (Йовк.); ...той имаше пак горд царствен вид, беше *хубав* пак тоя *старец* (Йовк.); Все пак и *тая полза* не беше *малка* — съвсем не беше *малка* (Веж.); ...*сигурно тая работа ти е ясна* (Веж.); — Само че *тая история* с къпането е... как да ви кажа, *недостойна*, не бивало да я правите (Веж.); — Ти да не мислиш, че *туй шило е просто* (Йовк.); — Сега вече може би разбирате, ... че и *тия неща*, от които ми се оплаквахте, не са *случайни!* (Веж.); — *Тия чудовищни книги* изглежда да са *по-доволни и по-честити* (Е. П.); *Ще бъдат ли щастливи* така *тия хора*, когато утре намерят богатството и изгубят прекрасната и опойтелна измама? (Е. П.); — *Тия причини* не са достатъчно *сериозни*, за да достигне ротата до такова положение (Веж.); *Този ден* беше *решителен* в живота на Тъкачев (Карасл.); За нея *този момък* беше *кротък и добър*, той ѝ харесваше с умните си приказки, с благия си характер (Карасл.); Станка пак не можа да проумее много добре, но тя вече разбираше, че *този момък е умен* (Карасл.); *Този старец* беше *чистичък* като коте, още работлив и пъргав (Карасл.); И особено *симпатичен* му беше *този сдържан, скромн и делови млад мъж* (Карасл.); И *този поглед* беше *игрив и пълн* с обещание и покорство (Карасл.); *Тази коса* беше *мека и вълнообразна* (Карасл.); Тъкачев се поколеба за секунда и съобрази, ... че *тази покана* не беше *искрена* (Карасл.); Той трябваше да разбере, че *тази женитба* е *неизбежна* (Карасл.); Но не беше *радостна* *тази пролет* (Карасл.); *Тази ранна и неочаквана среща* му беше така *противна и досадна*, че той се въртеше на място и не знаеше — демонстративно ли да излезе, или да остане още малко (Карасл.); *Това куче* (тъй си мислеше по-нататък чичо Митуп) беше много *особено* (Йовк.); Настъпи пак *мълчание*, но този път *това мълчание* беше *мъчително* (Карасл.); *Тези работи* за нервите на съвременния цар на цивилизацията — човекът, са *непоносими* (Е. П.); — Е, де! — погледна я той *игриво* с високо вдигнати вежди, като искаше да каже, че са му *известни* вече *тези работи*, за които тя не може да се досети (Карасл.).

В роли детерминатора съществителного-подлежащего можно видеть вопросительные местоимения: — Е, грешил

съм, кой човек е безгрешен, но съм си изкушил греховете тридесет пъти... (Е. П.);— А коя партия е силна? (Карасл.).

При подлежащем конструкции предикативного определения с прилагателным встречается также элемент *един*: ...и все пак нито *един* войник не беше *снлив* или *размекнат* (Веж.).

В значительной части предложений как подлежащее выступают такие внутренне детерминированные слова, как местоимения, и в первую очередь личные местоимения:— Ще има ли нещо да ги гостим, че са гладни? *Пък* и *аз* съм *гладен* (Йовк.); *Аз* съм *готов* (Веж.);— *Аз* нямам право да разисквам върху великия въпрос, който ни е събрал тук, защото съм *недостоеен* (Е. П.);— *И аз* съм *честен*, ако е до честност (Е. П.);— *Аз*, например, няма защо да крия, по природа съм *страхлив* (Е. П.);— ...*аз* съм *весел* по божие повеление (Е. П.);— *Аз* съм *сигурен*, че рано или късно вие ще заплатите за това и то скъпо ще заплатите (Веж.);— *Ти* поне си *пълен* с пари! (Веж.);— *Ти* си съвсем *сух* (Е. П.);— *Ти* само *бъди* *спокоен* (Веж.);— *Ти* *луд* ли си? (Веж.);— *Ти*, сине, си още *зелен* (Карасл.);— Е че *той* е *жив*, бай Доверчинов (Е. П.); *Той* беше *нетърпелив* (Л. Стоян.);— Ето какъра ми, Ибрахим ага, и ти ще признаеш, че *той* не е *малък* (Л. Стоян.); ...въпреки всичко *той* бе *як*, *жив* и *усърден* (Веж.);— *Той* е *як*, да видим дали не ще изкара плуга (Йовк.); *Тя* е *сива*, с черни напречни резки като на тигрица (Йовк.); *Тя* наистина беше *дива* (Йовк.); Какво дават днес? С кой артист? Коя артистка? Ах, *тя* е *чудесна*! (Е. П.); *Тя* не е *малка* щом ходи на срещи (Карасл.); Затова, макар и стеснена, *тя* беше *спокойна* (Карасл.); *То* е *гладно* и има нужда да се нахрани (Е. П.); Сега *то* не бе нито *загрижено*, нито *надменно* (Веж.); Не твърде голямо, жълто, с дълга космата опашка, по която бяха се налепили тръни и бутрак, *то* нито беше *хубаво*, нито беше *яко* (Йовк.); Като *Айа* *то* беше *живо* и *пъргаво* (Йовк.); *То* беше *голямо*, *черно*, с дълга космата опашка и с увиснали уши, каквито са ушите и козината на каракачанско куче (Йовк.);— *Ние* сме *доволни* от тебе (Йовк.);— *Ние* не сме *богати* като девера Киро, не можем чак от Пловдив цели топове плат да купуваме (Карасл.);— *Ние* още сме *слаби*, и затова трябва да съберем всички свои сили (Карасл.);— *Вие* сте *стари* и *непотребни* на животът (Е. П.); ...*вие* и без това

сте толкова *млади*, още толкова време имате (Карасл.);— *Вие луди ли сте?*— викаше той с все сила (Карасл.);— Но...— той се запъна — *вие сте млади*, нямате си нищичко (Карасл.); *Те са неподвижни* и никого не чакат (Е. П.); Тежко му и горко, ако само се опита да каже нещо, защото, *Бобо, те са отмъстителни и злопаветни* (Е. П.); Отначало *те бяха малки*, но безсмисленото време ги изтегли високо над земята и те можаха да погледнат по-надалеко (Е. П.); На едно място десетина дробли, които до сега не бяха забелязали — *те са сиво-бели*, като снега, — размахаха тежко крилата си и хвъркнаха (Йовк.); *Те са бедни*, а той сигурно ще потърси да се ожени за богата (Карасл.).

Указателные, определительные, вопросительные местоимения, выступающие как детерминаторы имени существительного, употребляются в функции подлежащего описываемой конструкции и самостоятельно:— «Мари Марио сестрице, иди донеси вода студена»? Само че *тази е жетварска* (Карасл.);— Тука у това село *всички сме честни* (Е. П.); В полето, по пътищата и по нивята имаше много хора и всички говореха за своето нещастие, и *всички бяха недоволни* един от друг (Е. П.); *Всички бяха сигурни*, че той ще отрече (Карасл.);— Е, тогаз отде да знаеш, може тъй да се случи, че — *всичко е възможно* (Йовк.);— Ами да тръгваме, *всичко е готово* (Веж.); Синап съзнаваше, че въпросът му е излишен и че *всичко е ясно* като ден (Л. Стоян.);— *Всичко е мирно и тихо* — отговаряше пътникът и продължаваше (Л. Стоян.); И пролет, и есен, и зима, и лете тя се грижеше *всичко да бъде красиво, чудно, жизнерадостно* (Е. П.); За Пена Стоянова *всичко е интересно* (Е. П.);— Утре не се знае *кой ще бъде жив*, кой ще умре (Йовк.);— *А кои са по-силни?* Тесните или широките? (Карасл.).

Относителные местоимения выполняют функцию подлежащего конструкции предикативного определения в придаточных предложениях: Нямаше само съпругът на малката му сестра, *който бил дежурен* (Карасл.); Иван Тодоров, *който беше остроумен и находчив*, пак пристъпи напред и се наведе над перилата (Карасл.); Заедно с него се преплиташе образът на Тъкачев, ... на незабравимия Тъкачев, *който обаче за нея вече беше мъртъв* (Карасл.); Това беше упоритостта на дълбокоосъзнатата честна постъпка, *която е била и необходима, и неизбежна* (Карасл.); Тъкачев си представи участта на тази леля Жечка, *която*

паистина някога, на младини, *е била щастлива* с този мъж (Карасл.); — Вчера в дъното на едно скрито долапче в килията на отец Никодим, *която сега е празна*, се намери едно гърне, пълно с фасул (Е. П.); Тя спореше с оная упоритост, *която беше свойствена* на тесните социалисти (Карасл.); Тук беше скътано всичко, *което беше скъпо* на сърцето му (Карасл.); ...той обърна очи към небето, *което тая сутрин бе неопишимо нежно и чисто* (Веж.); Този град бил разположен на голямо езеро, *което било толкова красиво*, че с думи не можело да се опише (Карасл.); Той искаше да пише всичко ..., *което не е спорно*, и да го пише още сега, незабавно (Карасл.); Той беше с къси, обърнати назад рога, *които наспроти неговата големина бяха малки* (Йовк.); — Другари, събрах ви, за да си поговорим по някои въпроси, *които сега са особено важни* за нас (Веж.); — Но ротата попитайте, господин поручик, а не — някои хора, *които може би са...* с ваше разрешение, *озлобени и злонамерени* (Веж.); — В указа за военното положение е казано, че се забраняват събранията и печатните произведения, *които са опасни* за реда и тишината (Карасл.).

Как показва приведенный материал, в конструкции предикативного определения с именем прилагательным, где в качестве глагольного элемента выступает *съм*, существительное-подлежащее характеризуется постоянной детерминированностью, и конкретная система детерминирования этого существительного полностью совпадает с той системой, которую можно было видеть в конструкции предикативного определения с именем существительным.

2. Аналогичная картина наблюдается и в конструкции предикативного определения с именем прилагательным, где в качестве глагольного элемента выступают полузнаменательные глаголы *бивам, виждам се, изглеждам, изляза, оставам* и т. п.

И здесь наиболее часто в качестве детерминатора существительного-подлежащего выступает членная форма:

Дохождаха горещините и *козината* му не *биваше* вече тъй *чиста*, често напрашена, често сплъстена от засъхналата пот (Йовк.); Вече по това, че е бял, познава се, че е стар, тъй като *белите коне* ... отначало *биват сиви* и побеляват, когато поостарят (Йовк.); *И конете и каруцарят* им *се виждаха дръзки и надменни* (Йовк.); Сутринта *командирът* му *се бе видял строг и придирчив* (Веж.); —

Харно ми се види момчето... (Карасл.); И неговите думи ѝ се виждаха безкрайно мили и пълни с особено значение (Карасл.); Наистина, Тъкачев не е дошъл да учителствува от нужда, но дори и най-невинното загатване за някакви интереси му се видя обидно (Карасл.); ...ламтежите за голяма наука, за европейски университети и библиотеки, тъкмежите за международни конгреси и запознанства му се виждаха дребни, празни, незначителни (Карасл.); Въпросът беше естествен, но отговорът изглеждаше труден (Л. Стоян.); Срещният бряг беше цял заварден: положението изглеждаше опасно (Л. Стоян.); Само майорът все още изглеждаше сдържан и каточели недоверчив (Веж.); Бе вече нощ, но над покривите светеше едра студена луна и улиците изглеждаха съвсем светли (Веж.); Полето бе голо, тихо и пусто и макар върху него да се лееше изобилно слънчева светлина, пейзажът изглеждаше тъжен и унил (Веж.); Едва сега поручик Манев забеляза, че помощник-командирът изглежда съвсем млад (Веж.); Такова черно отчаяние я срази, че дори и смъртта в този момент не би ѝ изглеждала толкова страшна (Карасл.); Но лицето на поручик Манев си остана сериозно (Веж.);— Ако магарето остане живо,— беше казал той,— кобилките са здрави, ако умре — болни са от сап (Йовк.); Имаше снага на някой великан, а лицето му беше си останало голобрадо, момчешко (Йовк.); ...неговият образ си остана в мене все така чист и ясен — с добрите му очи, с коравите селски ръце, с чистите изпрани платнени дрехи, без орден, без знаци на погоните (Веж.); Как ще работи с един ратай като бай Илия..., който се моли да не започва война защото семейството му щяло да остане гладно (Карасл.); И ето че тъмнината омеква и става ласкава (Е. П.); Както бяха го благословили гладните ахренки, тъй стана: наплоди му се имот, челяд, животът му стана спорен, смислен (Л. Стоян.); Но като напече слънцето, като взе да се чува мухата, от която щръклее добитъкът, работата стана тежка (Йовк.); Нощите станаха тъмни, падаше и мъгла (Йовк.); Равнината ставаше все по-хълмиста и все по-обрасла с малки редки горички (Веж.); Мракът около него стана още по-непрогледен (Веж.); От това въздухът бе станал по-непрозрачен и някак сипкав (Веж.); И тримата приятели се чувствуват гладни (Е. П.).

Общезыковые нормы употребления членной формы и здесь ведут к случаям отклонения от регулярного членова-

ния. В нечленованном виде встречаются имена родства с дательной формой личных местоимений, существительные, стоящие при именах собственных и обозначающие звания, существительное *човек*: *И баца ѝ излезе прав* (Карасл.); — *Колко годишна стана щерка ти?* (Л. Стоян.); Старият адвокат реши, че *син му* мълчи, защото *се чувствува виновен* и защото *се разкайва* (Карасл.); Само *подпоручик Личев*, малко пожълтял и със стръкче трева между зъбите, *изглеждаше сънлив и отпаднал* (Веж.); *Поручик Манев* обходи бързо височинката и *остана доволен* от прегледа (Веж.); Наскоро *чичо Митуш* се успокои, *стана благ, тих*, какъвто бе сега, работеше добре, а това стигаше (Йовк.); — *Човек* като вземе отговорен пост *по-друг става...* (Веж.).

В отличие от существительных, которые обозначают звания, существительные, которые при именах собственных называют профессию, род деятельности и т. п., членуются как и все нарицательные существительные: *Учителката Надя...*, като изпита веднаж Лаленцето по дадения урок, *остана учудена* (Е. П.); *Петър овчаря стана изведнаж много загрижен* (Йовк.).

В нечленованном виде в соответствии с общеязыковой нормой употребляются имена собственные: *Захария изглеждаше доста весел*, усмихваше се (Йовк.); До своята стройна и красива братовчедка *Марина изглеждаше още по-набита и по-черна* (Карасл.); *Въкрил ... изглеждаше по-красив и по-мил* (Карасл.); *Киро остана доволен* от Илия (Карасл.); *Станка* се изправи и *остана вцепенена*, като че гръм я поразил (Карасл.); ...той натърти на последната фраза и от тия думи *Синап остана доволен* (Л. Стоян.); *Давидко стана навъсен, мълчалив* (Йовк.); *Марин стана непредпазлив, дързък*, често приближаваше вълка (Йовк.); *Панко* изпреваряше всички и *ставаше пръв* между слугите (Йовк.); ...когато годеникът дойдеше на гости, *Аго ставаше сърдит, лош, начумерен* (Йовк.); В себе си *Кръстю се чувствуваше виновен*, но иначе и пред жена си дори не признаваше, че е сгрешил (Карасл.).

Членуются, подобно нарицательным существительным, имена собственные, являющиеся прозвищами: В безстрашието си *Анадолецът ставаше безразсъден* (Йовк.); Само *Чудото* всред всеобщото подновяване на живота *изглеждаше унил и отпаднал* (Веж.).

Вторым по употребительности детерминатором, свойственным существительному-подлежащему, в рассматриваемом

мых предложениях с полузнаменательными глаголами также является указательное местоимение: Той беше чувал някога в разговорѣ, че трябва да се повдига леко на стремената в ритъма на коня, но *тоя ритъм* сега му се струваше съвсем *объркан и неравномерен* (Веж.); Колкото понавътре отиваш, толкова повече *тоя свод става по-тъмен* (Е. П.); Високите охранени коне се бунтуваха: *тоя планински свят* им изглеждаше *необикновен, чужд* (Л. Стоян.); *Тоя смях* му се *видя зъл и зловец* (Е. П.);— Тогаз *туй вълче* суче всичкото мляко на майка си, та *става много голямо* (Йовк.); *Този скелет* се *вижда* много смешен на Иван Селският, и той винаги го гледа с философски размишления (Е. П.);— Какво ако ме попиташ?— изгледа го тя, и *този поглед* му се *видя строг и необещаващ* (Карасл.); Сега *този мъж* му *изглеждаше голям, недостижим* (Карасл.); И *целият този живот*, както беше устроен, му *изглеждаше нищожен и мръсен* (Карасл.); И изведнаж, в очакване на близката среща с нея, *тази сърдечна селска простота* му *стана мила и близка* (Карасл.); Дали защото срещата им беше при такова изключително обстоятелство, но на него *тази мома* му се *видя безкрайно мила и привлекателна* (Карасл.); *Това съмнение* се *видя обидно* на Станка (Карасл.); Колкото повече Тъкачев слагаше всяка дума, колкото повече обмисляше всеки израз, толкова *по-блedo и по-слабо* му се *виждаше това писмо* (Карасл.);— Нямам време, трябва да си ходя... ще *закъснея* — каза Станка, на която *това натискане* по рамото се *видя неприлично* (Карасл.); *Тези грижи* на родителите му да го направят против волята му щастлив и доволен, му се *виждаха дребнави, консервативни* (Карасл.).

Из числа других детерминаторов, сопровождающих существительное-подлежащее предложений с полузнаменательными глаголами, можно указать на элемент *един*: ...наблюдавайки живота, убеждавам се, че колкото *по-мизерна* и *по-невежа* се *явява една личност*, толкова *по-зловословно* се *чувствува* и *здро*во поколение ражда (Е. П.); Той отвори очи и като че се *вцепени*: *един голям вълк* с *знала червена уста* (*стори* му се *голям* като *магаре*), *гонеше овцете* из *ъгъла* (Йовк.).

В конструкции предикативного определения с именем прилагательным, где в качестве глагольного элемента выступают полузнаменательные глаголы, широко распространено употребление в качестве подлежащего слов с

внутренней детерминированностью. Среди них значительное место занимают личные местоимения:— Под нейната могъща закрила *ние се чувствуваме много по-сигурни и много по-спокойни* (Веж.); ...пък ти даже малко *бледичък ми се виждаш* (Е. П.);— *Вие ми изглеждате... така...*— тя се наведе към него и го загледа с престолено участие, — *Изглеждате тъй бледен и отпаднал...* (Карасл.); ...той усещаше с привикналата си войнишка душа здравия ритъм на упражненията *и се чувствуваше спокоен* (Веж.); *Той се чувствуваше възмъжал, решителен и силен* (Карасл.); Сега вече *той ѝ се виждаше толкова мил, близък и свой*, че забрави и за старата къща, и за опушения дъсчен таван, и за бедната уредба (Карасл.); Водата сякаш бе измила високомерието от лицето му, сега *той изглеждаше смутен и засрамен* (Веж.); Явно беше как от ден на ден *той ставаше по-безстрашен, по-лют* (Йовк.); В това просто делнично облекло от домашна тъкан *тя му се видя още по-мила, по-стройна и по-красива* (Карасл.); И сива е, с черни черти, а сред зеления бурен *изглежда и тя зеленикава, със златисти очи* (Йовк.); А понякога *тя дотолкова биваше разсеяна*, че майка ѝ ... я гълчеше грижовно... (Карасл.); Понякога *тя биваше приказлива*, понякога ще мине покрай човека и няма да го погледне (Йовк.); ...*тя се чувствуваше недостойна* за такъв учен мъж, който заминава някъде в големия свят сред големи хора (Карасл.); Но като мина повече време, *то се промени: стана равнодушно* към храната, към хората, делеше се настрана и се залисваше по своему (Йовк.); И поиска да напиша нещо весело, но *то излезе тъжно* (Е. П.); ...*те се криеха от внимателното око на руския комендант* и сега под закрилата на съюзните войници *се чувствуваха свободни и нахални* (Веж.); Наистина, в махалата имаше и други моми, но *те* току що се бяха наперили, *виждаха ѝ се много малки* и не ѝ се искаше да дружи с тях (Карасл.); ...в обнадежените души *той дойде сам, и те станаха по-добри* (Е. П.); Умалявал той тия думи, и *те ставали сладички, милички и звучнички* (Е. П.).

Помимо личных местоимений, в функции подлежащего выступают и другие разряды местоимений — указательные, определительные: Той *виждаше, че ония там долу ... станаха все по-дръзки* (Л. Стоян.); — *Всички мили ми станаха те* (Е. П.);— Като им пленим щаба, *всичко ще ни стане съвсем ясно* (Веж.); ...и макар да вършеха неща всеки-

дневни и обикновени, на Златан *всичко се виждаше ново и странно* (Веж.);— Като ти погледна само ръцете... *всичко изведнаж ми става ясно* (Веж.); Всичко у него ѝ харесваше, *всичко ѝ се виждаше необикновено и неповторимо* (Карасл.); Но както и да се извърташе, колкото и да се гледаше и дотъкмяваше, пак *всичко ѝ се виждаше бедно, грубо, лошо* (Карасл.).

Указателные и подобные им местоимения, а также элемент *един* употребляются, кроме того, в сочетании с предлогом *от* и детерминированным существительным: От всички практически трудности *тая до сега му се беше виждала най-тъмна и най-непроходима*, а ето че всичко се бе уредило благополучно (Веж.); *Едно* от средствата му *бе станало вече известно* — да го шантажира пред поглемите началници... (Веж.).

В придаточных предложениях как подлежащее конструкции предикативного определения широко употребляются относительные местоимения: В края на краищата съветският инструктор бе в чужда армия с чужд ред, който той не одобряваше, *който му се струваше стар и бюрократизиран* (Веж.); Боровият лес на края на хоризонта, *който сутринта блестеше от чистота и изглеждаше съвсем близък*, сега *бе станал почти невидим*, загърнат в бяло мъгливо сияние (Веж.); Между тях седеше и българската светица Петка Самарджийска, единствената, *която изглеждаше смела и самоуверена* (Е. П.); И Кръстевца, *която се чувствуваше малко виновна за цялата тази объркана работа*, заключаваше: «Каквото е рекъл бог, това ще бъде (Карасл.); *Работата, която отначало му се виждаше съвсем лека*, отне почти два часа (Веж.); Съмнителните работи проверяваше сам или чрез други ... и записваше само онова, *което му се виждаше оригинално и интересно* (Е. П.); ...мъничко, съвсем мъничко същество, *което му се бе видяло странно грозно и скъпо* (Веж.); И той имаше малко надежда, че момчето, *което иначе му се виждаше добро*, ще издържи и няма да излъже дъщеря му (Карасл.); Човекът отговаряше смътно и колебливо, смутен и треперещ при вида на тия хора, *които изглеждаха тъй настойчиви* (Л. Стоян.); Кой ли от тия, които виждаше и *които бяха станали скъпи* на сърцето му, нямаше да се върнат никога в родината? (Веж.); ...тук записваше всички случки и факти от семейния и обществен живот, *които му се струваха важни* ... (Карасл.).

В конструкции предикативного определения с именем прилагательным, как это было видно при рассмотрении ее глагольной части, весьма широко употребляются полнознаменательные глаголы, примыкающие по своим грамматическим свойствам к глаголу *съм* и полузнаменательным глаголам. Основная норма грамматического оформления существительного-подлежащего и при этих глаголах остается той же самой, какая наблюдалась при глаголе *съм* и при полузнаменательных глаголах.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-ПОДЛЕЖАЩЕЕ В КОНСТРУКЦИЯХ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Как уже отмечалось, все полнознаменательные глаголы, выступающие в конструкции предикативного определения с прилагательным, распадаются на два типа, и функционирование этих глаголов связано с двумя типами построений. Закономерность детерминирования существительного-подлежащего охватывает и один и другой тип таких построений.

Так, с членной формой как наиболее употребительным детерминатором систематически выступает существительное-подлежащее в конструкции предикативного определения с глаголами движения и пребывания в состоянии, объединяющимися вместе с *съм* и полузнаменательными глаголами в самостоятельный класс связочных глаголов: *Реката беше пришла доста голяма* и яростно блъскаше пенливите си мътни талази о огромните валчестоградки камъни (Ваз.); *Белки децата на Мехмед Синап ще растат немилли-недраги*, за да подлагат ръка за парче хлеб (Л. Стоян.); *Есента се бавеше, дърветата стояха зелени*, ливадите дочакаха втора коситба (Л. Стоян.); *Заедно с него се спря и слънцето и забави утрината*, за да стои полето повече време безлюдно (Е. П.); *Главата стоеше невъзмутима* и неподвижните очи гледаха равнодушно (Л. Стоян.); *Макар прозорците през цялата сутрин да бяха стояли отворени*, в стаята все още се чувствуваше дъх на мухъл и необитавано жилище (Дим.); *Ордата на Кара Ибрахим се движеше настървена* като вълча глутница (Л. Стоян.); *Защо житото лежи затворено* в хамбарите (Л. Стоян.); *Във войната с турците*, още при първото настъпление към Одрин, някъде около село Чермен падна

убит едничкият ѝ син (Карасл.); Но когато животното падна простреляно, той се вторачи... (Карасл.); Високите кули на юнака стърчаха самотни в синьото небе, широките чардаци стояха пуссти... (Л. Стоян.); На мегдана на висок прът стои набучена главата на Мехмед Синап (Л. Стоян.); И тъй като плугът си стоеше неразпрегнат, те се заловиха да пуснат воловете (Йовк.); Цяла пролет вратата стоя отворена и нищо от инвентара не липса (Е. П.); Оттам се пока- тери по стълбите, мина през пруста на чардака със същия урагански вид, втурна се в новата соба, отвори раклата, дете стояха неизпразнени от две години бащините му сребърни кобури (Ваз.); А Бояновата като на победен дълго време стоя неизмазана и балконът стърчеше със железните релси грозно откъм улицата (Даск.).

Такава же картина наблюдается и в специфической конструкции предикативного определения с приглагольными прилагательными, где в качестве глагольного элемента выступают некоторые семантические группы общего класса глаголов: Нищо! — отвърна замислен спътникът му (Велк.); Зетят му помагаше и пишеше недоволен (Даск.); Докторът поклати недоволен глава... (Велк.); Гимназистите мълчаха смутени (Велк.); Слугите се спогледаха усмихнати (Йовк.); Светецът се бе спрял сред полето и усмихнат се забавляваше (Е. П.); — Така — каза засмян също докторът (Велк.); Ами какво да правим? — изгледа го отчаяна старата (Карасл.); — Мълчи бре! — рече тя с такова отчаяние, че писарят я погледна усмихнат (Карасл.).

Как уже отмечалось выше, функционирующие в болгарском языке два типа конструкции предикативного определения тесно переплетаются между собой, создавая обширный материал предложений, которые позволяют относить содержащуюся в них конструкцию предикативного определения как к одному, так и к другому типу. Подобного рода предложения также дают многочисленные примеры употребления при существительном-подлежащем членной формы: Децата се дръвяха отчаяни и изпращаха Синапа с мълчаливи, просълзени очи (Л. Стоян.); ...засуети се войникът радостно възбуден (Веж.); Тълпата напираше и отстъпваше недоволна (Велк.); Старшията пристъпи учуден, вперил поглед в едрото му месесто лице (Карасл.); Командирът се разходи възбуден и замислен из стаята (Веж.); Старата се разиъта загрижена около него (Карасл.); Ловецът ... се свря неподвижен в малкия

тъгъл на гроба (Е. П.); *Старият адвокат седна позапъхтян и усмихнат* сконфузено, стоя така един миг... (Карасл.); *Очите му се скриха зачервени* под надвесените вежди (Даск.); *Бунтовникът се спря поразен* (Ваз.); *Щом влезе, майорът стана усмихнат* от стола си и излезе пред масата (Веж.).

В двух типах конструкции предикативного определения с полнозначительными глаголами, а также и в предложениях, где возможна двойная квалификация типа конструкции, отклонения от регулярного членования существительного-подлежащего наблюдаются в обычных для языка случаях. Так, в нечленованном виде употребляются имена родства с дательной формой личных местоимений, существительные, стоящие при именах собственных и обозначающие звания:— *Жена ми и дъщеря ми* почнаха да тичат от театър на театър ... и *се връщаха възбудени*, някак странно щастливи и унесени (Е. П.); — *Лъжеш, магарски сине!*— *изрева баща му бесен* (Ваз.); *Оставаше един верен съюзник, Хаджи Смион...*— *подидаскал Мирановски* стоеше неутрален (Ваз.); *Татко Пиер слушаше поразен* (Дим.); *Бай Доверчинов* напъха вестниците в джоба си и *тръгна* все така *нервен и възбуден*, без да ми каже едно довиждане (Е. П.); *Чичо Митуш* беше *дошел* в чифлика, може да се каже, *млад* (Йовк.).

Закономерно употребляются без членной формы различные имена собственные: *Румелия*, най-хубавият елмаз в короната на падишаха, *лежеше одимена*, пуста, обрасла в тръни, безлюдна (Л. Стоян.); *Станка* кипна, *спусна се пъргава* като котка и *грабна* кърпичката си (Карасл.); ...каза *Васил*, като *се върна пеш* в чифлика (Йовк.); *Мария* *лежеше измита и чиста* в леглото си (Дим.).

Так же, как в приведенных примерах конструкции предикативного определения с полнозначительными связочными глаголами, имена собственные широко представлены в конструкции с теми полнозначительными глаголами, которые выступают с приглагольными прилагательными:— *Видях, видях*— *заклати усмихнат* глава *Тъкачев* (Карасл.);— *Вие се подигравате с мене*— *заплака Липовански* уплашен (Даск.);— *Голямата! Ох!*— *изпищя Иванчо* уплашен (Ваз.);— *Сега колко е часът?*— *попита Боян*, като *помълча озадачен* (Даск.);— *Боже господи!*— *пошушна си Илийца* уплашена (Ваз.); *Щърка* *нивелираше* топчето и *разправяше зачервен* по страните от напреже-

ние (Даск.); *Васил го спря разтревожен* (Даск.); *Кръстю дишаше тежко..., сумтеше замислен* и хапеше загрижено мустака си (Карасл.).

Аналогично положение и в предложениях, совмещающих черты двух типов конструкции предикативного определения с полнозначительными глаголами: *Синап бързаше замислен...* (Л. Стоян.); *Веднъж Галунка — него ден Васил беше в града — дотърча изплашена* и каза... (Йовк.); *Боян го видя и зави доволен* настрани от него (Даск.); *Изморена, с отмалял до припадане кръст, Станка... се отпущаше отчаяна* (Карасл.); ...заповяда *Боян* на Славейко и *се оттегли разтреперан* към мелницата (Даск.); *Боян постоя* изпърво *смаян* сред богатата покъщнина, безредно разхвърляна (Даск.); *Липовански се сви гузен* (Даск.); *Трендафил скокна развълнуван* (Е. П.); Той забеляза как *Борис трепна изненадан* (Карасл.).

В соответствии с нормой языка имена собственные, представляющие собой прозвища, выступают с членной формой: *Липованеца скоочи ужилен* (Даск.); Де е големият даскал? — *попита Юзуфът запъхтян* (Ваз.); *Селямсъзът се разрева побеснял*, като обсипа Варлаама с обвинения в бунтовничество (Ваз.); «Ето, сега ще ревне!» — *помисли си угнетен Пингата* (Карасл.); Хе, Фарлам, кому казваше? — *извика възхитен Копринарката* (Ваз.); — Как? Има ли това? — *изкрещя засмян до уши Селямсъзът* и надникна над сатирата (Ваз.).

Помимо членной формы, в конструкциях предикативного определения с полнозначительными глаголами употребляются как детерминаторы существительного-подлежащего указательные, определительные и другие местоимения. Например: ...и се чудеха как така *тая тиха, малка река... пълзи* към падалището *алчна, ненаситна*, иска й се и мелницата да повлече в дълбокото си гърло (Даск.); Ала сега *тия хора ... почти недоволни наблюдаваха* чевръстата работа на пожарникарите (Велк.); *Всички тия въпроси стоят неразрешени, мъчни* (Е. П.).

Употребляется здесь как детерминатор существительного-подлежащего также и элемент *един*: Там *лежеше прострян един момък* без мустаца, с продупчена глава (Ваз.); *Един копач*, легнал с целия си ръст върху земята, *прохърка заспал* (Велк.).

В конструкциях предикативного определения с полнозначительными глаголами представлено и самостоятель-

ное употребление как подлежащего тех разрядов местоимений, которые в других случаях выступают как детерминаторы при существительном. Так, здесь выполняют функцию подлежащего определительные, неопределенные, вопросительные местоимения: *В къщата стана пусто и мрачно..., всички ходеха посърнали и мълчаливи* (Карасл.); — *От Варна всички идат почернели, обгорели* (Е. П.); *Всички се изгледаха уплашени* (Ваз.); *Всички мълчаха смутени и възмутени* (Карасл.); *И изведнъж всички настръхнаха ужасени...* (Веж.); — *Кой си ти? — запита задъхан някой, като се наведе над него* (Велк.); — *И защо пък не ни пускат, дявол да го вземе!*... — *питаше някой огорчен* (Велк.); *И аз така си мислех, че пръв ще дойде... — А кой според тебе ще дойде последен?* (Веж.).

В двух типах конструкции предикативного определения с полнозначительными глаголами, а также в построениях, допускающих двойную квалификацию типа конструкции, из всех разрядов местоимений наиболее часто функцию подлежащего выполняют личные местоимения: *Имаше нещо подло и в това, че от нападението самият той беше излязъл невредим* (Дим.); — *А той... падна ли убит?* (Л. Стоян.); *Когато, още замаян и поразен от тази среща, той се домъкна до кревата и легна облечен, в сърцето му се отвори някаква дълбока, ненаситна, мъчителна празнина* (Карасл.); *Тя падна мъртва сред полето* (Е. П.); *...те искаха да възвишат душите си до бога и чисти да отидат в неговите селения* (Е. П.); *Те си стояха небутнати, кървави още, накацани от мухи* (Йовк.); *Той се задъхваше от мъчителната астма и пушеше навъсен* (Карасл.); *Той... мислеше радостно възбуден, избистрен, възроден* (Карасл.); *Той... замаян шепнеше: «Да видят кой е Боян!»* (Даск.); *Тя мляскаше наведена и само навремени се стряскаше от нещо* (Карасл.); *Тя помълча, наклони се към Ивана и прошепна задъхана...* (Карасл.); *Той вече не пълзеше, а тичаше леко наведен* (Веж.); *Той застава ухилен над главата на Боян* (Даск.); *...тя изхвъркна сърдита, решила да се не връща никога вече* (Даск.); *Тя отскачаше често у Кръстев и се клатеше отчаяна* (Карасл.); *Тя се прибра в къщи задъхана и смутена, но изпълнена с приятно вълнение* (Дим.); *Те... влизаха блажено усмихнати* (Е. П.); *Те се отдръпваха обидени, карайки се една друга* (Даск.).

В придаточных предложениях как подлежащее широ-

ко употребляются относительные местоимения: Голямото куче на мелницата, *което* през деня *стоеше* вързано, пролайваше, пуснато на свобода (Даск.); Не беше ли това сянката на човек, *който* се *спасяваше* подгонен от някаква опасност? (Велк.); Трите жени се прекръстиха и се наведоха да вдигнат от трона болния младеж, *който* *седеше* там *блед* и *неподвижен* (Е. П.);— Лаврентиев, за бога, ще говорите ли, чакат ви?— се обади от навалищата ниският и дебел директор на гимназията, *който* го *търсеше* запълтян (Велк.); ...той няма право да го бие! — оплакваше се Славейко на Янчо, *който* му *отвърщаше* някак си *обръгнал*... (Даск.); И се извърна към дъщеря си, *която* *гледаше* *изумена* (Карасл.); Дори злорадно усмихнатата Марина зяпна плахо братовчедка си, *която* *стоеше* и *чакаше* *наежена* (Карасл.); Павел погледна съчувствено жената, *която* *седеше*... *смазана* от умората на изкачването (Дим.); Липовански, *който* *стоеше* *изгръпнал* досега, отведнъж *избухна*... (Даск.).

Таким образом, основная норма грамматического оформления существительного-подлежащего, состоящая в обязательном детерминировании этого синтаксического элемента, полностью прослеживается и на материале конструкций предикативного определения с полнозначительными глаголами.

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО-ПОДЛЕЖАЩЕГО КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ТРЕХЧЛЕННЫМ ЯДРОМ

Проведенный анализ показывает, что закономерность детерминирования существительного-подлежащего охватывает все разновидности конструкции предикативного определения или, если подходить к рассмотренному материалу как к определенному типу предложений,— все разновидности предложений с трехчленным ядром.

Наблюдение над предложениями с двучленным ядром и сравнение представленной в них грамматической карти-

ны с той, която е свойствена предложениям с трехчленным ядром, выявляет принципиальное различие между этими двумя основными типами предложений.

Существительное-подлежащее предложений с двучленным ядром не обнаруживает такого единообразия грамматического оформления, какое наблюдалось в предложениях с трехчленным ядром. С одной стороны, в предложениях с двучленным ядром существительное-подлежащее часто выступает в детерминированном виде: През нощта падна първият сняг и заличи валозите и междите по полето (Даск.); Сега веселата детска игра му спомняше неговото детинство (Даск.); Като мътен порой се спуснаха кърджалишите от Бакъджиците надолу в полето (Йовк.); Огънят угасна (Е. П.); Дружината замълча (Е. П.); В сянката на висок орех малката воденичка на Мустафа мълчеше (Л. Стоян.); Селото спеше, съсипано от работа и жегата (Карасл.); Загасна оня младежки пламък в душата му, сега той стана някак си затворен (Даск.); Тая разлика не се премазна даже след Девети септември (Даск.); ...и му се стори, че тая бяла женска пребрядка по едно време взе да му кима и да го вика (Е. П.); Мехмед Синап бързаше; тия дълги години бяха го преобразили (Л. Стоян.); Тия мисли тревожеха Синапа (Л. Стоян.); Всички уста онемяха за миг (Л. Стоян.); През ума му минаха всички познати жени от селото (Е. П.); ...а всяко военно време изяжда готовото и ново не ражда (Л. Стоян.); ...някои малчугани се обръщаха заедно с шейните точно пред портата (Даск.);— Някой сиромаш предаде дух,— проговори Лазо (Е. П.);— Отиде си хубавият човек!— гухна един сухичък мъж (Карасл.); Един синеок момък го дръпна за ръкава... (Карасл.); ...една черква извиваше кубето си и кръстът ѝ светеше като запален (Йовк.); От ума му не излизаше един образ, досаден и натраплив като гладна оса (Л. Стоян.); Една звезда се совна и проряза небето с огнена черта (Е. П.); Една болезнена немощ разслабваше тялото му (Е. П.); Край каруцата на втора рота един войник затягаше коланите на конете и тихо си подсвирваше някаква неясна мелодия (Веж.);— Ония, които имат, не гледат ли да трупат още и още, да ограбят и сетната пара на сиромаша? (Л. Стоян.); Тоя се зарадва и умили до уши (Л. Стоян.);— Хляб няма, хляб... Гинем всички (Л. Стоян.); Всички помнеха как събра младежите вечерта и обяви с гърмежи въстанието (Даск.); Кречеталото не

пееше привичната си песен, всичко мълчеше като в гробище (Л. Стоян.); ...всеки да вземе по четири вретича и да доведе по две мулета — тогава ще видим (Л. Стоян.); *Кой би разказал живота му в тия години?* (Л. Стоян.); — *Инак кой ще ти вярва?* — тихо издума Топал Салих (Л. Стоян.); От другия край на обоза някой се обади недоволно (Веж.); Стаята изведнаж потъмня — някой беше застанал на вратата (Веж.); *Някои викаха:* — Облечен си като сеизин... (Л. Стоян.); Но това никои не беше видял (Даск.); ...личеше, че оттам никои не беше забелязал още кърджалиите (Йовк.); *Всеки от тях можеше да му каже:* «Никои не мисли за нас...» (Веж.); От веригата се откъсна един от придружаващите ги, Търницата, и дръпна Македончето за ръката (Даск.); — Да видя, па да не повярвам, — рече един от другарите му (Е. П.); — *Аз съм взел един комат в джоба, ако прегладнееш...* — и той се тупна по издутия джоб (Даск.); *Тя стои на къщния праг и дълго и тъжно гледа прашния път* (Е. П.); — *Лукач е добро момче. Знаем, че ти го обичаш* (Е. П.); — *Ние ще гласуваме, само го върнете!* (Даск.); — *Вие сте плакали, госпожо?* — каза Киров (Ваз.); *Те идат в строй една зад друга — начело гъсокът, зад него патетата* (Йовк.); ...той приличаше на оня млад юнак в приказките, който избавил хубавицата от ръцете на змея (Л. Стоян.); ...а в очите му се замярка жената, която ту се подаваше, ту се скриваше в зелените вълни на ръжта (Е. П.); — *Слушай, Синап, ти каза една приказка, която разпали кръвта ни в жилите и ни взе ума* (Л. Стоян.); ...от всички, които ходеха по чужда кърска работа, те работеха най-чевръсто и най-съвестно (Карасл.); Но *Индже* още не даваше знак да се нападне някое село (Йовк.); *Марица* тихо подписнуваше мътните си води (Е. П.); *Лазо*, сух, слабичък момък, беше прилепнал до огъня и потикваше съчките (Е. П.); *Синап* сбърчи чело (Л. Стоян.); Но *Боян* не се сърдеше (Даск.).

С другой стороны, наряду с подобными примерами, в предложениях с двучленным ядром широко представлены и случаи употребления существительного-подлежащего в недетерминированном виде: — *Тука съм, тука — отекна глух, безпомощен глас* (Л. Стоян.); *Насреца му се зададе двуколка*, впрегната в две мършави крави (Л. Стоян.); *Отпред вървеше жена* в бяла забрадка (Л. Стоян.); *Струваше му се*, че от всяка къща го поглежда жълто лице с изцъклени очи (Л. Стоян.); *Нахлу царска войска* срещу

Пазвантооглу (Л. Стоян.); *Идваше пролет* (Л. Стоян.); *Настъпни мълчание*, смесено с насмешливо очакване (Л. Стоян.); *Мека, къдрава здрачевина* се свлече леко по накъсаните огнени нишки на първите звезди (Карасл.); *Неуловим полъх разклати* върховете на потъмнелите дървета (Карасл.); Само като рязко и късо бълнуване *изскърцваше* някъде *закъсняла кола* (Карасл.); *Приятен аромат* на липов чай *изпълваше* тясната стаичка (Веж.); В ъгъла разпаленото кюмбе също така руменееше с бузите си, а върху него *кипеше и потражваше* с капак *излъскал алуминиев чайник* (Веж.); След малко на вратата се *почука и влезе непознат офицер* (Веж.); В погледа на поручика за миг *се мярна неудоволствие* (Веж.); На сайванта, под наниза червени чушки, *се миеше шумно млад човек* в зелена егерова фланелка и с войнишки бричове (Веж.); Между каруците *се носеше мирис* на тор и запарено сено (Веж.); *Висок войник*, с вдигната яка и със свалени наушници, така че лицето му почти не се виждаше, *каза сериозно:— Има, има, господин поручик!* (Веж.); Зад завоя *се зададе камион* и войникът рязко възви колата настрана (Веж.); От откритото поле *вееше студен насрещен вятър* и поручик Манев се загърна плътно в шинела си (Веж.); Всред селото, килнато на една страна, *стърчеше разбито противосамолетно оръдие* (Веж.); Върху жълтия табак *се чернееше голямо мастилено петно*, което някой с пръст бе размазал във форма на женска глава (Веж.); Насреща от улицата *идваше строен и добре стегнат офицер* (Веж.); По лицето му *се разливаше широка фамилиарна усмивка* (Веж.); Някъде в крайнините на селото *засвири войнишка тръба* (Веж.); *Деца бяха направили* първата пързалка и се спускаха с шейните от баирчинката над къщата му чак до портата (Даск.);— Чичо Бояне, недей, аз съм! — *обаждаше се уплашен глас* изпод снега (Даск.); Като че *тож премина* през снагата на Васил (Даск.); ...отдалеч можеше да се помисли, че *се задава буря* (Йовк.); ...и само в няколко дни на поляната при Седемте кладенци, гдето Индже беше побил чадъра си, *израсна голям лагер* (Йовк.); *Падна чудна лятна нощ*, прохладна и свежа (Е. П.); От ливадите край нея *се обади ясен мъжки глас* и потъна в тишината (Е. П.); След малко *светна огън* (Е. П.); Далеч *нейде се вдигна тънък писък* като жален стон на някоя поразена от куршум душа (Е. П.); *Нейде се обаждаше гугутка*, по отру-

паните с цветя сливади бръмчеха пчели (Е. П.); Когато слънцето се извиси и над полето *настана горещина*, отец Игнатий съблече расото (Е. П.); Наоколо, по цялото полско ширене, *се не мяркаше жива човешка душа* (Е. П.).

Все эти многочисленные примеры представляют собой именно случаи недетерминированного употребления существительных. Они не относятся к случаям отсутствия членной формы при существительном по различным семантическим мотивам, как это имеет место в предложениях: *Викаше го навярно дъщеря му*, която беше омъжена в съседното село Верен (Ласк.); *В живота човек прави отстъпки в името на приличието*, а понякога просто от инертност или стеснение (Веж.); *Рано в света неделя отец Игнатий се метна на своето пъргаво рано конче* (Е. П.) и им подобных.

Возможность разного грамматического оформления подлежащего в предложениях с двучленным ядром свидетельствует о том, что закономерность обязательного детерминирования существительного-подлежащего, систематически наблюдаемая в предложениях с трехчленным ядром, не распространяется на двучленные построения. Таким образом, закономерность обязательного детерминирования существительного-подлежащего предстает как синтаксическая норма, присущая лишь предложениям с трехчленным ядром.

Учитывая, что закономерность обязательного детерминирования подлежащего действует в пределах трехчленных построений ядра предложения и не распространяется на двучленные построения, следует сделать вывод, что в данном случае имеет место не общая закономерность предложения, а синтаксическая норма построения одного из типов конструкций, образующих ядро предложения, а именно конструкции предикативного определения.

Предложения, ядро которых образует трехчленная конструкция предикативного определения, предстают как совершенно самостоятельный тип простого предложения, специфика грамматических закономерностей которого затрагивает и такой общий для разных типов предложений элемент, каким является существительное-подлежащее.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бот.	—	Хр. Ботев	Е. П.	—	Елин Пелин
Ваз.	—	И. Вазов	Йовк.	—	Й. Йовков
Веж.	—	П. Вежинов	Карасл.	—	Г. Караславов
Величк.	—	К. Величков	Конст.	—	А. Константинов
Велк.	—	Кр. Велков	Стан.	—	Ем. Станев
Влайк.	—	Т. Влайков	Л. Стоян.	—	Л. Стоянов
Даск.	—	Ст. Даскалов	Страндж.	—	К. Странджев
Дим.	—	Д. Димов	Чуд.	—	Чудомир

СОДЕРЖАНИЕ

Вводные замечания	3
Два основных типа простого предложения	3
Конструкция предикативного определения как основа структуры трехчленного предложения	4
Составные элементы конструкции предикативного определения и тенденции в их освещении	5

Часть первая

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ-ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

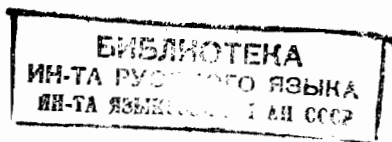
Специфика предикативного определения-существительного и дефиниция конструкции	31
Синтаксическая характеристика грамматических категорий имени существительного	32
Дублирование существительным-предикативным определением формы существительного-подлежащего. Смысловое согласование	35
Разграничение функций двух существительных конструкции предикативного определения	39
Критерий установления синтаксических функций существительных	39
Грамматические категории глагола, отражающие согласование с существительным	43
Затемнение согласования и способы его раскрытия	45
Психологическое членение и грамматическое членение предложения	57
Психологическое членение и грамматические средства его выражения	59
Специфика психологического членения в предложениях с конструкцией предикативного определения	62
Психологическое подлежащее и грамматическое подлежащее в предложениях с конструкцией предикативного определения	71

Структура логического суждения и структура предложения	74
Теория расхождения между грамматикой и логикой . . .	76
Теория полной аналогии между грамматикой и логикой . .	80
Связь грамматических категорий с категориями логики . .	85
Существительное-подлежащее и существительное-предикативное определение	86
Две сферы противопоставления существительных	87
Характеристика существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения в грамматической традиции (87). Роль членования и характера лексики в оформлении функций существительных (93).	
Детерминированность существительных	98
Членованность существительного-подлежащего и нечленованность существительного-предикативного определения как основная норма языка (98). Отсутствие членной формы у существительного-подлежащего по семантическим мотивам (101). Детерминированность существительного-подлежащего (104). Внутренняя детерминированность существительного-подлежащего (107). Второстепенные члены при существительном-подлежащем (109). Членование существительного-предикативного определения (111).	
Конкретность — абстрактность значения существительных	116
Конкретность значения существительного-подлежащего и абстрактность значения существительного-предикативного определения (116). Равенство существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения по детерминированности и конкретности — абстрактности значения (118).	
Относительная детерминированность существительных . .	120
Связь формы детерминированности существительного с его синтаксической функцией (120). Система относительной детерминированности существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения (129). Соотношение двух сфер противопоставления существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения (131).	
Глагол в конструкции предикативного определения с именем существительным	134
Закономерности конструкции предикативного определения с существительным при различных глаголах	134
Состав глаголов, выступающих в конструкции предикативного определения с существительным	138

Часть вторая

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ-
ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

Разграничение в предложении прилагательного-предикативного определения и прилагательного-простого определения	143
Место прилагательных в порядке слов предложения. Синтаксически двусмысленные построения	143
Элементы с фиксированным местом в порядке слов как показатели функций прилагательных	144
Глагол и прилагательное-предикативное определение	148
Состав глаголов, выступающих в конструкции предикативного определения с прилагательным	148
Полнозначительные глаголы в конструкции предикативного определения с прилагательным	153
Дифференциация внутри глаголов и прилагательных конструкции предикативного определения	159
Связочные глаголы и сочетаемые с ними прилагательные Приглагольные прилагательные и сочетаемые с ними глаголы	162
Два типа конструкции предикативного определения с прилагательным	167
Существительное-подлежащее в конструкции предикативного определения с именем прилагательным	176
Существительное-подлежащее в основном типе конструкции предикативного определения с прилагательным	178
Существительное-подлежащее в конструкциях предикативного определения с полнозначительными глаголами	192
Детерминированность существительного-подлежащего как специфическая черта простого предложения с трехчленным ядром	197
Принятые сокращения	202

М. Г. РОЖНОВСКАЯ

ОЧЕРКИ
ПО СИНТАКСИСУ
БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики

Редактор издательства Е. В. Фурманова
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректоры Л. И. Кириллова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 15104

Сдано в набор 25.07.78.
Подписано к печати 29.11.78.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,4.
Тираж 900 экз. Тип. зак. 774.
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука».
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

БАЛКАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

1977. 324 с. 1 р. 01 к.

Сборник посвящен исследованию лингвистических проблем, связанных с языками Балканского полуострова и смежных с ним ареалов. Рассматриваются вопросы древних языковых и этнических контактов Балкан, актуальные проблемы современной балканской лингвистики. Материалы сборника отражают результаты новейших исследований в области балканистики.

Книга рассчитана на специалистов по балканистике, языкознанию, а также по древней истории, этнографии, фольклору и мифологии.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ.

1973. 312 с. 1 р. 03 к.

В статьях сборника раскрывается значение важных источников по истории русского языка, а также методов анализа текста памятников древнерусской письменности. Дается содержательная информация об отдельных памятниках русского языка; анализируются акцентованные рукописи и старопечатные книги; характеризуются материалы, собранные для словарей восточнославянских языков.

Книга рассчитана на широкие круги филологов и историков, на преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ.

1974. 1976. 270 с. 93 к.

Сборник содержит статьи советских и зарубежных ученых-славистов, сотрудничающих в коллективной теме «Общеславянский лингвистический атлас». Значительная часть статей посвящена актуальным проблемам работы над ОЛА, главным образом — вопро-

сам картографирования материала разных языков. Кроме того, публикуются статьи широкого славистического профиля, в которых освещаются самые различные аспекты истории и диалектологии славянских языков.

Книга рассчитана на широкий круг ученых-славистов и преподавателей вузов.

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичурин-

ский проспект, 12; 630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

1р.80к.

М.Г. РОЖНОВСКАЯ